

**THE REVIEW
OF THE LIBERAL ARTS
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

1 (8) 2015
april

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)
Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Frequency: 4 times a year

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Perelygina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Candidate of Arts, Prof., Member of the Russian Academy of Arts S. V. Golynets
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office

M. M. Volkova

**ВЕСТНИК
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1 (8) 2015
апрель

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)

канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов

канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева

д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова

д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт

д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова

канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова

д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова

канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков

д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько

д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек

д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек

д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перельгина

канд. социол. наук С. А. Рамзина

канд. пед. наук Л. В. Росновская

д-р юр. наук А. П. Семитко

д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин

д-р экон. наук Н. В. Хмелькова

д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев

проф. Ив Аман (Франция)

канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин

канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)

канд. искусствоведения, проф., академик РАХ С. В. Голынец

д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский

Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)

д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко

д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)

д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом

М. М. Волкова

Вестник Гуманитарного университета / редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2015. – № 1 (8).

ISSN 2308-8117

Разделы журнала соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления.
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели.
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира.
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики.
5. Проблемы образования.

Содержание

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели.....	9
<i>Маркова Ю. Н.</i> Методологические основы управления совокупной производительностью труда в современных условиях.....	10
<i>Крысанова Н. В.</i> Эффективность применения методик оценки инвестиционной привлекательности регионов.....	18
Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира.....	25
<i>Чуркина Л. М.</i> Значение принципа добросовестного выполнения международных обязательств и его роль в процессе исполнения постановлений международных судебных учреждений.....	26
<i>Абрамов С. М.</i> Кэмп-Дэвидский мирный договор как остановка между войной и миром.....	31
<i>Самаров В. Н., Непомнящий В. З., Комлева Е. В.</i> О Кольском международном кластере технологий обращения с высокоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом.....	43
Мир культуры: субъекты, институты, практики.....	49
<i>Охотников О. В.</i> Сравнительный анализ в гуманитарном знании: историко-философская ретроспектива.....	50
<i>Нагевичене В. Я.</i> Гендерный образ России в трудах западных философов.....	54
<i>Антонова И. А.</i> Внутреннее и внешнее пространство человека.....	61
<i>Кныш Е. В.</i> Понятия секулярной и постсекулярной культуры: исторические трансформации... ..	66
<i>Калужникова Е. А., Николаева Е. Ю.</i> Ритуально-игровые формы в современном экскурсионно-познавательном туризме.....	73
Проблемы образования.....	81
<i>Павлов К. В.</i> Инновационная экология как новая научно-учебная дисциплина.....	82
<i>Росновская Л. В.</i> Этнокультурный аспект профессиональной подготовки бакалавров в сфере конструирования изделий легкой промышленности.....	89
<i>Степанченко Л. В.</i> Виртуализация информационной среды специалиста как актуальная проблема современной индустрии моды.....	94

<i>Филатова Е. А.</i> Технология игрового взаимодействия как способ формирования организаторских способностей студентов в высшем учебном заведении.....	101
Научные события	107
<i>Мясникова Л. А.</i> О конференции Гуманитарного университета «Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы».....	108
О редколлегии	115
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	118

Contents

The Optimization of Russia's Economy Management: Finance, Economic, Mathematical and Computer Models	9
<i>Markova Y. N.</i> Methodological Basis for the Cumulative Labor Productivity Management in Modern Conditions.....	10
<i>Krysanova N. V.</i> Appropriate Methods of the Regional Investment Attractiveness Evaluation.....	18
Legal and Political Culture in Social, State, Military History of Russia and the World	25
<i>Churkina L. M.</i> The Meaning of the Principle of Good Faith and its Role in the Execution of International Courts Judgments.....	26
<i>Abramov S. M.</i> The Camp David Accords as a Crossroad between War and Peace.....	31
<i>Samarov V. N., Nepomnutshy V. Z., Komleva E. V.</i> On Kola International Cycle of Technologies to Handle High-Level Nuclear Waste and Spent Nuclear Fuel.....	43
The World of Culture: Subjects, Institutions, Practices	49
<i>Okhotnikov O. V.</i> Comparative Analysis in Humanities: Philosophical Retrospective Review.....	50
<i>Nagevichene V. Y.</i> The Gender Image of Russia in Western Philosophy.....	54
<i>Antonova I. A.</i> Man's Internal and External Space.....	61
<i>Knysh Y. V.</i> The Notions of Secular and Postsecular Culture: Historical Transformations.....	66
<i>Kaluzhnikova Y. A., Nikolaeva E. Y.</i> Ritual Play Activities in Contemporary Educational and Excursion Tourism.....	73
The Issues of Education	81
<i>Pavlov K. V.</i> Innovative Ecology as New Scientific Subject Matter.....	82
<i>Rosnovskaya L. V.</i> Ethnocultural Dimension of Bachelor's Degree Programs in Apparel Engineering and Design.....	89
<i>Stepanchenko L. V.</i> The Virtualization of the Specialist's Information Environment as the Modern Fashion Industry Problem.....	94
<i>Filatova E. A.</i> Game Interaction Techniques as a Way to Build High School Students' Supervisory Skills.....	101

Scientific Events	107
<i>Myasnikova L. A.</i>	
On the LAU Conference “University of the 21 st century: Old Paradigms and Contemporary Challenges”.....	108
 About Editorial Board	 115
 Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	 118

**Оптимизация управления
экономикой России:
финансово-экономические,
математические
и информационно-компьютерные модели**

УДК 331.101.6

Маркова Юлия Николаевна

канд. экон. наук, кафедра менеджмента
и маркетинга факультета бизнеса и управления,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Markova Yulia Nikolaevna

Candidate of Economics,
Management and Marketing Chair at Business and
Management Department, Liberal Arts University
– University for Humanities (Ekaterinburg)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
УПРАВЛЕНИЯ СОВОКУПНОЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**METHODOLOGICAL BASIS
FOR THE CUMULATIVE LABOR
PRODUCTIVITY MANAGEMENT
IN MODERN CONDITIONS**

Аннотация

В настоящей статье представлены современное понимание и особенности управления производительностью труда персонала, приведена классификация инструментов управления совокупной производительностью труда, а также предложена к практическому использованию дополненная система показателей оценки эффективности труда персонала.

Ключевые слова: производительность труда; инструменты управления совокупной производительностью труда; показатели эффективности труда персонала; рентабельность персонала.

Abstract

This article performs the modern understanding, features and instruments of cumulative labor productivity management, and the staff assessment system is offered to practical use.

Key words: labor productivity; instruments of cumulative labor productivity management; staff assessment system; staff profitability.

Как известно, в Концепции развития России до 2020 г., принятой в 2008 г., указано на необходимость четырехкратного повышения производительности труда, что позволило бы нашему государству выйти на пятое место в мире по валовому внутреннему продукту и существенно повысить конкурентоспособность производимой продукции [5]. Это обстоятельство возродило интерес к вопросам управления производительностью труда.

В годы административно-командной системы управления народным хозяйством страны была проведена обширная методическая работа в области производительности труда, ее оценки и измерения, а также управления факторами и резервами ее роста. В современных условиях, когда деятельность организации в значительной степени определяется внешними факторами, возникает необходимость совершенствования имеющихся инструментов управления производительностью труда с учетом рыночных преобразований и использованием современных методов менеджмента.

При переходе от административно-командной системы к рыночной экономике изменилась вся система планирования организации, в том числе и планирование трудовых показателей. В условиях плановой экономики министерства ежегодно устанавливали подведомственным предприятиям плановые задания по повышению производительности труда. Разработка плана повышения производительности труда на предприятии начиналась с определения ожидаемого уровня производительности труда в базисном периоде. При этом выяснялись факторы, оказывающие существенное влияние на уровень и темпы роста средней выработки продукции в расчете на одного работающего. Пофакторный анализ позволял выявить резервы роста производительности труда. На основе анализа разрабатывал-

ся план организационно-технических мероприятий по повышению эффективности производства, и далее устанавливался плановый уровень производительности труда.

В современных условиях организации самостоятельно осуществляют планирование финансово-экономических показателей работы, формируют стратегию развития предприятия. В рыночных условиях разработка программ управления производительностью труда должна быть встроена в общую стратегию развития организации и согласована с ней, все экономические расчеты должны базироваться на оценке и измерении желаемых результирующих показателей работы предприятия.

Основным направлением роста рентабельности продукции является снижение издержек на ее производство. В настоящее время для снижения себестоимости на предприятии принято снижать материальные затраты: списывать устаревшее оборудование, снижать материалоемкость и т. д., однако этот резерв имеет физические границы. В случае крайней необходимости осуществляется сокращение штата работников. Резервы роста производительности труда на российских предприятиях (ввиду ее низкого уровня¹) практически безграничны и также оказывают значительное влияние на снижение себестоимости продукции.

Повышение производительности труда на промышленных предприятиях определяется, в первую очередь, уровнем развития производственно-технической базы, который, в свою очередь, зависит от результатов внедрения и использования самых передовых научно-технических достижений. В то же время высокотехнологичная техническая база производства требует высокого квалификационного уровня работников, профессионализма управленцев, а также проведения оптимальной кадровой и финансовой политики [4].

На наш взгляд, наиболее практичный подход к управлению производительностью труда в современных условиях предлагает в своих работах глава Общественного объединения по повышению производительности труда В. И. Бовыкин [2; 3]. Для грамотного управления эффективностью труда он предлагает использовать понятие совокупной производительности труда.

Совокупная производительность труда – совокупность индивидуальной производительности и производительности организационно-технических средств. Такое понимание производительности дает современному руководителю возможность оценивать ее в зависимости как от возможностей и способностей работников, так и от уровня технической и производственной оснащенности предприятия. Формула 1 демонстрирует описываемый подход к пониманию совокупной производительности труда [1].

$$ПТ = ПОТС * ИТ \quad (1)$$

ИТ – индивидуальная производительность труда;

ПОТС – производительность организационно-технических средств.

Формулы 2–5 и рисунок 1 демонстрируют важность управления обеими составляющими производительности. Если условно принять максимальное значение обеих составляющих за единицу, то максимальное значение совокупной производительности также будет максимальным. Однако если одна из составляющих будет менее максимальной величины, то значение совокупной производительности труда будет уменьшаться в геометрической прогрессии.

$$ПТ = ПОТС * ИТ = 1,0 * 1,0 = 1,0 \quad (2)$$

$$ПТ = ПОТС * ИТ = 1,0 * 0,5 = 0,5 \quad (3)$$

$$ПТ = ПОТС * ИТ = 0,5 * 0,5 = 0,25 \quad (4)$$

$$ПТ = ПОТС * ИТ = 0,65 * 0,29 = 0,19 \quad (5)$$

¹ Уровень производительности труда в России в 3,5 раза ниже, чем в США, и в 2–2,5 раза ниже, чем в Великобритании и Франции [6].

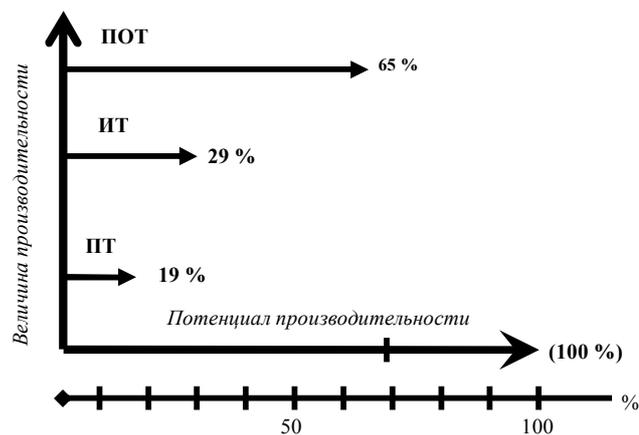

Рис. 1. Совокупная производительность труда²

В современных рыночных условиях высокая конкурентоспособность промышленных предприятий достигается, прежде всего, совершенствованием техники и технологии ее использования. Однако реализацией новшеств занимается конкретный работник – человек, от подготовленности и желания которого хорошо трудиться зависит значительная часть успеха. Поэтому, каким бы современным ни было применяемое оборудование, насколько ни был бы совершен организационный и технологический процесс, без правильной и действенной мотивации работника рост совокупной производительности труда невозможен.

При разработке программ управления производительностью труда на промышленном предприятии опытному менеджеру необходимо правильно использовать имеющийся инструментарий для достижения максимальных результатов в свете направленности применяемых мер на ту или иную составляющую производительности. Так, научная организация труда призвана обеспечивать качественное взаимодействие системы «человек – машина», а мотивация, удовлетворяющая психологические, социальные и экономические потребности человека, позволит достичь максимальных индивидуальных результатов.

На рисунке 2 представлена классификация инструментов управления производительностью труда на предприятии для демонстрации их влияния на ту или иную составляющую производительности труда.

Исходя из определения факторов роста производительности труда как объективно существующих явлений и процессов, изменение качественных и количественных характеристик которых влияет на уровень производительности труда, мы разделили все многообразие внутренних инструментов управления производительностью труда на промышленном предприятии по отношению к группе факторов, на реализацию которой направлено их действие. В связи с тем, что классический менеджмент содержит исчерпывающий перечень инструментов управления организационно-технической составляющей, мы отмечаем необходимость совершенствования практических методов повышения индивидуальной производительности труда.

В современной экономической литературе вопросы социально-экономического управления трудом являются объектом изучения смежных дисциплин: управления персоналом, мотивации персонала, социологии, управления оплатой труда и других. В многочисленных работах, посвященных данной тематике, представлены и предложены к практическому использованию различные инструменты управления индивидуальной производительностью труда.

² Рисунок 1 выполнен автором для иллюстрации важности управления обеими составляющими для достижения максимально возможного уровня совокупной производительности труда.

ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ ТРУДА НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

³ Классификация инструментов управления производительностью труда составлена автором на основе общепринятой схемы внутрипроизводственных факторов роста производительности труда.

При выборе направлений и конкретных инструментов управления производительностью труда на промышленном предприятии следует базироваться на современных и действенных методах управления трудом, что должно способствовать повышению эффективности работы предприятия.

Важный момент в управлении производительностью труда – выбор показателей, характеризующих его эффективность.

В современной экономической литературе представлены многочисленные подходы к измерению уровня производительности труда и широкий перечень показателей, предназначенных для ее оценки. В таблице 1 представлены основные показатели, необходимые для оценки эффективности труда, в том числе предлагаемые автором.

Таблица 1

Показатели эффективности труда⁴

Наименование показателя	Расчетная формула	Условные обозначения
1. Выработка на одного работающего (рабочего)	$В = \frac{ОП}{ЧР}$	В – выработка на человека в единицах измерения объема (шт., нормо-час, руб.) ОП – объем произведенной продукции, шт., нормо-час, руб. ЧР – численность работающих (рабочих), чел.
2. Трудоемкость единицы продукции	$Тр = \frac{T}{ОП}$	Тр – трудоемкость единицы продукции, ч; нормо-ч Т – затраты времени, ч; нормо-ч
3. Продуктивность персонала	$ПП = \frac{ОП}{ЗСП}$	ПП – продуктивность персонала, руб. ОП – объем произведенной продукции, руб. ЗСП – затраты на содержание персонала, руб.
4. Выработка на один рубль заработной платы (зарплатоотдача)	$ЗО = \frac{ОП}{ФЗП}$ или $ЗО = \frac{В}{ЗП^{ср}}$	ЗО – зарплатоотдача, руб., ФЗП – фонд заработной платы, руб., ОП – объем произведенной продукции, руб., ЗП ^{ср} – средняя заработная плата работающего, руб.
5. Рентабельность персонала	$Р_{п} = \frac{П}{ЗСП} * 100$	Р _п – рентабельность персонала, %, П – операционная прибыль, руб.

Следует отметить, что в отечественной теории и практике общепризнанным является метод расчета производительности труда как отношения объема произведенной продукции к численности работающих (показатель 1 табл. 1). Указанный метод расчета производительности труда отражает «отдачу» от одного работающего. Не отрицая простоты расчета этого показателя, мы отмечаем, что он не отражает, как «работают» средства, вкладываемые работодателем в персонал, т. е. оправдываются ли ростом объема производства дополнительные затраты на повышение заработной платы работающих, повышение их квалификации, улучшение условий труда, обеспечение социальным пакетом и другие издержки.

Затраты на содержание персонала – общепризнанный для стран с рыночной экономикой интегральный показатель, включающий совокупность расходов, связанных с привлечением, вознаграждением, решением социальных проблем, организацией работы и улучшением условий труда персонала. Затраты на персонал из статьи издержек превратились в объект инвестиций и поэтому, как любые инве-

⁴ Показатели 1 и 2 табл. 1 представляют общепризнанные в экономической литературе формулы для расчета эффективности труда, показатели 3, 4, 5 табл. 1 отражают предлагаемые автором алгоритмы расчета эффективности труда.

стиции, требуют постоянной оценки их отдачи, а именно: как затраты на персонал повлияли или повлияют в будущем на повышение эффективности организации. Цель планирования расходов по содержанию персонала, ориентированного на производительность, – уделить фактору «расходы по содержанию персонала» самое серьезное внимание в организации. Постоянный контроль издержек на содержание персонала и «отдачи» от них может послужить индикатором эффективности управления организацией.

Принцип соотнесения денежных затрат на содержание и развитие персонала и практических результатов в виде прибыли в системе управления персоналом должен стать не только общепризнанным, но и главенствующим в хозяйственной деятельности организации.

Сущность данной концепции – обеспечение прибыльности инвестиций в персонал. Она должна строить экономические критерии деятельности работников и практически выражаться в инвестициях, необходимых для экономически обоснованной подготовки и переподготовки работников, целесообразного использования, управляемого поведения, максимального раскрытия возможностей и способностей как отдельной личности, так и различных групп персонала.

Считаем, что в дополнение к традиционным показателям производительности труда (показатели 1, 2 табл. 1) будет целесообразно ввести в экономическую теорию и практику показатели продуктивности и рентабельности персонала (показатели 3, 5 табл. 1). При этом отмечаем, что в экономической литературе имеются понятия продуктивности и рентабельности труда. Не отрицая этих показателей, мы предлагаем дополнительные алгоритмы их расчета. Особый интерес предлагаемый показатель продуктивности персонала представляет для оценки эффективности инвестиций в персонал для тех единиц анализа, по которым объем производства измеряется в стоимостном выражении. Дело в том, что производительность труда и продуктивность персонала имеет смысл оценивать только в динамике, т. е. в сравнении за разные периоды времени. При сравнении в динамике производительности труда, рассчитанной по формуле 1 (табл. 1), необходимо вводить корректировку объема производства в стоимостном выражении для исключения влияния инфляции на этот показатель, что достаточно трудоемко.

Предлагаемый показатель продуктивности персонала (показатель 3 табл. 1), являясь, на наш взгляд, более информативным, в то же время не требует дополнительных расчетов, связанных с необходимостью учета инфляции: и числитель формулы, и знаменатель отражаются в стоимостном выражении и, таким образом, подвержены инфляции в равной степени.

Как показывает практика, на отечественных предприятиях, как правило, не ведется качественного полноценного учета затрат на содержание персонала. В связи с этим можно предложить для практического применения «урезанный» показатель продуктивности персонала – зарплатоотдачу (показатель 4 табл. 1), который характеризует объем произведенной продукции, приходящийся в среднем на один рубль фонда заработной платы, или, что то же самое, отношение выработки к средней заработной плате.

Основным показателем, характеризующим «отдачу» от затрат на содержание персонала, является рентабельность персонала (показатель 5 табл. 1), рассчитываемая как отношение величины прибыли к сумме вложений в персонал.

Рентабельность активов, выражающаяся в получении прибыли от коммерческой деятельности, характеризует отдачу от всех имеющихся активов организации, в том числе персонала. На рис. 3 мы обозначили место рентабельности персонала в системе экономических показателей, характеризующих эффективность работы предприятия.

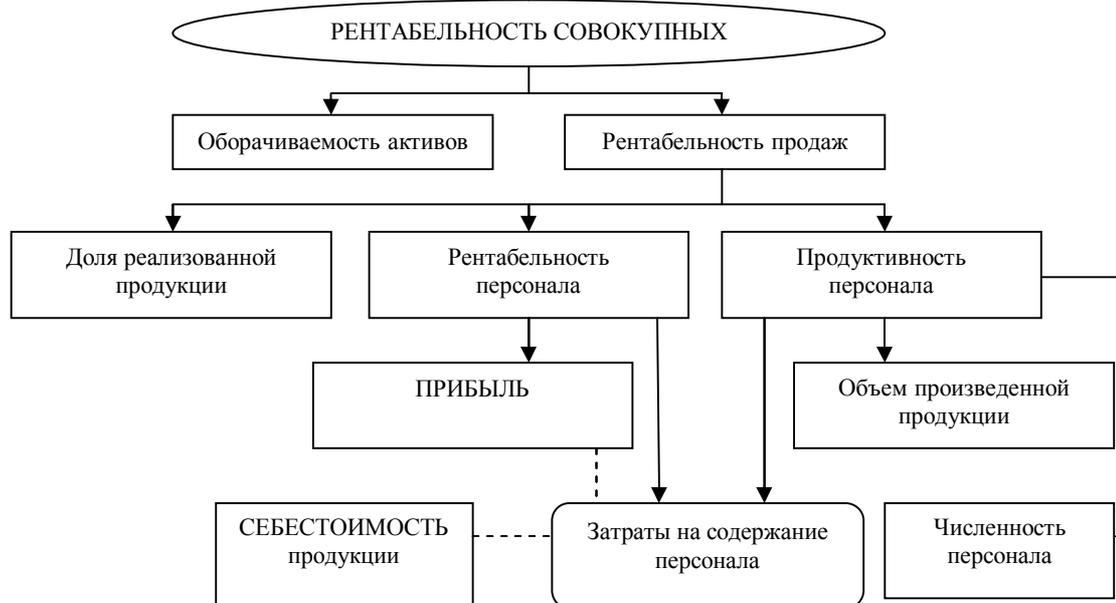

Рис. 3. Влияние показателей эффективности труда на эффективность работы предприятия⁵

Иллюстрация практической значимости предлагаемых показателей эффективности труда представлена нами в таблице 2.

Таблица 2

Динамика показателей эффективности труда⁶

Показатели	Единицы измерения	Базисный период	Отчетный период	Индекс роста, %
Объем товарной продукции				
- в базисных ценах	Тыс. руб.	480 000	560 000	116,67
- в сопоставимых ценах	Тыс. руб.	480 000	500 000	104,17
Среднесписочная численность работников	Чел.	500	505	101,00
Фонд заработной платы работников	Тыс. руб.	72 000	87 000	120,83
Затраты на содержание персонала	Тыс. руб.	86 000	115 000	133,72
Уровень инфляции	%		12	
Выработка на одного работающего	Тыс. руб/чел.	960	990,10	103,14
Продуктивность персонала	Руб/руб.	5,58	4,87	87,28
Зарплатоотдача персонала	Руб/руб.	6,67	6,44	96,55

Для расчета выработки на одного работающего необходимо скорректировать объем товарной продукции на уровень инфляции. Объем товарной продукции вырос на 4,17 %, при этом затраты на содержание персонала увеличились на 33,72 %, а фонд заработной платы на 20,83 %. Выработка на одного работающего увеличилась на значительно меньшую величину – 3,14 %. Показатели зарплатоотдачи и продуктивности персонала значительно снизились: на 3,45 % и 12,72 % соответственно. Дальнейший анализ должен быть направлен на выяснение причин значи-

⁵ Рисунок 3 выполнен автором для иллюстрации места показателей производительности труда среди общих показателей эффективности работы предприятия.

⁶ Расчет выполнен автором статьи на основе данных, представленных промышленным предприятием города Екатеринбурга.

тельного роста фонда заработной платы и величины затрат на содержание персонала по отношению к намного меньшему росту объема производства.

Приведенный пример со всей очевидностью показывает, что одного только показателя выработки недостаточно для объективной оценки динамики производительности труда. На фоне роста выработки работающих, показатели продуктивности и зарплатоотдачи значительно снизились, что свидетельствует о том, что дополнительные затраты на персонал (33,72 % роста) не принесли ожидаемого роста объема производства и, соответственно, прибыли.

Эффективная работа персонала должна выражаться в увеличении выработки на одного работающего, продуктивности персонала и рентабельности вложений в человеческий капитал, что, в конечном счете, должно выразиться в снижении себестоимости продукции и увеличении прибыли.

Литература

1. Бовыкин В. И. Новый менеджмент. Решение проблем управления. Повышение в десятки раз темпов роста капитала. – М. : Экономика, 2004.
2. Бовыкин В. И. Повышение эффективности российских предприятий // Управляем предприятием : электронный журнал. – 2013. – № 10 (33). – URL: <http://consulting.1c.ru/e-journal>
3. Денисова М. Менталитет влияет на производительность труда // Открытая экономика (ОПЕС.ru) : экспертный сайт НИУ «Высшая школа экономики». – 2014. – 5 июня. – URL: <http://www.opec.ru/1714876.html>
4. Дубровин Е., Дубровин И. Производительность труда как критерий уровня экономического развития государства // Энергетика и промышленность России. – 2014. – № 08 (244). – URL: <http://www.eprussia.ru/epr/244/15979.htm>
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). – URL: http://base.garant.ru/194365/#block_1000
6. Фомченков Т. Их не догонишь. Высокая производительность труда совсем не обязательно обеспечит промышленное счастье // Российская газета (Столичный выпуск). – 2014. – № 6417. – URL: <http://www.rg.ru/2014/07/02/proizvoditelnost.html>

УДК 332

Крысанова Надежда Витальевна

магистрант 2-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: krysanova_nadezhda@rambler.ru

Krysanova Nadezhda Vital'evna

Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ
МЕТОДИК ОЦЕНКИ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ
ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ
РЕГИОНОВ**

**APPROPRIATE METHODS
OF THE REGIONAL INVESTMENT
ATTRACTIVENESS EVALUATION**

Аннотация

В статье представлены методики российских рейтинговых агентств оценки инвестиционной привлекательности. Автор сопоставил две распространенные методики Национального рейтингового агентства и «Эксперт Ра», а также выявил схожие и отличительные черты этих методик. Графическое изображение рейтинга регионов и расчет коэффициента корреляции показал, что корреляционная связь между российскими методиками очень незначительна. Автором сделан вывод: метод оценки инвестиционной привлекательности влияет на конечный результат.

Ключевые слова: методика; инвестиционная привлекательность; «Эксперт Ра»; Национальное рейтинговое агентство; коэффициент корреляции; потенциал; риск.

Abstract

The article presents the methodology of assessing investment attractiveness by Russian rating agencies. The author compared the two common techniques such as the National Rating Agency and Expert RA, as well as revealed similar and distinctive features of these techniques. Graphic representation of the rating of regions and the calculation of the correlation coefficient showed that the correlation among Russian methods is very weak. The authors concluded – the method of evaluation of investment attractiveness affects the final result.

Key word: methodology; investment attractiveness; Expert RA; National Rating Agency; the correlation coefficient; the potential; risk.

Инвестиционная привлекательность регионов – важная составляющая социально-экономического развития территориального образования, позволяющая абстрагироваться от федерального бюджета и формировать собственную активную инвестиционную позицию. При оценке инвестиционной привлекательности регионов возникает проблема выбора методики. В большинстве случаев методики оценки инвестиционной привлекательности – это сочетание определенных факторов и показателей. Недостатком большинства методик служит неполнота, необъективность и отсутствие практического применения. Каждый из подходов характеризует регион с одной определенной стороны, не показывая инвестиционное состояние региона в целом.

В России наиболее полные и реалистичные методики представлены рейтинговыми агентствами «Эксперт Ра» и Национальным рейтинговым агентством.

Национальное рейтинговое агентство (НРА) основывается на методике совокупности факторов, влияющих на уровень риска инвестиционных вложений на территории данного региона. Эти факторы являются активным фоном для всех инвестиционных проектов, реализуемых на территории региона, а также влияют на риск и доходность данных проектов. Инвестиционная привлекательность региона складывается из нескольких факторов, каждый из которых может быть оце-

нен с помощью подбора для него прокси-переменных. В рейтинге Национального рейтингового агентства рассматриваются семь факторов региональной инвестиционной привлекательности: обеспеченность региона природными ресурсами и качество окружающей среды в регионе, трудовые ресурсы региона, региональная инфраструктура, внутренний рынок региона (потенциал регионального спроса), производственный потенциал региональной экономики, институциональная среда и социально-политическая стабильность, финансовая устойчивость регионального бюджета и предприятий региона. Сбор данных происходит на основании трех источников: статистических отчетов, опросов предпринимательского сообщества и экспертных оценок. При суммировании всех собранных данных регионам дается рейтинговая оценка. Согласно такой оценке, регионам присваивается рейтинг инвестиционной привлекательности по специальной шкале, разделенной на три большие категории, внутри каждой из которых выделяются три уровня:

- регионы с высоким уровнем инвестиционной привлекательности (группа IC1 (высокая инвестиционная привлекательность – первый уровень), группа IC2 (высокая инвестиционная привлекательность – второй уровень), группа IC3 (высокая инвестиционная привлекательность – третий уровень));

- регионы со средним уровнем инвестиционной привлекательности: группа IC4 (средняя инвестиционная привлекательность – первый уровень), группа IC5 (средняя инвестиционная привлекательность – второй уровень), группа IC6 (средняя инвестиционная привлекательность – третий уровень);

- регионы с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности: группа IC7 (умеренная инвестиционная привлекательность – первый уровень), группа IC8 (умеренная инвестиционная привлекательность – второй уровень), группа IC9 (умеренная инвестиционная привлекательность – третий уровень) [1].

Рассматривая методику НРА, можно говорить о более детальном подходе к сбору информации, но на конечном этапе информация выводится в общем виде, без детализации исследования. Главное достоинство такой методики заключается в максимальной достоверности данных входящей информации на начальных этапах. Подробности обработки собранных данных рейтинговое агентство не афиширует; на конечном этапе потребитель информации получает только сгруппированный результат. На промежуточном этапе НРА не предоставляет значение показателей исследования; таким образом, данная методика подходит для общего представления ситуации, складывающейся в регионе. Анализ инвестиционной привлекательности проводится ежегодно, что позволяет проследить динамику изменений в регионах.

Методика рейтингового агентства «Эксперт Ра» базируется на официальных данных Росстата и статистики федеральных ведомств: Минсвязи, Минфина, Минприроды, ФСФР и Центробанка. Инвестиционная привлекательность в рейтинге оценивается по 2 параметрам: инвестиционному потенциалу и инвестиционному риску. Потенциал показывает, какую долю регион занимает на общероссийском рынке, риск – какими могут оказаться для инвестора масштабы тех или иных проблем в регионе. Потенциал включает в себя 9 компонентов: трудовой, финансовый, производственный, потребительский, институциональный, инфраструктурный, природно-ресурсный, туристический и инновационный. Риск – включает 6: финансовый, социальный, управленческий, экономический, экологический и криминальный. В зависимости от сочетания риска и потенциала региону присваивается рейтинг инвестиционной привлекательности, состоящий из 12 групп и характеризующийся следующим образом:

1А – максимальный потенциал – минимальный риск;

1В – высокий потенциал – умеренный риск;

1С – высокий потенциал – высокий риск;

- 2А – средний потенциал – минимальный риск;
- 2В – средний потенциал – умеренный риск;
- 2С – средний потенциал – высокий риск;
- 3А1 – пониженный потенциал – минимальный риск;
- 3А2 – незначительный потенциал – минимальный риск;
- 3В1 – пониженный потенциал – умеренный риск;
- 3С1 – пониженный потенциал – высокий риск;
- 3В2 – незначительный потенциал – умеренный риск;
- 3С2 – незначительный потенциал – высокий риск;
- 3D – низкий потенциал – экстремальный риск [2].

Рейтинговое агентство «Эксперт Ра» предоставляет более детальный анализ. Методика базируется на данных Росстата и статистических ведомств без учета экспертных оценок, тем самым предоставляется официальная информация. На конечном этапе информация представлена расширенно. Отдельно представлены показатели по инвестиционному риску и потенциалу. Инвестиционный риск показан в разбивке составляющих факторов. Также рейтинговое агентство предоставляет сравнительную оценку риска и потенциала к прошлому году в виде относительного и абсолютного отклонений. Такое разделение инвестиционной привлекательности на потенциал и риск характерно только для методики рейтингового агентства «Эксперт Ра», это является его отличительной чертой. Инвестиционная привлекательность, согласно данной методике, представлена в виде симбиоза двух составляющих: риска и потенциала. Различное сочетание этих составляющих отразилось в группах, на которых строится рейтинг инвестиционной привлекательности регионов.

Сравнивая данные две методики, можно проследить определенные сходства. Во-первых, факторы для сбора информации практически идентичны, во-вторых, процесс исследования имеет сходство: сбор информации, анализ показателей и присвоение рейтинговой оценки, и, в-третьих, в конце проведенного анализа все данные в методиках группируются и каждому региону присваивается определенный рейтинг.

Различия методик в основном базируются на разных подходах к факторам инвестиционной привлекательности. Методика «Эксперт Ра» включает только статистические данные, в свою очередь в методике НРА преобладают опросы и экспертные оценки, что позволяет представить ситуацию в регионах с другой позиции. «Эксперт Ра» делает акцент на инвестиционном риске и потенциале региона, тогда как НРА ограничивается только рисками, присутствующими в регионе. Градация групп конечных результатов также имеет различия, у НРА группы отражают общность всех показателей, а у «Эксперта Ра» группы определяются в зависимости от соотношения риска и потенциала.

Такой многосторонний подход к анализу дает качественный и подробный результат, который представлен в доступном для пользователя виде.

Наряду с российскими рейтинговыми агентствами существует мировой опыт оценки инвестиционной привлекательности. Ежегодно составляется комплексный рейтинг инвестиционной привлекательности стран, который проводится экспертными группами ряда зарубежных экономических журналов («Fortune», «Multinational Business Finance», «Euromoney», «The Economist»), консультационной фирмой «PlanEcon». В подходе используются особые методические приемы, учитывающие специфические условия и результаты инвестирования в страны с переходной экономикой. В качестве параметров оценки используются не только качественные, но и количественные показатели. Упрощенная методика сравнительных оценок учитывает такие факторы, как объем ВВП, его структура, обеспеченность природными ресурсами, близость страны к мировым экономическим

центрам, масштабы институциональных преобразований, демократические традиции, состояние и перспективы проводимых реформ, качество трудовых ресурсов.

На основе наиболее известного рейтинга журнала «Euromoney» дважды в год (в марте и сентябре) производится оценка инвестиционного риска и надежности стран. Для оценки используются девять групп показателей: эффективность экономики; уровень политического риска; состояние задолженности; способность к обслуживанию долга; кредитоспособность; доступность банковского кредитования; доступность краткосрочного финансирования; доступность долгосрочного ссудного капитала; вероятность возникновения форс-мажорных обстоятельств.

Значения этих показателей определяются экспертно либо расчетно-аналитическим путем. Они измеряются по 10-балльной шкале и затем взвешиваются в соответствии со значимостью того или иного показателя и его вкладом в итоговую оценку. Подходы к составлению данного рейтинга и состав показателей оценки постоянно пересматриваются в зависимости от изменения конъюнктуры мирового рынка [3].

Сравнение российских и зарубежных методик показывает, что у всех методик присутствуют схожие черты. По сути, российские рейтинговые агентства строят свою методику с учетом зарубежной практики, но с преобладанием российских особенностей.

Рассмотрим применение российских методик на примере регионов России за 2013 год (рис. 1). Данные двух рейтингов представим в графической форме. Условно в каждом рейтинге выделим три зоны:

- зону с высокой инвестиционной привлекательностью (высокий потенциал – низкий риск);
- зону с низкой привлекательностью (низкий потенциал – высокой риск);
- зону со средней инвестиционной привлекательностью (потенциал и риск примерно в равном соотношении).

В рейтинге «Эксперта Ра» в зону с высокой привлекательностью войдут группы 1А, 1В, 1С, в зону с низкой привлекательностью – группы 3В2, 3С2, 3D, со средней привлекательностью – группы 2А, 2В, 2С, 3А1, 3А2, 3В1, 3С1.

В рейтинге Национального рейтингового агентства в зону с высокой привлекательностью входят группы IC1, IC2, IC3, с низкой – IC7, IC8, IC9, со средней – IC4, IC5, IC6.

Условно выделим три зоны и представим их на графике (рисунок). Для сравнения двух методик были взяты регионы России, а именно 4 региона Уральского федерального округа и 8 регионов методом случайной выборки.

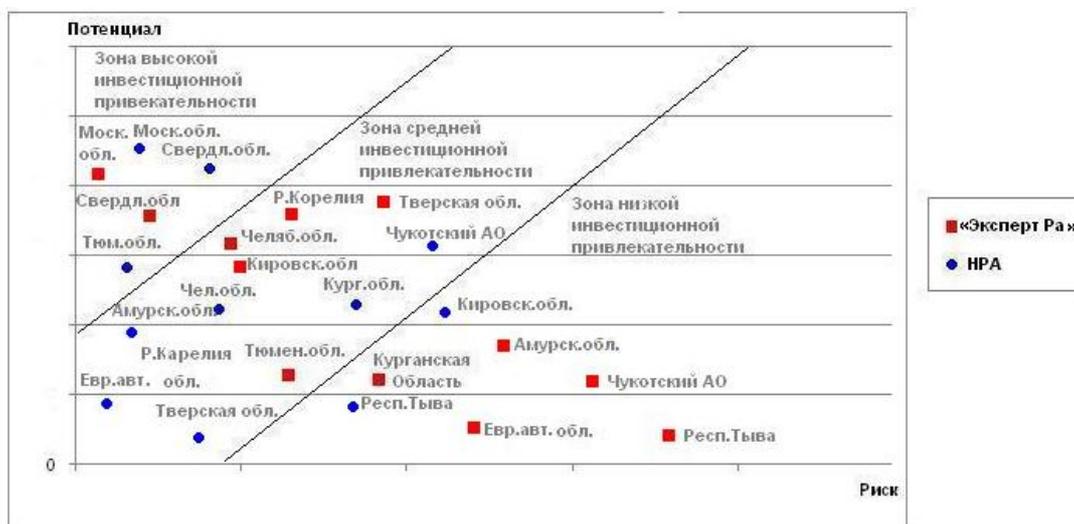

Рис. Инвестиционная привлекательность регионов

Как видно из рисунка, один и тот же регион может иметь разную оценку инвестиционной привлекательности. Если по Москве, Челябинской области, Республике Карелия, Тверской области, Республике Тыва, Свердловской области оценка двух рейтинговых агентств практически совпадает, то такого совпадения для Тюменской, Курганской, Амурской, Кировской областей, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа не наблюдается. Согласно оценке НРА, Тюменская область является очень привлекательным регионом, а вот оценка «Эксперта Ра» дает средний, даже приближенный к низкому рейтинг привлекательности. Такое несовпадение может быть из-за того, что НРА рассматривает Тюменскую область комплексно, с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами; в свою очередь, «Эксперт Ра» рассматривает эти три региона по отдельности. Данный факт может существенно повлиять на рейтинг инвестиционной привлекательности Тюменской области, так как ЯНАО и ХМАО известны высоким содержанием нефте- и газовых ресурсов. Несовпадение рейтингов большинства регионов также указывает на разницу в методах оценки инвестиционной привлекательности. На рисунке заметно, что оценка НРА завышена по сравнению с оценкой «Эксперта Ра», что также показывает отличие методологических подходов.

Взаимосвязь двух методик можно проверить с помощью корреляционной связи. Для этого присвоим каждому региону определенный вес инвестиционной привлекательности. Вес региона определяется сочетанием потенциала и риска: чем больше инвестиционная привлекательность региона, тем больше его вес. Таким образом присвоим веса ранее выбранным регионам (таблица).

Таблица

Вес регионов в рейтинге

Регион	Эксперт Ра	НРА
Москва	80	79
Тюменская область	74	33
Свердловская область	67	69
Чукотский авт. округ	63	4
Амурская область	62	15
Республика Карелия	38	49
Челябинская область	29	64
Курганская область	26	1
Тверская область	20	52
Евр. авт. область	16	5
Кировская область	7	38
Республика Тыва	1	1
Коэффициент корреляции		0,358143

При данных весах коэффициент корреляции составляет 0,36, что указывает на низкую взаимосвязь двух рейтингов. Связь между методиками не является корреляционной, это показывает, что совпадение рейтинга региона согласно одной методике с рейтингом другой методики маловероятно.

В целом две российские методики непременно имеют схожие результаты оценки, но тот факт, что рейтинг НРА базируется в основном на экспертных оценках, а рейтинг «Эксперта Ра» на статистических данных, дает определенные отклонения в конечных результатах. Таким образом, можно говорить о том, что российские агентства предоставляют разные рейтинги инвестиционной привлекательности регионов. В данной ситуации возникает вопрос о том, насколько эффективны данные методики и какой рейтинг больше приближен к реальной си-

туации. Решение данного вопроса требует более детального погружения в процессы присвоения рейтинга, а это уже углубленный анализ, требующий детализации исследования, который в рамках данной статьи не делается.

Источники

1. Национальное рейтинговое агентство : [сайт]. – URL: <http://www.ra-national.ru>
2. Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – URL: <http://www.raexpert.ru>
3. Инвестиционный портал Республики Бурятия. – URL: <http://www.buryatia-invest.ru>

**Правовая и политическая культура
в социальной, государственной,
военной истории России и мира**

УДК 341

Чуркина Людмила Михайловна

канд. юрид. наук, доцент кафедры европейского права и сравнительного правоведения юридического факультета, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: ludachurkina1@rambler.ru

Churkina Lyudmila Mihailovna

Candidate of Law, Associate Professor
at the European Law and Comparative Law Chair,
Legal Department, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА
ДОБРОСОВЕСТНОГО
ВЫПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ЕГО РОЛЬ
В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛНЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ**

**THE MEANING
OF THE PRINCIPLE
OF GOOD FAITH AND ITS ROLE
IN THE EXECUTION
OF INTERNATIONAL COURTS
JUDGMENTS**

Аннотация

В статье основное внимание уделено значению принципа добросовестного выполнения международных обязательств при осуществлении международного контроля. Автор анализирует зарождение данного принципа и его утверждение в международном праве. Автор прослеживает тесную взаимосвязь между принципом добросовестного выполнения международных обязательств и контролем за исполнением постановлений международных судебных органов.

Ключевые слова: принцип добросовестного выполнения международных обязательств; международный контроль; международное право; исполнение; постановления международных судебных органов.

Abstract

The article focuses on the meaning of the good faith principle in implementing international control. The author analyses the emergence of the principle and its affirmation in the international law. The author underlines the close relationship between the principle of good faith and the control over execution of judgments of international courts.

Key words: the principle of good faith; international control; international law; execution; judgments of international courts.

Функционирование всей системы современного международного права базируется на его основных принципах, обладающих высшей юридической силой. Одним из основополагающих является принцип добросовестного выполнения обязательств. Данный принцип юридически обязывает субъектов международного права добросовестно осуществлять свои международные обязательства.

Само по себе принятие государствами обязательств, закрепленных в международно-правовых нормах, еще не гарантирует эффективного функционирования системы международного правопорядка в обеспечении мирного сосуществования и международного сотрудничества. Для этого необходимо также, чтобы государства строго соблюдали и выполняли принятые на себя международные обязательства.

Добросовестное выполнение международных обязательств относится к числу самых важных, основных принципов современного международного права. Данный принцип добросовестного выполнения обязательств приобрел большое значение для сохранения мира, гарантии безопасности и развития сотрудничества, что отразилось как на содержании Устава Лиги Наций [1], так и на ее деятельнос-

ти. В п. 2 ст. 1 Устава содержалось положение, согласно которому государства могут стать членами Лиги при условии, что «ими будут даны действительные гарантии их искреннего намерения соблюдать международные обязательства».

Особую важность в процессе утверждения принципа добросовестного выполнения обязательств по международному праву имело включение его в текст Устава Организации Объединенных Наций [2]. В Преамбуле и в ст. 4 Устава ООН говорится о решимости народов «создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права», а п. 2 ст. 2 устанавливает обязанность членов ООН добросовестно выполнять принятые на себя по Уставу обязательства, «чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации». Тем самым предполагается, что во взаимоотношениях между государствами – членами ООН исключаются любые проявления недобросовестности, а отношения строятся на взаимном доверии.

Важным шагом в закреплении принципа соблюдения международных обязательств стало заключение 22 мая 1969 г. Венской конвенции о праве международных договоров, в которой отмечается, что «принцип свободного согласия и добросовестности и норма «*pacta sunt servanda*» получили всеобщее признание» [3]. Статья 26 Венской конвенции устанавливает, что «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться».

Содержание принципа конкретизируется в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятой 24 октября 1970 г. [4]. В ней, в частности, подчеркивается, что каждое государство обязано добросовестно выполнять обязательства, вытекающие как из общепризнанных принципов и норм международного права, так и из международных договоров, действительных согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Декларация предусматривает выполнение государством обязательств, принятых им в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Содержание Декларации свидетельствует о том, что она, помимо обязанности членов ООН выполнять обязательства, принятые ими в соответствии с Уставом ООН, включает обязанность всех государств, безотносительно к тому, являются ли они членами ООН или нет, добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права, а также из международных договоров.

Характеристика принципа добросовестного соблюдения взятых государствами обязательств, данная в Декларации, легла в основу содержания раздела «Добросовестное выполнение обязательств по международному праву» Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятого в Хельсинки 1 августа 1975 г. [5]. Уже само название раздела содержит расширительное толкование принципа добросовестного выполнения международных обязательств. В Декларации в названии раздела, посвященного данному принципу, указаны обязательства, принятые государствами в соответствии с Уставом ООН, в Заключительном акте речь идет об обязательствах по международному праву.

В отличие от Устава ООН, в Акте содержится более четкая формулировка рассматриваемого принципа. В частности, в нем отмечается, что государства обязаны добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие как из соответствующих международному праву договоров, так и из других соглашений, участниками которых они являются.

Принцип добросовестного выполнения международных обязательств предусматривает также обязанность государств следовать своим международным обязательствам и при регулировании внутригосударственных отношений. В ст. 27

Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. закреплено, что государства не могут ссылаться на положения своих законов как на оправдание невыполнения ими международного договора. Согласно Заключительному акту Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., при осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, государства-участники будут соотноситься со своими юридическими обязательствами по международному праву. Это положение демонстрирует важное значение взаимодействия международного и внутреннего права государств.

Принцип добросовестного выполнения международных обязательств распространяется только на действительный договор, т. е. применяется только к международному договору, заключенному добровольно и на основе равноправия. Такой договор при наличии правомерного объекта и правомочных субъектов должен выражать подлинное и свободное согласие сторон относительно их взаимных прав и обязанностей [6].

Существенными признаками принципа добросовестного выполнения международных обязательств являются недопустимость произвольного одностороннего отказа от взятых обязательств и юридическая ответственность за нарушение международных обязательств, которая наступает в случае отказа от их выполнения или иных действий (либо бездействия) участника договора, имеющих противоправный характер. Нарушение международных обязательств порождает вопрос об ответственности не только за отход от соглашения, но и за посягательство на сам принцип добросовестного выполнения международных обязательств [7].

Принцип добросовестного выполнения международных обязательств закреплен в законодательстве государств, в том числе в конституциях. В российском законодательстве принцип нашел отражение в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» 1995 г., в котором говорится: «Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств» [8].

В международно-правовой практике для повышения эффективности принципа добросовестного соблюдения международных обязательств используются различные правовые механизмы. В их числе создание специальных международных органов, осуществляющих контроль за исполнением международно-правовых норм. Особое место в системе этих органов отводится международным судебным учреждениям.

Степень должного поведения субъектов и оценку их действий в спорных ситуациях наряду с международными организациями может устанавливать независимый от государств международный суд.

Возможность рассмотрения спора в международном судебном учреждении вытекает непосредственно из положений того или иного международного договора, т. е. норма *pacta sunt servanda* непосредственно касается и положений договора, регламентирующего данный вопрос.

Международные судебные учреждения используются государствами для мирного разрешения межгосударственных споров, при толковании сложных международно-правовых проблем, обеспечении международных стандартов прав и свобод человека, при осуществлении уголовного преследования лиц, совершающих международные преступления.

Международный суд принимает решение, которое обязательно для исполнения государствами согласно международным договорам; в последних государства как равноправные участники международного общения признают юрисдикцию

международных судов в соответствии с принципом добросовестного выполнения государствами международных обязательств.

В случае если суд определит, что государство недобросовестно относилось к выполнению своих договорных обязательств, злоупотребляло правами, предоставленными ему по договору, он может вынести решение с указанием на необходимость выполнения обязательств по договору. В данной ситуации в основе требований суда также лежит принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Постоянная палата международного правосудия и Международный Суд ООН неоднократно подтверждали в своих решениях позитивный характер обязательства добросовестного поведения государств. При этом несоблюдение требований принципа добросовестного выполнения международных обязательств в процессе пользования предоставленными по договору правами рассматривалось как недопустимое с точки зрения права. Международный Суд ООН в решении от 27 августа 1952 г. по делу о правах граждан США в Марокко, в частности, заявил: «Право производить оценку принадлежит таможенным властям, однако им должны пользоваться справедливо и добросовестно» [9].

С одной стороны, международные суды выносят правоприменительные акты, а с другой – выступают в качестве механизма контроля за исполнением государствами международных обязательств, которые вытекают из международных правовых актов, и тем самым способствуют реализации принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

Обращение к международному суду влечет за собой обязанность добросовестно выполнить его решение. В международной практике получила развитие тенденция включения в принимаемые конвенции механизма судебного разбирательства и положений об обязательности решений для государств, являющихся стороной в споре. Так, например, в соответствии со ст. 286 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. любой спор, если он не был урегулирован путем применения раздела 1, по требованию любой стороны в споре передается в суд или арбитраж [10]. Статья 33 Статута Международного трибунала по морскому праву устанавливает окончательность и обязательную силу решений Трибунала: «Решение Трибунала является окончательным и выполняется всеми сторонами в споре» [11].

В результате рассмотрения споров международными судами и вынесения постановления между сторонами возникают новые правоотношения, новые международные юридические обязательства, направленные на исполнение постановления суда.

Их юридическая обязательность вытекает из положений международных договоров, заключенных сторонами, в которых они признали юрисдикцию суда.

Вместе с тем, в связи с возникновением новых юридических обязательств, связанных с исполнением решений международного судебного учреждения, возникает проблема контроля за исполнением этих обязательств, так как отсутствие контроля за исполнением решений международного судебного учреждения может повлечь нарушение принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

Литература

1. Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Вместе со Статутом Лиги Наций, Уставом Международной организации труда, Протоколом) от 28 июня 1919 г. // Версальский мирный договор. – М. : Литиздат НКВД, 1925.
2. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

3. Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLII. – М., 1988. – С. 171–197.
4. Международное публичное право : сб. договоров. – М. : БЕК, 1996. – Т. 1. – С. 2–8.
5. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXI. – М., 1977. – С. 544–589.
6. Тиунов О. И. Принцип добросовестного соблюдения международных обязательств // Международное право и национальное законодательство / Институт законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М. : Эксмо, 2009. – С. 211–212.
7. Игнатенко Г. В., Тиунов О. И. Международное право : учебник для вузов. – М. : НОРМА, 2004. – С. 140.
8. СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
9. Доклад Комиссии международного права о работе ее шестнадцатой сессии 11 мая – 24 июля 1964 г. – Нью-Йорк, 1964. – С. 5.
10. Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н. Международный Трибунал ООН по морскому праву – новое международное судебное учреждение // Юрист-международник. – 2006. – № 1.
11. Приложение VI Конвенции по морскому праву Организации Объединенных Наций. – Монтего-Бэй. – 1982. – 10 декабря. – URL: <http://www.un.org/russian/documen/convents/lawsea.html>.

УДК 327

Абрамов Сергей Михайлович

канд. пед. наук, доцент кафедры «Управление персоналом», ФГОУ ВПО «Уральский государственный горный университет»
(г. Екатеринбург)

Abramov Sergey Mikhailovich
Candidate of Education, Associate Professor,
the Urals Mining University (Ekaterinburg)

**КЭМП-ДЭВИДСКИЙ МИРНЫЙ
ДОГОВОР КАК ОСТАНОВКА
МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ**

**THE CAMP DAVID ACCORDS
AS A CROSSROAD
BETWEEN WAR AND PEACE**

Аннотация

В статье речь идет об особенностях управления международными и региональными конфликтами и роли дипломатии в этом процессе. Отмечается, что Кэмп-Дэвидский договор может рассматриваться как фактор прорыва дипломатической блокады и, одновременно, как инструмент управления арабо-израильским конфликтом. В работе отмечается, что в условиях глобализации современного мира дипломатия, как основной ресурс внешней политики государств, не имеет эффективных способов замещения.

Ключевые слова: международные конфликты; региональные конфликты; Ближний Восток; арабо-израильский конфликт; дипломатия; Кэмп-Дэвидский договор.

Abstract

The article describes international and regional conflicts, the specifics of their management and the role of diplomacy in these processes. At the same time the author considers The Camp David Accords both as a way to break the diplomatic logjam and as a tool to manage Arab-Israeli conflict. The article states that diplomacy as a main resource in foreign policy has no alternatives in a globalized world.

Key words: international conflicts; regional conflicts; Middle East; Arab-Israeli conflict; diplomacy; the Camp David Accords.

*...Мир зависит не только от договоров и заверений.
В основном он зависит от создания таких условий,
которые хоть и не меняют человеческую природу, но, по крайней мере,
направляют поведение по отношению друг к другу в сторону миролюбия...
Жан Моннэ,
«отец-основатель» теоретической конструкции единой Европы*

Проблема управления международными конфликтами, которые тянутся десятилетиями, актуальна не только для того или иного региона (в данном случае Ближневосточного), но и для мира в целом. Управлять международным конфликтом, а тем более таким, как арабо-израильский конфликт, всегда сложно, «... так как подобные явления, отражаясь в общественном мнении, носят сетевой характер, зависят от массы синергетических воздействий, мешающих их благополучному разрешению» [6. С. 161]. В то же время правильно организованное управление на основе здравого смысла и учета национальных интересов придает конфликтному процессу формы, обеспечивающие необходимую минимизацию неизбежных потерь – политических, экономических, нравственных и прочих.

Однако значительно чаще происходит возвращение конфликта в его латентную форму, «замораживание» конфликта, «откладывание» конфликта, что порождает «запущенность» кризисного состояния подавляющего большинства международных и региональных конфликтов. И как следствие, тенденция к снижению числа конфликтов и их интенсивности не просматривается даже в самой ближайшей

перспективе. Одна из причин такого состояния заключается в неспособности мировых лидеров выстроить необходимую систему безопасности и сотрудничества, которая бы отвечала современным требованиям глобального мира. Обращает на себя внимание и тот факт, что современное общество, в котором утрачена и отрицается идея роли и значения дипломатии в управлении международными конфликтами, неминуемо оказывается в ситуации кризиса, а следовательно, без мира. К тому же своеобразная рассогласованность между накопленным потенциалом дипломатии и его деструктивным использованием неизбежно ведет к увеличению числа конфликтов и международной напряженности. Поэтому дипломатия для безопасного развития общества сегодня нужна больше, чем когда-либо раньше.

Управление конфликтами, в том числе международными, многолико: в разных аспектах оно одновременно выступает как политический процесс (как процесс согласования и взаимодействия интересов политических субъектов) и как дипломатическая деятельность (не исключая «принудительной дипломатии»); оно, на первый взгляд, в условиях современного разбалансированного мирового порядка с его размытыми центрами влияния, дефицитом «коллективной» политической воли государств, политическими разногласиями, кажется, утратило способность останавливать войну и вооруженные конфликты. В результате в современном мире стали формироваться угрозы, которые подрывают основу международной стабильности, а следовательно, создают предпосылки для глобальной опасности. Ждать «сложившихся рук», пока противоборствующие стороны не исчерпают потенциал силовых «разборок», не только нецелесообразно, но, прежде всего, опасно. Естественно, в таких обстоятельствах для снижения конфликтности повышается ценность обобщения и анализа опыта (негативного и, особенно, позитивного) совместного переговорного сотрудничества Египта и Израиля (конец 70-х гг. XX века), который самым серьезным образом воздействовал на урегулирование конфликта. Безусловно, данный переговорный процесс был направлен на достижение мира на Ближнем Востоке, когда стороны предпочитали не воздерживаться от активного собственного включения в поиск решений. Поэтому, объективно обеспечивая собственную безопасность, они защищали и укрепляли безопасность других. Представляется, что опыт Кэмп-Дэвидского мирного соглашения, достигнутого между Египтом и Израилем, будет чрезвычайно интересен и злободневен и благодаря ему можно извлечь немалую пользу для обеспечения международной безопасности, на его основе можно выстроить коллективный диалог и доверие в международных отношениях. Поэтому сейчас важно и необходимо изучать внешнеполитический опыт предыдущих лет и извлекать из него уроки. Однако требуется отметить, что даже самый позитивный опыт, достигнутый дипломатией в предшествующее время, далеко не всегда можно механически перенести на решение современных международных конфликтов.

Отнюдь не претендуя на полноту изложения, попробуем реконструировать общий ход событий, связанных с подписанием Кэмп-Дэвидского договора, и оценить его практические результаты, направленные на то, чтобы придать арабо-израильскому конфликту управляемый характер.

Приведем характерный эпизод, который предшествовал переговорному процессу между Египтом и Израилем. Известный политический деятель Бутрос Бутрос Гали вспоминает: «Вечером в среду, 9 ноября, я сидел с коллегами в зале Народного собрания, ожидая появления Садата, который должен был произнести речь исключительной важности. Председатель Организации Освобождения Палестины Ясир Арафат сидел в первом ряду на месте почетного гостя. Он делал «салютам» (арабское приветствие) всем и каждому, поднимая над головой руки со скрещенными пальцами.

Во время своей речи президент Садат объявил: «Я готов поехать на край света, если это поможет защитить египетского юношу, солдата или офицера от участи быть убитым или раненым. Я заявляю, что абсолютно готов поехать на любой конец света. Я готов поехать в их страну и даже в кнессет, чтобы говорить с ними».

Арафат был первым, кто после этих слов разразился аплодисментами. Но ни Арафат, ни мои коллеги, ни я не поняли смысла того, что сказал президент. Большинство из нас восприняли его слова просто как метафору, показывающую его готовность предпринять все возможные усилия для достижения мира» [1. С. 28].

В самом Израиле его инициатива вызвала откровенный шок – настолько неожиданным и непредсказуемым было изменение внешнеполитического курса египетской администрации. С другой стороны, наивно было бы полагать, что в Израиле о намерениях Садата узнали в последнюю минуту. Таким серьезным заявлениям обычно предшествуют долгие тайные контакты обеих заинтересованных сторон. Как известно, предварительные контакты между сторонами осуществлялись через Румынию (Чаушеску считался другом Садата) и короля Марокко Хасана II, который и организовал встречу министра иностранных дел Израиля М. Даяна с вице-президентом Египта Фахми в сентябре 1977 года.

После этого глава израильского правительства Менахем Бегин неожиданно для всех официально по израильскому телевидению обратился по-английски к египетскому народу со словами: «Я почту за честь принять у нас президента народа, в жилах которого течет общая с нами кровь нашего отца – Авраама». В конце той же недели на официальном мероприятии, на глазах сотни журналистов и фотокорреспондентов, в гостинице «Хилтон» в Тель-Авиве он вновь повторил: «От имени правительства Израиля я официально приглашаю президента Египта нанести визит в Иерусалим». Так, примерно, выглядело официальное приглашение Садату посетить Израиль на фоне той разыгравшейся бури страстей, которые вспыхнули на сей раз уже в самом Израиле.

М. Бегин прекрасно понимал, насколько важна будет предстоящая встреча, на которой появлялся уникальный шанс изменить ситуацию и резко снизить градус напряженности вокруг проблемы арабо-израильского конфликта. Для Израиля и Египта это была возможность прорвать паутину взаимного отчуждения, которая на протяжении долгих десятилетий опутывала и сдерживала отношения двух государств. В выигрыше оказались бы обе стороны. Для Египта это была бы крупная дипломатическая победа, предотвращающая взаимное противостояние. Для Израиля – шанс избежать новой кровопролитной войны и избавить страну от синдрома «осажденной крепости». В противном случае Египет и Израиль оставались бы в состоянии перманентного противоборства. Поэтому в основе предстоящей встречи лежал *здоровый смысл* сторон на основе обоюдного выбора не «в пользу прошлого», а в «*пользу будущего*». В конечном итоге пересилило стремление изменить внешнеполитическую ситуацию в «свою пользу», сделать ситуацию предсказуемой. Надо отметить, что процесс выбора в пользу будущего нельзя было назвать эмоционально благостным, критический настрой зашкаливал. Арабский мир негодовал. В связи с этим академик Е. М. Примаков пишет: «В глазах арабского мира Садат оставался политиком-одиночкой, взявшим курс на подписание мирного договора с Израилем в рамках чисто египетско-израильских отношений» [7. С. 178].

Впрочем, были сомнения и в самом Израиле. Объясняется это тем, что не сам по себе предстоящий переговорный процесс вызвал такую бурную реакцию сторон, а, прежде всего, его возможные последствия и результаты. Всех страшил вопрос: сумеет ли внешняя политика удержать ситуацию в равновесии? Ну, а если нет, что тогда ..? Предсказуемость – это то, чего все ждали. Нельзя не сказать, что неучтенным фактором, который не следует исключать из контекста ситуации,

продолжала оставаться чрезвычайная и принципиальная неуступчивость арабского мира.

В решении Бегина достичь мира с Египтом, безусловно, был политический расчет, рассматривать его отходом от некоей жесткой линии нецелесообразно: предстояло отдать Синай (он не являлся частью Эрец Исраэль), а это означало для Израиля потерять «значительную часть “стратегической глубины” на полуострове» [2. С. 342]. За этим стояло желание продемонстрировать готовность к миру (он все больше выступал в качестве «ускользающей сущности»), что, в конечном итоге, позволило бы укрепить союз с США, который именно при Бегине достиг своей верхней точки. Кроме того, мирный договор должен был вывести из противостояния сильнейшего противника, что позволяло потом закрепиться и твердо придерживаться установленных границ: не отдавать Иудею и Самарию – Западный берег р. Иордан и, главное, – не допустить создания Палестинского государства. Как отмечает Митчелл Бард, «в течение многих лет в Израиле пришли к консенсусу в вопросе о том, что создание Палестинского государства будет представлять собой серьезную угрозу израильской безопасности» [Там же. С. 345]. Проигрывалось, безусловно, множество ситуаций возможного и недопустимого. Ради соблюдения истины и объективности отметим, что решение Бегина – это все же некий предел, за который Израиль выйти был не готов. Для подтверждения приведем высказывание Е. М. Примакова, который отметил, что «разговор, подтверждающий отсутствие у Израиля намерений отступить от прежних позиций или просто смягчить их в связи с приездом Садата в Иерусалим, состоялся сразу же между ехавшими с аэродрома в одной машине М. Даяном и египетским государственным министром по иностранным делам Бутросом Гали». И далее говорится, что «Бутрос Гали передал свой разговор с Даяном Садату, так что тот с самого начала был в курсе пределов, которые поставила израильская сторона для переговоров с ним» [7. С. 177]. Таким образом, поведение Израиля на предстоящих переговорах необходимо принимать как рациональный выбор, в основе которого лежало чувство самосохранения еврейского народа. Именно оно заставляло опасаться слишком резкого внешнеполитического поворота, за которым уже никто не дал бы никаких гарантий независимого существования Израиля.

В целом оснований для взаимного компромисса практически было мало, но было желание одолеть противостояние и великое смятение в умах людей, умноженное на трагедию двух древних народов. Несовместимость позиций и разногласий в рамках на этот раз мирного решения вопросов еще только предстояло согласовать на предстоящей встрече сторон. Поэтому общая цель переговорного процесса, в который так и не удалось втянуть другие арабские страны, и прежде всего Сирию и Иорданию, заключалась в том, чтобы выстроить мост через пропасть арабо-израильского конфликта, сделав все возможное для подтверждения ожиданий эффективными действиями сторон.

Между тем великий перелом во внешней политике Египта стал возможен только после того, как Анвар Садат в одностороннем порядке за год до этого разорвал двусторонний Договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, выйдя из его сферы влияния. Однако, по-прежнему, и сегодня нет единого мнения о причинах данного события, как нет и единства в оценках произошедшего. Очевидно одно: Египту удалось вырваться из узкого коридора просоветской ориентации, из ее заданных идеологических пределов.

Заявление 9 ноября 1977 года, по замыслу Анвара Садата, должно было стать первым шагом к сближению США и Египта. «Намерение Садата действовать диктовалось стремлением стать, наряду с Израилем, привилегированным американским партнером на Ближнем Востоке. Сотрудничество с Соединенными Штатами

в деле достижения урегулирования должно было заложить основы “особых отношений” между двумя странами», – отмечает И. Д. Звягельская [5. С. 210].

19 ноября 1977 года весь мир, затаив дыхание, следил за прибытием Анвара Садата в Израиль. В 21.00 президентский самолет приземлился на взлетно-посадочную полосу международного аэропорта в Лоде. Президента Египта, как высокого официального гостя, встречали торжественно. Было трудно поверить в то, что в Израиль прибыл один из злейших его врагов, президент крупнейшего арабского государства, с которым Израиль находился в состоянии противоборства с первых лет своего существования. У взлетно-посадочной полосы его встречали президент Израиля Ицхак Навон, премьер-министр страны Менахем Бегин, министры, члены израильского Кнессета, главнокомандующий Армии обороны Израиля, а также другие известные общественные и политические деятели страны. По пути следования президентского кортежа улицы были заполнены тысячами простых израильтян. Поистине это было одно из величайших событий в истории израильско-египетских отношений.

Садат пробыл в Израиле всего три дня, и за это короткое время он смог покориť (но не изменить) израильское общество своим обаянием. Переговоры между сторонами проходили вязко, не столь гладко, как это могло показаться со стороны. 20 ноября 1977 года, выступая в израильском Кнессете, президент Египта, несмотря на прекрасную, возвышенную речь, занял очень жесткую и непримиримую позицию, смысл которой сводился к тому, что мирное соглашение может быть подписано лишь при одном условии – полном уходе Израиля с арабских оккупированных территорий и предоставлении палестинскому народу права на самоопределение. В этой ситуации Садат, как лидер арабского мира, не мог не выступать в защиту общеарабской позиции. Поэтому в выступлении Садата в израильском Кнессете «фактически не содержалось ничего нового» [5. С. 210].

Президент Египта проникновенно говорил: «Я пришел к вам сегодня для того, чтобы обновить жизнь и установить мир. Любая утраченная на войне жизнь воздвигает между нами стену. Все, что мы старались построить, было уничтожено в 1973 году. Мы вместе возвестим жаждающему мира человечеству, что Женевское мирное соглашение предусматривает следующее: прекращение оккупации занятых в 1967 году арабских земель, предоставление прав человека палестинскому населению, в том числе права на самоопределение, включающего право на создание собственного государства. Право всех стран региона жить в мире. В своих взаимоотношениях они должны исходить из реальных условий и руководствоваться принципами Хартии ООН, в особенности принципами неприменения силы и решения всех проблем мирными средствами.

Вы, рыдающая мать, вы, вдова, вы, потерявшие сына, брата или отца, вы все, жертвы войны, во весь голос, полной грудью, всем сердцем требуйте мира...» [3. С. 69].

Ответное выступление Бегина носило, скорее, формальный характер. Оно не содержало никаких конкретных предложений в ответ на инициативу президента Египта Садата, речь которого, как было сказано ранее, ничем не отличалась от позиции, ранее занимаемой арабскими странами. Поэтому и обстановка в зале была напряженной. Не случайно Бутрос Бутрос Гали скажет: «Израильтяне были явно разочарованы речью президента Садата, а египтяне шокированы ответом Бегина» [1]. Все это явно оставляло двойственное впечатление и порождало сложные чувства.

Только в последний день пребывания президента Египта глава израильского правительства заявил о готовности израильской стороны приступить к обсуждению вопроса о выводе израильских войск из Синая, передаче этой обширной территории Египту, а также обсудить палестинскую проблему. Сразу после посещения Анваром Садатом Израиля многие арабские страны немедленно разорвали с Египтом дипломатические отношения. Более того, штаб-квартира Лиги арабских

государств, которая до этого находилась в Египте, была переведена из Каира в Тунис, а сам Египет на какое-то время был выведен из Лиги арабских государств. Арабские соседи Египта негодовали. В результате Садат находился теперь под постоянными острыми атаками мусульманских фундаменталистов. На службах в мечетях каждую пятницу он подвергался осуждению. Все это мы должны приписать чрезвычайной неуступчивости арабского мира. Однако Садат остался последовательным в достижении ближневосточного урегулирования.

Дипломатические переговоры в Кэмп-Дэвиде шли трудно. Не раз возникала ситуация, которая могла завершиться срывом переговорного процесса. Здесь надо отдать должное американскому президенту Джимми Картеру, который сделал все, чтобы переговорный процесс продолжился и стороны нашли выход из тупика. Ему удалось найти дополнительный компромисс, который устраивал обе стороны, и прежде всего Садата. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что именно Дж. Картер подвел арабов к переговорам и, как следствие, к соглашению с израильянами и присутствовал при их подписании, став самым произраильским президентом в истории США. Нравственные и эмоциональные факторы, связанные с судьбой еврейского народа, играли, очевидно, для самого Дж. Картера далеко не второстепенную роль. И. Д. Звягельская в связи с этим утверждает: «Намерение американского президента внести вклад в урегулирование ближневосточного конфликта диктовалось и его религиозностью. По мнению знавших его людей, Картер, как истинный христианин, считал важнейшим делом установление мира на Святой Земле» [5. С. 207].

В итоге, 17 сентября 1978 г. был подписан пакет соглашений, которые вошли в историю как Кэмп-Дэвидские соглашения.

Заключенные Кэмп-Дэвидские соглашения состояли из двух документов. Первый получил название «Рамки мира на Ближнем Востоке». Данное соглашение касалось палестинского вопроса и предусматривало предоставление ограниченного самоуправления палестинцам Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Однако в нем отсутствовало упоминание о необходимости признания прав палестинцев на самоопределение, в том числе ничего не было сказано об Организации Освобождения Палестины и о такой проблеме, как арабская часть Иерусалима. Так называемая «автономия» для палестинцев Западного берега и сектора Газа предполагала военный и политический контроль со стороны Израиля. Кроме того, было заявлено, что резолюции № 242 и № 338 СБ ООН станут основой для дальнейшего ближневосточного урегулирования. Общие положения, выработанные сторонами переговорного процесса, должны стать рамками мира для других арабских государств Ближневосточного региона.

Второе соглашение – «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» – затрагивало вопросы двустороннего урегулирования. В соответствии с ним Израиль соглашался на вывод своих войск и мирного населения с Синая в обмен на нормализацию отношений и мир. Синайский полуостров превращался в демилитаризованную зону.

В связи с вышеупомянутыми факторами всегда будут оговорки по поводу того, в какой степени подписанные соглашения отвечали интересам сторон. То, что возникло в результате переговорного процесса, не было просто заявлением о намерениях сторон, оно явилось достаточным основанием для того, чтобы воздействовать на состояние арабо-израильского конфликта. И это, безусловно, лучше, чем совсем ничего. В этом случае отвергать полезность Кэмп-Дэвидских соглашений представляется нецелесообразным. Кэмп-Дэвидские соглашения можно рассматривать как пример ограниченной рациональности, которая означала, что внешнеполитический процесс двух стран лежал в пределах или даже в границах допустимой рациональности. Принятые решения в ходе встречи являлись не

столько рациональными, сколько наиболее приемлемыми для сторон. Следовательно, Египет и Израиль, для того чтобы снять остроту взаимных противоречий в ходе переговорного процесса, больше руководствовались приемлемым удовлетворительным результатом, а не наилучшим решением. Стратегия соглашений, в конечном счете, себя оправдывала с точки зрения мирного урегулирования вопросов.

Однако процесс заключения мирного договора Израиля с Египтом потребовал усилий и времени. Не раз еще в 1978 году переговорный процесс с Египтом заходил в тупик. В итоге события развивались неровно.

Египетско-израильский договор о мире был подписан обеими сторонами 26 марта 1979 года перед Белым домом в Вашингтоне при посредничестве Дж. Картера.

Казалось бы, долгожданный мир всех объединил. Но все это было очень далеко от истины, так как состояние войны с большинством арабских государств сохранялось. Поэтому договор Израиля с Египтом, оказавшимся в политической изоляции, не превратился в генеральную репетицию соглашения с арабским миром. За мирным договором с Египтом не последовали соглашения с другими арабскими государствами. Но, так или иначе, Кэмп-Дэвидский мирный договор превратился в первый опыт прорыва арабской блокады, в так называемый фактор *мирного сожительства* (или сосуществования) с арабским миром (с точки зрения Израиля). Безусловно, договор имел далеко идущие последствия, ибо он выиграл в конкуренции с силовой альтернативой противостояния и стал той внешнеполитической моделью отношений, которая позволяла разрядить напряженность Ближневосточного пространства.

Израиль надеялся, что этот договор, в конце концов, приведет к разрешению конфликтов в регионе и станет началом новой эры на Ближнем Востоке: «...И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2, 4).

Тем временем «единодушно негативная реакция в арабском мире на подписание и последующую ратификацию договора продемонстрировала, что мир на Ближнем Востоке не может быть лишь делом Египта и Израиля, даже если за ними стоят США, что он отнюдь не приближает достижение всеобщего ближневосточного урегулирования. Бывший заместитель госсекретаря Дж. Болл указывал в этой связи: “Кэмп-Дэвидские соглашения и колоссальные политические и экономические усилия, потребовавшиеся для того, чтобы превратить их в договор, не только не способствовали общему урегулированию, но даже сделали решение главных существенных проблем более трудным, чем когда-либо, и в то же время еще более срочно необходимым”» [8. С. 264].

Кэмп-Дэвид оставил мало надежды, поскольку он был ориентирован на египетско-израильские взаимоотношения, а не на разрешение палестинской проблемы. В результате «урегулирование палестинского вопроса оказалось отложенным на десятилетия» [7. С. 180]. Сложившаяся ситуация означала крах всех ожиданий и отчаяние. Поэтому не случайно А. А. Громыко, выступая на XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, так характеризовал египетско-израильский договор: «Сепаратная сделка между Египтом и Израилем ничего не решает. Это средство, призванное усыпить бдительность народов. Это путь к накоплению в еще больших масштабах горючего материала, способного вызвать на Ближнем Востоке новый взрыв» [8. С. 263]. Напротив, А. Ф. Добрынин, который занимал совершенно уникальное место в истории дипломатии, отметил следующее: «Египетско-израильский договор оказался прочным и принес удовлетворение обоим его участникам». И далее он говорит: «Надо прямо сказать, что у советского руководства тогда не было, по существу, самостоятельной политики по ближневосточному

урегулированию, или, точнее, позитивное влияние Москвы на это урегулирование было весьма ограничено...» [4. С. 445].

С другой стороны, пребывать в состоянии неопределенности, нерешительности и слабости тоже было недозволительно. При всех прочих условиях договор есть скорее благо, позволяющее избежать инерционности в отношениях Египта с Израилем. Думается, что в сложившихся условиях в конце 1970-х годов решения Кэмп-Дэвидского договора были единственно возможным компромиссом между двумя странами. Они могли быть лучшими или худшими для Израиля и Египта, но их принятие оказалось неизбежным, в ином случае, как было сказано, Ближний Восток ожидала большая война.

Строго говоря, альтернативы Кэмп-Дэвидскому договору в рамках тогдашнего арабо-израильского противостояния, отягощенного многочисленными страхами и предчувствием надвигающейся драмы, не было. История подтверждает, что тогда был бы упущен шанс повернуть вспять окаянное противоборство, война потребовала бы на этот раз гораздо больших жертв. Во всяком случае, для Израиля и Египта отсутствие договора стало бы худшим сценарием, так как взаимное противостояние продлевало время вражды и насилия. Вряд ли кто-то может оспорить значение Кэмп-Дэвидского договора, придававшего арабо-израильскому конфликту управляемый и предсказуемый характер. Именно в этом его истинное историческое значение, так как стороны конфликта больше приобрели, чем потеряли. Он знаменовал собой тотальный поворот во внешней политике Израиля и Египта, несмотря на то что с подписанием Кэмп-Дэвидского договора разделительных линий на пространстве Ближнего Востока не убавилось.

Между тем отношения Израиля с остальным арабским миром оставались неизменно стабильно-холодными, порой переходя в горячую фазу. Противоречия являлись *непреодолимыми*, так как в их основе лежали сталкивающиеся национальные и территориальные притязания, которые работали на «несовместимость» позиций сторон, на желание жить и действовать в соответствии со своей логикой понимания исторического процесса. К ним добавлялся элемент религиозный, освящающий войну против тех, кто пытался завладеть святой для ислама землей. Этническая окраска конфликта углубляла и усложняла возникающие противоречия, придавала ему дополнительный эмоциональный фон. Преобладание эмоциональной составляющей делало общественное мнение более доступным для психологического давления, когда здравый смысл ситуативно снижается и индивид чувствует и поведенчески реагирует на происходящее, «как все».

В этой ситуации другой мир по-прежнему концептуально рассматривался как изначально чуждый, враждебный. Бинарная позиция «свой-чужой» воспринималась как нечто опасное и враждебное. Чтобы выжить, нужно было прежде всего победить «чужих». Чем враги многочисленнее и опаснее, тем сильнее мотивация оппозиции «свой-чужой». Деление на своих и чужих, друзей и врагов создавала ось активного противостояния, что обостряло соприкосновение народов, нарушало целостность и стабильность ближневосточного региона. Семантика слов, сопровождавшая конфликт, указывала на специфическое состояние общественного сознания сторон, она, как минимум, не позволяла снять напряжение, которое может быть в коммуникации. В этом конфликте язык сторон претерпел существенную трансформацию. Из так называемого щита (доспехов) он все больше превращался в своеобразный разящий меч, увеличивая потенциал противостояния. В результате арабо-израильский конфликт будет уместно охарактеризовать, прежде всего, как событие психолингвистическое, нашедшее свое воплощение в языке, в котором он и продолжает свое существование. И от этого менее закрученным лабиринтом противоречий он не становится.

Логика мифов, мифологизированного сознания, которая сопровождала конфликт сторон, требовала сплочения перед лицом этой «опасности». Механизмом защиты от него становилось наличие социальных мифов, с помощью которых человек «кодируется». Причем эффективность такой «закодированности» практически не зависит от того, насколько эти образы соответствуют действительности (это лишний раз подтверждает идею, что мы живем в мире внушаемых установок, весьма далеких от реальности). Все это чревато вторжением в жизнь человека ситуации ложного выбора (в том числе аналогичной картины мира), снятия с него ответственности за такой выбор.

Наиболее ярко арабо-израильский конфликт проявлялся в феномене неоднократно описанного «зеркального образа», когда противоборствующие стороны приписывали идентичные положительные черты себе, а идентичные пороки – соперникам. К тому же, как известно, народ, которым овладевает аффективный гнев, как правило, оказывается во власти собственного бессознательного, объект ненависти превращается для него в средоточие абсолютного зла. Ненавидящий становится одержим иллюзией, что если устранить ненавидимый народ (*в данном случае – еврейское государство*), то снимаются все препятствия на пути к развитию, прогрессу и благополучию. В этом контексте необходимо отметить то обстоятельство, что до тех пор, пока у противоборствующих сторон (или у одной из сторон) не исчезнут цели, которые для них важнее, чем мир, или достижению которых мир даже мешает, конфликт будет продолжаться бесконечно. В данном случае цели оказались важнее достижения мира.

Этот *многомерный узел взаимосвязанных противоречий* был решающей константой арабо-израильского конфликта, который с полным основанием можно рассматривать как время потерь, разрушившихся социальных связей и одновременно как процесс *проинтерпретированной* в определенном ключе истории. Без осознания его значения, без работы над ошибками прошлого (настоящего) мы не поймем главный вопрос: почему во второй половине XX века жизнь двух древних народов оказалась перенасыщена апокалиптическими мотивами и противоядия от них не нашлось? Поэтому феномен арабо-израильского конфликта состоит в том, что эта трагедия народов стала фактом объективной реальности, в рамках которой найти относительную общность взглядов было чрезвычайно сложно. Ситуацию усугубляло, как было сказано выше, наличие конфликтных полей, что приводило к тому, что мировоззрение, идеалы, ценности личности становились фрагментарными, бессистемными, а поведение целых народов в ситуации арабо-израильского противостояния становилось трудно прогнозируемым.

Необходимо отметить, что Кэмп-Дэвидский мирный договор 1979 года работает и по сей день, хотя теперь в нем и появились трещины, поскольку события на Ближнем Востоке, по странам которого прокатилась целая серия революций, далеких от своего завершения, замерли в полной непредсказуемости. Из этого следует, что «новый порядок», который сегодня складывается на волне хаоса, почти наверняка будет хуже, brutальнее и безрадостнее предыдущего. К тому же народ устал, в нем накопилось много отрицательной энергии, которая приглушает голос разума и совести. А тем временем *технология создания ложных образов* подчиняет и завоевывает себе все новые и новые умы, разъедая атмосферу любого внешнеполитического диалога, что неминуемо порождает разлад в международных отношениях.

В итоге так называемый мост, который был создан в результате внешнеполитического диалога между Израилем и Египтом, превратился в канатную дорогу над бездной. Тем не менее в основе договора лежал здравый компромисс, учитывающий не всегда совпадающие взгляды сторон, их разнонаправленность. Компромисс здесь надо понимать адекватно: это не согласие на все что угодно, а, прежде всего, возможность *равным договариваться с равными*. Как показала ис-

тория, это не проигрыш, а выигрыш сторон, участвующих в переговорном процессе. Кэмп-Дэвидский договор также показал, что еврейский народ и народ Египта могут жить в пределах самостоятельных независимых государств. При этом у них могут быть собственные интересы и потребности. Но вместе с тем у них есть та генетическая связь, которая заставляет думать друг о друге. Кэмп-Дэвидский договор продемонстрировал, что классическая дипломатия, основанная на балансе интересов и сил, не имеет альтернативы. Различного рода манипуляции со смыслами (образами) не создадут стабильной основы для устойчивых и стабильных отношений между Египтом и Израилем.

И все же крутой маршрут к договору не исключал взаимных споров и разногласий, остроты видения взаимных проблем. Представляется, что в сложившихся в конце 1970-х гг. условиях решения Кэмп-Дэвидского договора были единственно возможным спасительным компромиссом между Израилем и Египтом, претендовавшим на звание панарабского лидера. Как представляется, говорить однозначно о значении Кэмп-Дэвидского договора трудно, но, тем не менее, он внес свою определенную лепту в развитие внешнеполитических контактов между двумя странами.

Митчелл Б. отмечает, что «в 1978 г. в Кэмп-Дэвиде наступил момент, когда переговоры могли вот-вот сорваться из-за настойчивого требования египетского президента Анвара Садата демонтировать израильские поселения на Синайском полуострове. Бегин пригласил Шарона к себе и спросил у него, следует ли соглашаться на требование Садата. Шарон не только рекомендовал Бегину согласиться, но впоследствии именно он руководил перемещением переселенцев, в некоторых случаях даже с применением силы» [2. С. 352], убирая все израильские поселения из сектора Газа и еще ряд других с Западного берега реки Иордан. Данное обстоятельство говорит о том, что Шарон, который во время подписания Кэмп-Дэвидского договора всегда находился как бы в тени и не играл ключевой роли, на самом деле был одним из тех политиков, кто определял вектор внешнеполитического развития страны в осуществлении внешнеполитического партнерства с Египтом.

Это был тот самый редкий случай в истории дипломатии, когда подписание Кэмп-Дэвидского договора как некоего «*искусства видеть мир*» стало не только политическим выбором, но и своеобразной проверкой политиков на дальновидность (имеется в виду политическая дальновидность), их личной ответственностью за поддержание мира, тем самым доказав идею, что битва за мир должна происходить на ковре дипломатии, а не на поле брани. Этот исторический факт особенно важно отметить сегодня, когда стратегическая ситуация в мире стремительно меняется, а прежние договоренности между государствами, которые были призваны создавать благоприятные внешнеполитические условия для безопасного развития стран, оказались на грани кризиса. Ситуацию усугубляет и то, что «арабская весна», охватившая арабский мир, хотя и косвенно, но все же вызовет необратимые перемены в рамках ближневосточного региона. Вместе с тем «арабская весна», перевернувшая и взорвавшая регион, обнажила еще более глубокие пласты давних, казалось бы ушедших в прошлое противоречий, которые за истекшее время так и не разрешены. На наших глазах на пространстве Ближнего Востока не только рушится вся система баланса, существовавшая не одно десятилетие, но и рождается новая реальность. Она еще не осознана. Она является неизведанной и непонятной.

Безусловно, это предупреждение всем народам и государствам: чтобы идти дальше, не нужно брать в дорогу такие вредоносные вещи, как нетерпимость, подозрительность и враждебность, а нужно просто считаться друг с другом и стараться договариваться. И все же представляется, что диалог (не путать со стратегией соглашений) как таковой не способен свести воедино диаметрально проти-

воположные фундаментальные разногласия и, как следствие, не дает возможности сформулировать последовательную концепцию преодоления кризиса.

Конечно, всегда можно сказать, что результаты внешней политики в первую очередь зависят от множества факторов, стечения обстоятельств, коммуникаций, но только не от талантов политиков. Примеров можно привести сколько угодно, тем более что искусство политики оценивается тогда, когда перед ней ставятся задачи в пределах возможного. И здесь результаты у разных политиков могут быть совершенно различными, несмотря на равенство их возможностей.

В данном случае все наоборот, а сами политики не предпочитали «прятаться за спины» своих соотечественников, уходя от ответственности за принятие тех или иных решений. Опыт переговорного процесса Бегина и Садата, ставших самыми договороспособными главами своих государств, в 1978–1979 гг. убедительно продемонстрировал, что дипломатия может и должна менять мир. Поэтому всегда возможно четко определить вклад конкретного человека (в данном случае политических лидеров ближневосточного региона), особенно политика, в полученный, в конце концов, результат. Поэтому деятельность политиков и политику необходимо оценивать исключительно по результатам, а не по благим намерениям (которыми, как известно, вымощена дорога в ад), не по красоте и убедительности защиты той или иной идеи, хотя отрицать целиком роль этого критерия, конечно, нельзя.

Теперь нам совершенно ясно, что эти условия не предотвращали войну, они, в лучшем случае, стали остановкой между войной и миром. В далеком 1979 году трудно было предугадать, что судьба египетско-израильских отношений с течением времени станет менее *предсказуемой*, что на Синае снова будет готовиться поход против Израиля.

Таким образом, завершая рассмотрение проблемы управления международными конфликтами на примере Кэмп-Дэвидского мирного договора, хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, управление конфликтами не всегда способно дать ощутимый эффект в короткие сроки. И, во-вторых, при любых взглядах на место и роль управления конфликтами в формировании национальной безопасности во всем многообразии ее проявления, следует осознавать, что наряду с плюсами будут всегда и минусы. Чтобы эти минусы не перешли в разряд острых проблем, важно своевременно и адекватно оценивать влияние внешнеполитической конъюнктуры на решение текущих задач. В этом случае дипломатия должна быть включена в стратегию национального развития и национальной безопасности государств.

Литература

1. Гали Бутрос Бутрос. Путь Египта в Иерусалим : рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке / предисл. А. Васильева; пер. с англ. К. Труевцева. – М. : Кн. дом газеты «Труд» : Классика плюс, 1999.
2. Бард М. Мифы и факты. Руководитель по арабо-израильскому конфликту / пер. с англ. А. Курицкого. – М. : Еврейское слово, 2007.
3. Брасс А. Палестинские истоки. – М. : ООО ИД «Русь»–«Олимп» : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
4. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – 2-е изд. – М. : Междунар. отношения, 2008.
5. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. – М. : Аспект Пресс, 2012.
6. Корчемкин С. Е. Паблик рилейшнз и безопасность: механизмы управления // Феномен безопасности: от социальной психологии до макропсихологии : материалы III Международного симпозиума (12 апреля 2012 г.). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2012.

7. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М. : ИИК «Российская газета», 2006.

8. Пырлин Е. Д. Трудный и долгий путь к миру: Взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.

УДК 621.039(7+54)

Самаров Виктор Наумович

фирма «Лаборатория Новых Технологий»
(Москва, Россия – Калифорния, США)

Samarov Victor Naumovich

(LNT PM Inc., Garden Grove, CA)

Непомнящий Виталий Залманович

фирма «Лаборатория Новых Технологий»
(Москва, Россия – Калифорния, США)

Nepomnutshy Vitaly Zalmanovich

(LNT PM Inc., Garden Grove, CA)

Комлева Елена Владимировна

Институт философии и политологии,
Технический университет (Дортмунд, Германия)

Komleva Elena Vladimirovna

Institute for Philosophy and Political Science,
TU Dortmund University (Germany, Dortmund)

**О КОЛЬСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ
КЛАСТЕРЕ ТЕХНОЛОГИЙ
ОБРАЩЕНИЯ
С ВЫСОКОАКТИВНЫМИ
ОТХОДАМИ И ОТРАБОТАВШИМ
ЯДЕРНЫМ ТОПЛИВОМ**

**ON KOLA INTERNATIONAL
CYCLE OF TECHNOLOGIES
TO HANDLE HIGH-LEVEL
NUCLEAR WASTE
AND SPENT NUCLEAR FUEL**

Аннотация

С учетом разностороннего авторского профессионального опыта и других опубликованных материалов, разработана Концепция достаточно полного и завершенного международного цикла технологий обращения с наиболее опасными радиоактивными материалами (от их кондиционирования до долговременного хранения/захоронения). Кратко приведены идейная база, а также основные положения Концепции, предусматривающие реализацию в рамках некоего международного консорциума на территории, прежде всего, Кольского полуострова.

Ключевые слова: ядерная энергия; ядерные отходы; отработавшее ядерное топливо; горячее изостатическое прессование; международные хранилища; геологические и горные технологии; никель; Печенга; Росатом; Россия.

Abstract

Based on the multi-faceted professional authors' experience as well as other publications, there was developed a Concept of a rather complete international cycle of technologies to handle the most dangerous kinds of radioactive materials (from their conditioning up to the long-term storage/burial). This paper briefly gives a platform as well as basic framework of the Concept to be realized by an international consortium primarily on the territory of the Kola peninsula.

Key words: nuclear energy; nuclear waste; spent nuclear fuel; hot isostatic pressing; international depositories; geological and mining technologies; nickel; Pechenga; Rosatom; Russia.

*Ты никогда не решишь проблему,
если будешь думать так же, как те, кто ее создал.
А. Эйнштейн*

Введение

Первичные ядерные материалы военного и невоенного назначения обязаны своим появлением четкой мотивации и важнейшим государственным задачам, имеют однозначное национальное/корпоративное происхождение и конкретного национального владельца. За рамками срока использования по первоначальному жизненно важному назначению дальнейшая судьба большинства из них либо даже концептуально не была своевременно определена, либо постоянно рассматривалась не как явление главной повестки дня. За прошедшие десятилетия реализации в режиме «ядерной гонки» различных национальных программ, характеризо-

вавшихся высочайшим уровнем централизации и секретности работ, накопились большие объемы отработавших и отложенных (до разработки приемлемых уже для человечества в целом решений по их дальнейшей судьбе) вторичных ядерных сырьевых материалов, а также прямых ядерных отходов. Реальность такова, что «ядерное наследие» национальных программ превратилось в крупную международную проблему, которая потребовала перехода на новый, международный, уровень работ посредством претворения в жизнь ряда международных проектов по обеспечению безопасности этого «наследия» – некой общечеловеческой, не очень приятной и весьма обременительной, «собственности». Многие представители «зеленого» движения, к слову, считают обеспечение безопасности отработавших ядерных материалов существующими методами невозможным.

Новый уровень и изменившиеся со времени начала «ядерной эры» политические, научно-технические и многие иные условия должны порождать не только объединение финансовых, технических, методических, нормативных баз без существенного, как правило, изменения ориентации исключительно на возникшие ранее национальные-ядерные технологические схемы и сеть построенных объектов для иных целей нежели задачи управления безопасностью «ядерного наследия». Для новых задач, вызывающих новые потребности и открывающих соответствующие возможности, нужны и новые идеи, ориентиры, разумный выход за ограничительные рамки ядерной отрасли, комплексный потенциал которой хотя и велик, но все же по многим новым позициям недостаточен и может быть дополнен за счет заимствований из других отраслей промышленности.

Далее на примере контуров Концепции Кольского международного кластера технологий обращения с высокоактивными отходами (ВАО) и отработавшим ядерным топливом (ОЯТ) показаны возможность и отдельные фрагменты нового подхода.

КОНТУРЫ КОНЦЕПЦИИ КОЛЬСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КЛАСТЕРА ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАЩЕНИЯ С ВЫСОКОАКТИВНЫМИ ОТХОДАМИ И ОТРАБОТАВШИМ ЯДЕРНЫМ ТОПЛИВОМ

Основания:

- 1) международный принцип ядерного нераспространения;
- 2) провозглашенные президентом РФ В.В. Путиным инициативы Росатома о расширении спектра международных ядерных услуг (2006 г.) в условиях, когда инициатор, желающий продавать, выдавливается с зарубежного рынка со своим свежим ядерным топливом. Есть предположение, что подобная ситуация коснется и перспектив Росатома получать для коммерческой утилизации отработавшее ядерное топливо других производителей [1]. Надо успеть, максимально используя готовую научно-техническую и производственную базу (как ядерной, так и других отраслей промышленности), сформировать на международном уровне, с удобной логистикой, высокой коллективной безопасностью и в технологических традициях большинства стран, российский приоритет для завершающей стадии жизни ядерного топлива и без его радиохимической переработки (что более приемлемо для зарубежья, учитывая господствующие там взгляды на оценку технологий с позиций нераспространения и экологии), значительно и нестандартно усиливая, тем самым, набор потенциальных предложений и партнеров (в том числе, вне ядерной сферы) Росатома. Этот приоритет не будет противоречить внутреннему национальному курсу на переработку российского отработавшего топлива, но дополнит его новой международной нишей весьма прибыльных услуг;
- 3) научные дискуссии среди профессионалов-ядерщиков (например, [2]) и потенциал знаний и умений, суммарно накопленный при разнообразном освоении и комплексной переработке минерального сырья (горно-геологические и химико-

обогачительно-металлургические аналоги-объекты и аналоги-технологии [3], а также конкретно компетенции ОАО «ГМК 'Норильский никель'»);

4) уже действующее российское законодательство и потенциально возможное, стимулирующие поиск адекватных научно-технических решений;

5) тенденции развития горнопромышленного и атомного кластеров Мурманской области, обозначенные «РЕКОМЕНДАЦИЯМИ “круглого стола” на тему “Развитие законодательной базы в области природных ресурсов, природопользования и экологии: региональный аспект”» (ГД РФ, КОМИТЕТ ПО ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ, ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ И ЭКОЛОГИИ, г. Мурманск 29 октября 2013 года) и выявленные дополнительно при анализе этого документа. В частности, отсутствие каких-либо зафиксированных исторических перспектив применительно к некогда важным для страны и области медно-никелевым месторождениям Печенги и, к сожалению, ОАО «ГМК 'Норильский никель'» в регионе [4];

6) междисциплинарный подход и тенденции интернационализации усилий в сфере ядерной и радиационной безопасности, преимущества периферийных (особенно приграничных, с развитой инфраструктурой) регионов РФ при международной изоляции ядерных отходов [5];

7) арктический вектор развития России, Мурманской области (при несостоявшемся газовом счастье Мурманска) и ОАО «ГМК 'Норильский никель'».

Цели:

1) объединение современных научно-технических решений, материаловедческих и горно-геологическо-технологических, для повышения эффективности среднесрочной и долговременной изоляции российских и зарубежных (либо изначально зарубежных) радиоактивных материалов (прежде всего, ВАО и ОЯТ) от биоты;

2) расширение геополитического значения и международных функций Мурманского транспортного узла;

3) поддержка, модернизация и диверсификация промышленного потенциала Мурманского побережья, Печенгского района Мурманской области и ОАО «ГМК 'Норильский никель'»;

4) создание нового весомого блока международных экономических отношений, защищенного на будущее от необоснованных антироссийских санкций (в частности, несравнимо более защищенного, чем нефтегазовый).

Горячее изостатическое прессование (ГИП) и кондиционирование контейнеров/пеналов с ВАО/ОЯТ

А) Основа ГИП-технологии – пластическая деформация (в замкнутом объеме газостата) внешней оболочки герметизируемых упаковок, циркония и засыпного материала при высоких давлении и температуре в атмосфере инертного газа.

Б) Суть новой технологической идеи: адаптация освоенных в аэрокосмической промышленности методов и средств для герметизации и омоноличивания ВАО/ОЯТ (один из прецедентов (американо-австралийский) адаптации и поставщиков оборудования применительно к некоторым другим видам радиоактивных материалов – [6; 7]).

В) Варианты материала оболочки:

- модификации нержавеющей стали, в том числе с добавками обедненного урана;

- карбид кремния;

- алюминиевые сплавы;

- новые камнеподобные материалы (литые или прессованные) на основе природных минералов.

Г) Варианты засыпного материала:

- ферробор;

- природные минералы, способные, в частности, модифицироваться в герметики, эффективно поглощать тепловые нейтроны и/или сорбировать радионуклиды ([8,9]; аналогия – технология Synrock, Synthetic Rock, которая очень хорошо обоснована в физическом и геохимическом аспектах, разработана, широко описана и уже применяется австралийцами, ANSTO, в связке с газостатами АР).

Площадки размещения газостатов

Варианты:

- РТП «Атомфлот» (Мурманск);
- «Дальние Зеленцы» (пос. Порчниха);
- Центр кондиционирования и хранения радиоактивных отходов (РАО) «Сайда-Губа», СевРАО;
- База хранения ОЯТ/ВАО «Губа Андреева», СевРАО;
- п. Никель/г. Заполярный, замещение выбывающей со временем металлургической/обогащительной инфраструктуры ОАО «ГМК 'Норильский никель'»;
- предварительно ГИП-технология/ее элементы могут быть отработаны по новому назначению под контролем и при участии российских и зарубежных (например, компании Westinghouse) специалистов ядерной отрасли при одной из ближайших АЭС (в городах Полярные Зори либо Сосновый Бор), в крайнем случае (на неактивных моделях), – на базе ОАО «ГМК 'Норильский никель'», на предприятии Росатома ОАО «Чепецкий механический завод», в Австралии (ANSTO) или на площадке «Лаборатории Новых Технологий» в Калифорнии.

Площадки наземного временного складирования контейнеров/пеналов с ВАО/ОЯТ

(до/после ГИП-кондиционирования)

Варианты:

- Центр кондиционирования и хранения РАО «Сайда-Губа», СевРАО;
- База хранения ОЯТ/ВАО «Губа Андреева», СевРАО.

Площадки подземного долговременного хранения/захоронения контейнеров/пеналов с ВАО/ОЯТ

(после ГИП-кондиционирования)

В контексте времени и потенциальной опасности – это главное звено Концепции.

Варианты:

- «Дальние Зеленцы» (пос. Порчниха) определена как наилучшая (но с излишними, неадекватно международным реалиям, ограничениями: только для РАО гражданских объектов Северо-Запада РФ, без ОЯТ, не вблизи месторождений полезных ископаемых) по состоянию на 2000 г. [10], проект NUCRUS 95410 программы TACIS, западноевропейский консорциум (фирмы SGN-ANDRA-ANTEA, Франция и Tractebel/Belgatom, Бельгия), ВНИПИЭТ и Горный институт КНЦ РАН;

- «Печенга» (вблизи п. Никель и г. Заполярный, при выборе площадки «Дальние Зеленцы» не рассматривалась, так как попала под ограничения проекта NUCRUS 95410, неуместные сейчас), замещение выбывшей и выбывающей горной инфраструктуры ОАО «ГМК 'Норильский никель'» (глубокий карьер, подземные выработки и сочетание сооружений под и над земной поверхностью), потенциальную возможность наличия принципиально пригодных для размещения ВАО породных толщ независимо показали Ф. Ф. Горбацевич (Геологический институт КНЦ РАН, 1994 г., устное сообщение, исследование керна СГС-3), Ю. И. Кузнецов (МНТЦ, «Герс», проект № 262, исследование керна СГС-3, 1994–1996 гг., [11]), В. Н. Комлев и др. (данные по разведочным скважинам, 1999 г., [12]), А. С. Сергеев и Р. В. Богданов ([13], исследование керна СГС-3, 1999 г.).

Примечание:

1) подобный подход к организации работ с национальными/зарубежными ВАО/ОЯТ (ГИП-кондиционирование + существующая ядерная, геологическая и горная инфраструктура), в принципе, видится и относительно Казахстана (бывший Семипалатинский полигон), а также еще одного какого-либо региона РФ: например, Урала (в том числе, с привлечением исследований по СГС-4), Камчатки (объекты ДальРАО как, прежде всего, площадки для газостатов и временного хранения упаковок с ВАО/ОЯТ), Магаданской области, Якутии, Красноярского края или Забайкалья (в Краснокаменске, как и на Печенге, проблемы с рудой [14]);

2) особое значение в ряду примеров потенциально перспективных регионов РФ может быть у северо-восточного приморского аналога (одновременно и антипода, в зоне многолетнемерзлых пород) Мурмана – Чукотского полуострова (как второго важного элемента мировой системы подземного хранения/захоронения ВАО/ОЯТ, включая генерированные Билибинской АЭС и будущей плавучей АЭС, и «аналога наоборот» значению Чукотки после Второй мировой войны, «Нам бы только за бережок...зацепиться...» [15]). Глобальная история учит, что успешным может быть только такое сотрудничество/«сотрудничество», когда европейский вектор дополнен американским. Газостаты целесообразно было бы разместить в помещениях снимаемой с эксплуатации Билибинской АЭС, тем самым продлевая жизнь ядерному объекту Чукотки. Вполне возможно, что при накопленном в прошлом российском опыте в части проектирования для условий мерзлоты (впрочем, как и для пород с положительным температурным режимом) подземные объекты хранения/захоронения на Чукотке и Печенге (горные выработки, глубокие скважины большого диаметра [16] или их сочетание – подобно сочетанию, например, карьера «Центральный» и подземного рудника «Северный Глубокий» на Печенге, усиленному наличием вблизи геологической лаборатории СГС-3 с уникальным опытом и результатами ее бурения), синхронно выпестованные ВНИПИПТ и/или ГИПРОНИКЕЛЕМ совместно с зарубежными партнерами (преимущественно из Германии – которая добротна и за свои деньги всего лишь воспроизвела в Сайда-Губе копию комплекса ГДР тридцатилетней давности, кажущуюся технологическим чудом в российских условиях [17], Великобритании, Финляндии, Швеции и Канады), выявили бы еще одну причину необходимости окончательного отказа от хранилища США Yucca Mountain с перераспределением финансирования в пользу российских вариантов. Весьма актуальны и собственные российские проблемы с РАО на Северо-Западе и Северо-Востоке России [18,19];

3) отдельные положения Концепции рассмотрены и одобрены Научным советом по металлургии и металловедению ОХНМ РАН.

Заключение

Формирование нового баланса неоднородных интересов разных стран и корпораций при выходе на международный уровень обеспечения безопасности ОЯТ и ВАО, привлечение к решению этой проблемы нетрадиционных для ядерной деятельности участников из других сфер науки, техники и промышленности, пересмотр социально-экономических и географических принципов принятия решений при создании конкретных объектов – все это может позволить создать надежную систему среднесрочного/чрезвычайно долговременного хранения или окончательной изоляции/захоронения таких суперопасных высокоэнергетических материалов. Прежде всего, в России.

Литература

1. Коваль И. Ядерное расширение: Украина становится глобальным игроком рынка мирного атома // Proatom.ru : [сайт]. – 2015. – 16 марта. – URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=5900>

2. Нужно ли России международное хранилище ОЯТ // Барьер безопасности. – 2005. – № 3–4. – С. 6–9. – URL: newmdb.iaea.org/GetLibraryFile.aspx?RRoomID=694.
3. Конухин В. П., Комлев В. Н. Ядерные технологии и экосфера. – Апатиты : Изд-во Кольского НЦ РАН, 1995.
4. Рекомендации «круглого стола» на тему «Развитие законодательной базы в области природных ресурсов, природопользования и экологии: региональный аспект» // Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, природопользованию и экологии. – 2013. – 21 ноября. – URL: <http://www.komitet2-21.km.duma.gov.ru/site.xp/052050050124049048055057.html>
5. Комлева Е. В. Захоронение ядерных отходов: международные проекты // Viperson : [сайт]. – 2015. – 10 февраля. – URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=678896>
6. Применение технологии горячего изостатического прессования для утилизации радиоактивных отходов // Сайт ООО «ЛабДепо». – URL: <http://labdepot.ru/images/file/AIP/Utilizaciya%20radioaktivnih%20othodov%20s%20ispolzovaniem%20metoda%20HIP.pdf>
7. URL: https://www.google.ru/search?hl=en-RU&source=hp&q=ANSTO+HIP+of+nuclear+wastes&gbv=2&oq=ANSTO+HIP+of+nuclear+wastes&gs_l=heirloomhp.12...1610.14047.0.15188.29.9.0.20.20.0.63.532.9.9.0.msedr...0...1ac.1.34.heirloom-hp..20.9.532.jhcqnHbRr-0
8. Komlev V. N. Use of Natural Materials from Northern Russia for the Isolation of Radioactive Wastes and Spent Nuclear Fuel // NATO ASI Series, Defence Nuclear Waste Disposal in Russia: International Perspective. – 1998. – P. 85–98.
9. Мельников Н. Н., Конухин В. П., Комлев В. Н. Материалы на основе минерального и техногенного сырья в инженерных барьерах для изоляции радиоактивных отходов. – Апатиты : Изд-во Кольского НЦ РАН, 1998.
10. Комлев В. Н., Бичук Н. И., Зайцев В. Г. и др. Тенденции интеграции и потенциал севера России в проблеме изоляции радиоактивных отходов // Экспертный сайт «Открытая экономика». – URL: http://www.opec.ru/news.aspx?id=221&ob_no=86000
11. URL: <http://www.istc.ru/istc/db/projects.nsf/0/95B6194D05AA3BB6C3256C8C003EC62D?OpenDocument>
12. Komlev V. N., Bichuk N. I., Zaitsev V. G., etc. Nickel-Producing Regions and Zones Where Nuclear Waste Might Be Stored // Biodiversity Conservation Center. – URL: <http://www.biodiversity.ru/publications/arctic/archive/n12/nikel.html>
13. Радиационная безопасность: радиоактивные отходы и экология : тезисы докладов конференции. – СПб., 1999.
14. Представитель «Росатома»: ППГХО осталось «жить» 5 лет // Zabmedia : [сайт]. – 2015. – 27 марта. – URL: <http://zabmedia.ru/news/75054/>; Нужно продумать шаги по развитию «урановой» столицы России и выйти с предложениями на руководство страны // Байкал Финанс: [сайт]. – 2015. – 27 марта. – URL: <http://baikalfinans.com/ekonomika/nuzhno-produmat-shagi-po-razvitiyu-uranovoy-stolitsyi-rossii-i-vyiiti-s-predlozheniyami-na-rukovodstvo-stranyi-polpred-27032015-14914616.html>
15. «Нам бы только за бережок Аляски зацепиться...» // Оружие России : информационное агентство. – 2015. – 18 марта. – URL: <http://www.arms-expo.ru/analytics/vospominaniya/nam-by-tolko-za-berezhok-alyaski-zatsepitsya/>
16. Ученые предлагают хоронить ядерные отходы в буровых скважинах // Российское атомное сообщество : портал. – 2015. – 16 апреля. – URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2015/04/16/56305>
17. Альберт Васильев о визите в Сайда-губу и на ЛАЭС-2 // Российское атомное сообщество : портал. – 2015. – 23 апреля. – URL: <http://www.atomic-energy.ru/statements/2015/04/23/56497>
18. Сергей Аверьянов: «Выездное заседание Общественного совета Росатома вызвало неподдельный интерес» // Российское атомное сообщество : портал. – 2015. – 23 апреля. – URL: <http://www.atomic-energy.ru/statements/2015/04/23/56495>
19. Промежуточные итоги и перспективы обращения с ОЯТ Билибинской АЭС // Российское атомное сообщество : портал. – 2015. – 15 апреля. – URL: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2015/04/15/56276>

**|| Мир культуры:
субъекты, институты, практики**

УДК 101

Охотников Олег Валентинович

канд. филос. наук, доцент, завкафедрой
управления персоналом и психологии,
ФГАОУ ВПО Уральский федеральный универ-
ситет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: hanterman69@mail.ru

Okhotnikov Oleg Valentinovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of HR-Management and Psychology Chair,
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ
РЕТРОСПЕКТИВА**

**COMPARATIVE ANALYSIS
IN HUMANITIES: PHILOSOPHICAL
RETROSPECTIVE REVIEW**

Аннотация

В статье анализируется понимание процедуры сравнения в истории западноевропейской философии, показывается эволюция методологии сравнения от метафизического к логическому в рамках двух взаимодополняющих тенденций: «пространственно-метафизической» и «интуитивно-релятивистской».

Ключевые слова: сравнительный анализ; компаративистика; методология истории философии; методология гуманитарного знания.

Abstract

The article analyses an understanding of comparison process in the history of Western European Philosophy, shows the development of comparative methods from metaphysical to logical ones under two complementary trends: «spatial-metaphysical» and «intuitive-relativistic».

Key words: comparative analysis; comparative studies; history of philosophy methodology; methodology of humanities.

Компаративистские исследования в различных областях науки своими корнями восходят еще к античным авторам. Достаточно вспомнить «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, чтобы понять, что сравнение как принцип исторического познания далеко не изобретение философии Нового времени. Но так же правомерно утверждение о том, что сравнения как метода в строгом смысле слова не существовало вплоть до XVII века, до провозглашения Ф. Бэконом ревизии научного знания. Однако анализ историко-философской традиции позволяет реконструировать элементы теории сравнения еще в ранней греческой философии. Этот анализ также позволяет утверждать, что понимание сравнения эволюционировало от метафизического к логическому.

У пифагорейцев [1] мы находим математическую онтологию. «Космос» как «порядок» пропорционален. Гармония – это, прежде всего, гармония отношений, гармония пропорционального соответствия, соизмеримость, составляющая основу космоса как миропорядка, атрибут космоса. Поэтому пифагорейский подход к осмыслению проблемы сравнения мы обозначили как пространственное понимание сравнения. Но специфика пифагорейского пространственного подхода к сравнению состоит в том, что отличает греческую мысль вообще, – в метафизичности. В понимании пифагорейцев соотношения – онтологически присущее миру свойство.

Метафизический подход, характерный для всей греческой философии, просматривается и в элементах теории сравнения, которые мы имеем возможность реконструировать у Платона [2]. Концепция уподобления в учении Платона о познании еще раз подтверждает этот тезис. Уподобление, по Платону, – тот механизм

связи между идеями, вещами и познающим субъектом, который создает целостность бытия, позволяет схватить его единство. Платон дает иное описание механизма сравнения, в отличие от пифагорейцев, выдвигая на первый план непосредственное соотнесение, что позволяет охарактеризовать его позицию в отношении сравнения как интуитивно-релятивистскую.

Как та, так и другая позиция заняли свое место в истории философии, что позволяет говорить уже о традициях в осмыслении сравнения. Но есть нечто, что объединяет эти традиции, – их история. Во-первых, они никоим образом не могут быть противопоставлены друг другу, и в истории философии не было дискуссий по этому вопросу, они, скорее, взаимодополняют друг друга. Во-вторых, представление о сравнении в рамках каждой из этих традиций эволюционировало от метафизического к логическому, что связано скорее с общим ходом истории философии, со сменой парадигм мышления.

Важный шаг в направлении логического понимания сравнения сделал Николай Кузанский [3], который, несомненно, испытал сильное влияние пифагорейцев, но через неоплатонизм. И хотя в его философских построениях определяющую роль играл платонизм, что видно из его текстов и в чем сходятся все историки философии, но в отношении сравнения он принимает, на наш взгляд, пространственный подход пифагорейцев. В рамках ими заданной традиции он анализирует сравнение уже как одну из способностей разума. В философии Кузанца виден наметившийся переход от метафизического понимания сравнения к логическому, так как анализ сравнения Кузанец проводит в связи с проблемой универсалий, т. е. логических образований. Позиция Кузанца в отношении процедуры сравнения крайне диалектична: мы можем привести доводы в пользу того, что он продолжает интуитивно-релятивистскую традицию Платона, но найдется и немало доводов в пользу пифагорейской традиции. На наш взгляд, последнее более оправдано, так как центральные понятия его философии («максимум» и «минимум») – пространственно-количественные величины.

Анализ операции сравнения в истории философии Нового времени проходил в канве противостояния эмпиризма и рационализма. Тон задали английские философы. Ф. Бэкон [4] в основу декларируемой и пропагандируемой им «истинной индукции» заложил операцию сравнения. Именно он, сделав сравнение основой своего метода, акцентирует внимание на его значимости. Но Бэкон принимает сравнение как данность, как необходимо присущую разуму способность. Это верно в качестве общих положений, но требует более детального анализа самой сравнительной операции, чего мы у Бэкона не находим. По описанию механизма индукции можно понять, что Бэкон призывает к сравнению предметов по внешним признакам, что соответствует пространственному сравнению – традиции, берущей свое начало от Пифагора.

В противовес подобной точке зрения на сравнение звучит выдвинутое Декартом [5] положение о «врожденных идеях» как основаниях сравнения, т. е. необходимым и достаточном условии для сравнения. Декарт, в отличие от Бэкона, уделил более пристальное внимание механизму сравнения. Он становится, возможно неосознанно, на позицию платонизма, по которой сравнение есть не что иное, как соотнесение с уже имеющимся основанием.

Локк [6] положил начало традиции английской философии в отношении сравнения, его пространственного понимания. «Пространство» в данном случае рассматривается как условие внешних явлений вообще. Так вот сравнением внешних характеристик вещей и явлений, именуемых Локком «идеями», и характеризуется его теория познания. Так как источником идей, по Локку, могут быть либо чувства, либо рефлексия, и все отношения между ними сводятся к отношениям соотнесения и соответствия, то сущность отношения им определяется как сравнение.

На ошибочность такой абсолютизации сравнения, на несводимость процесса познания к восприятию соответствия между идеями указал Лейбниц [7], основной оппонент Локка. Лейбницевская концепция сравнения – критика локковской. Он достаточно осторожно указывает на то, что познание несводимо к установлению отношений между изучаемыми предметами и даже между характеристиками одного предмета. Сами же отношения несводимы к отношениям соответствия, существуют еще и отношения связи (причина и следствие) и функциональная зависимость. Но главным в критике со стороны Лейбница выступает указание на необходимость логического, а не метафизического рассмотрения сравнения, что подготовило почву для кантовского логического анализа.

Наиболее развернутый анализ механизма сравнения дает И. Кант [8]. Его позиция в отношении сравнения вырабатывается при рассмотрении деятельности рассудка. Кант выделяет три основные логические операции, присущие рассудку: сравнение, рефлексию и абстрагирование. Отсюда и описание логического механизма сравнения становится одной из наиболее важных задач для Канта. Он не только не останавливается на констатации данности сравнения, как Бэкон, не только видит в нем методологическую основу познания, как Локк, он пытается найти и обосновать объективное основание сравнения – шаг, важность которого трудно переоценить, так как именно проблема основания сравнения стала камнем преткновения для многих мыслителей. Кант находит это основание, правда в рамках своей системы. Разделяя способности познания на разум, рассудок и чувственность, Кант утверждает, что априорное основание сравнения – единство сознания.

В философии И. Канта оформляется то понимание механизма сравнения, которое в дальнейшем получило приоритет. Это стало возможным во многом и благодаря опыту, накопленному пространственной традицией, без которого в интуитивно-релятивистской традиции не возникало бы понимание структуры сравнения. Развитие интуитивно-релятивистского подхода к сравнению шло по пути поиска универсального основания, сама же структура сравнительного метода складывалась в рамках пространственного подхода.

Судьба сравнительного метода после Канта складывалась удачно, но не в философии. Одна за другой в двадцатом веке возникли крупные теории и гипотезы, основанные на сравнительной методологии в разных областях гуманитарного знания. Например, гипотеза К. Лахмана о Нибелунгах, появившаяся под влиянием анализа гомеровского эпоса в работах Вольфа. В языкознании возникает система сравнительных дисциплин от братьев Шлегелей и Вильгельма Гумбольдта до реконструкции индогерманского праязыка Августом Шлейхером.

Заложивший основы исторического знания, методологии истории Г. Риккерт относил сравнение к методологии наук естественных, ибо там основная функция – обобщение, следовательно, имеет место «генерализирующее сравнение». Но история – это описание индивидуальностей, и если в ней имеет место сравнение, то только как способ выявления особенного. Вообще же немецкие историки того времени относились к сравнению с достаточной долей опасения. Видный историк Георг фон Белов прямо отвергал его, а Эрнст Трельч принимал сравнение в качестве вспомогательного метода, в «умеренной дозировке».

В истории правоведения сравнительный метод сыграл значительную роль. Англичане считают основателем сравнительного правоведения Ф. Бэкона; французы ведут сравнительное право от Монтескье; по мнению немецких юристов, Лейбниц был первым, выдвинувшим идею о сравнении правовых систем. Эти споры скорее обусловлены национальным самосознанием спорящих сторон, но несомненно одно, как в случае с литературоведением и историей: начало сравнительных исследований в области права дала философия.

Конец XIX – начало XX века охарактеризовалось оформлением многих самостоятельных дисциплин, имеющих своим предметом сравнительную проблематику, в отдельные области знания. Прежде всего это относится к сравнительному языкознанию, сравнительному литературоведению, сравнительному правоведению, сравнительной социологии, начало которой положил Э. Дюркгейм, обосновавший так называемый метод «сопутствующих изменений», важной стороной которого является применение количественного сравнения к анализу социальных явлений.

В философии о компаративистике как о самостоятельном философском направлении заговорили только в пятидесятых годах двадцатого столетия в связи с работами американского философа Ф. С. Нортропа. Позднее термин «компаративистика» закрепился за областью историко-философского исследования, которая имеет своим предметом сравнение философии Запада и Востока. Поэтому были созданы два мировых центра в Нью-Джерси и Гонолулу. На наш взгляд, слишком узкое закрепление значения сравнительной истории философии не совсем оправдано, так как подавляющее большинство историко-философских исследований, если это не просто описание, основано на сравнении. Иначе история философии невозможна, и если правомерно утверждение, что философия обречена на историю, то так же правомерно утверждение, что история философии обречена на сравнение.

Литература

1. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1. – М., 1989.
2. Платон. Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1993.
3. Кузанский Н. Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1979.
4. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1977.
5. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1989.
6. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1985.
7. Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1983.
8. Кант И. Критика чистого разума. – СПб. : Тайм-аут, 1993.

УДК 008

Антонова Ирина Анатольевна

преподаватель, Екатеринбургская детская школа искусств № 12; аспирант НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: irina.farmart@yandex.ru

Antonova Irena Anatol'evna

Teacher, Children School of Art № 12;
Post-graduate Student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ
ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА**

**MAN'S INTERNAL
AND EXTERNAL SPACE**

Аннотация

В статье исследуется внешнее пространство человека как отражение его внутреннего мира. Наиболее удобна для человека та среда, которая соразмерна ему, его индивидуальным, культурным и временным параметрам. Соразмерное человеку пространство наполняет его душу гармонией, которая так необходима в современном мире.

Ключевые слова: внутреннее и внешнее пространство; среда; граница; соразмерность; выразительность; дизайн; гармония.

Abstract

The article is aimed at investigation of man's external space as a reflection of his internal world. The most comfortable for a man is the environment commensurate to him and his individual, cultural and temporal parameters. The space commensurate to the man fills his soul with harmony which is so necessary in today's world.

Key words: internal and external space; environment; boundary; commensuration; expression; design; harmony.

Пространство – хорос в Античности означало границу, отделяющую человека от хаоса. «Пространство есть, следовательно, то, что управляет миром, намечая границы. Оно устанавливает границы до и после. Давая название хаосу, оно освещает вещи, накладывая на них границы» [9. С. 73]. Внутреннее пространство человека также означает границу, которая отделяет «Я» человека от «не-Я».

Внутреннее пространство человека – это его сознание, жизненные ценности, мировоззрение и идеалы. Уникальный внутренний мир складывается из множества факторов – среды, наследственности, индивидуальности человека, типа его нервной системы, характера и способностей. Обращаясь к внутреннему пространству человека, нельзя обойти внешнее, которое является материальным воплощением внутреннего. Наблюдается тесная взаимосвязь внешнего пространства человека с его духовным миром. Все изменения внутреннего находят отражение во внешнем, а внешнее непосредственно влияет на внутреннее. Внешнее – это устройство бытия человека: его окружение, вещи, предметное наполнение, плоды цивилизации. Внешний мир человека, материализуясь, выражает в пространственных формах внутренние преобразования в человеке. Окружение человека несет в себе ориентир духовных ценностей, которые становятся неотъемлемой частью человека. И то мировоззрение, и идеалы, которые наиболее значимы для человека, находят выражение в его внешнем пространстве. Выразительность внешнего пространства достигается наиболее полной передачей внутреннего. В этой взаимосвязи материальные объекты становятся носителями человеческих ценностей. Созидание материальной среды превращается в диалог с окружающим миром. «Богатство человеческого духа как бы вкладывается в определенный фрагмент материи, обживает его, придавая ему совершенно новые качества» [2. С. 46]. Этот фрагмент материи превращается в субъект: «слово “вещь” оказывается одно-

коренным со словами “весть”, “вещать”, “вещий” – вещь обретает свой собственный “голос”» [10. С. 24].

Внешнее пространство человека возникает из его физических потребностей. Но, кроме материального бытия, оно несет в себе семиотическую и информационную нагрузку. Предметы внешнего окружения становятся частью культуры, отражают в себе многозначный смысл.

Первая материальная среда, с которой взаимодействует человек, есть пространство его дома. Дом – это то пространство, откуда человек начинается, где он впервые посредством материальных объектов учится взаимодействовать с социумом. «Возделывание пространства, связанное с обработкой земли, сопрягается с действиями, порождающими дом. В истоках этого процесса находятся социальные тела людей, гендерное взаимодействие которых требует энергетического наполнения и сооружения “жилища”. Продолженные тела оборачиваются в социальное окружение и дом» [1. С. 73–75].

В пространстве дома мы можем прочесть о взаимоотношениях в семье, о мировоззрении, идеалах и вкусах членов семьи, об укладе их жизни, об их вере и надеждах. Атмосфера любви, тепла, света противостоит «чужому» пространству и помогает правильно взаимодействовать в нем. Пространство дома соотносится с семьей, родным ландшафтом и городом. «Именно в пространстве и времени домашних отношений возникает особое отношение близости, теплоты, доверительности, т. е. чего-то действительно подлинного» [Там же. С. 79]. Дом – это воплощение всего мироустройства в границах небольшого пространства.

«Дом – это особый способ соединять, отражать и формировать жизнь. В крестьянской культуре дом был сложным символическим знаком, по которому можно было определить социальный статус хозяина, его национальность и вероисповедание и т. п. Дом – это модель мира, образ родины, выполняющий защитную, сакральную, эстетическую, социальную и ритуальную функции» [5. С. 55–56].

Здесь мы также встречаем границы, отделяющие «свое» от «чужого», внутреннее от внешнего. Но это уже границы видимые – хоть и не лишенные символического смысла – лестницы, порог, двери, окна – это то, что отделяет внутреннее пространство от внешнего, но это и способ взаимодействия с внутренним. Для того чтобы попасть во внутренне пространство дома, необходимо преодолеть эти видимые границы.

Попадая во внутреннюю часть дома, мы проникаем во внутренний мир человека. «Заглянуть в интерьер – почти то же, что заглянуть в душу, увидеть запечатленные в вещах вкусы и привычки человека. Дом, его убранство на протяжении долгих веков является миром, где человек живет, работает, общается с другими людьми, воспитывает детей. Дом постоянно преобразуется, приобретает новые черты, связанные с многообразием воздействующих на него факторов – изменяющихся социальных и материальных условий жизни» [Там же. С. 66–67].

На протяжении истории человека менялись человеческие ценности, картина мира, менялся и сам человек. И, как отражение этой изменчивости, мы видим изменения во внешнем окружении человека. Связанные общими парадигмами исторические эпохи рождали стили, которые выражали мировоззрение эпох. «Стиль – это выражение души культуры» [2. С. 247].

Наиболее яркий пример выражения внутреннего во внешнем пространстве мы находим в античной культуре. «Античность открывает такие параметры красоты, как симметрия, пропорция, гармония, ритм, мера, стремится постичь их закономерности, чтобы использовать это знание при создании новых прекрасных вещей. Вещь красива прежде всего потому, что космична. Имея одинаковую структуру с космосом, будучи изоморфной космосу, она выразительна и разумна. Кроме того, мебель, одежда и обувь, посуда этого времени соответствуют человеку не только

с прагматической, но и с эстетической точки зрения, поскольку и он мыслится как прекрасная одухотворенная вещь, возникшая и существующая по тем же законам» [2. С. 57–58].

Эллины находят главное мерило гармонии внутреннего пространства и внешнего: «Человек есть мера всех вещей». Это помогает им достигнуть целостности красоты и удобства. Та форма, которая наиболее соответствует человеку, является и наиболее прекрасной. Лучшее для человека пространство – это то, которое соразмерно человеку. «Несоразмерное, непропорциональное человеку оценивается, главным образом, и как неудобное, и как эстетически несущественное. Гармония рождается из телесно-чувственной соотнесенности человека с той или иной вещью, формой» [Там же. С. 99].

Мера человека включает в себя и культурный, и индивидуальный, и временной пласт. Та мера, что существовала в Средние века, не смогла бы удовлетворить нашего современника.

Та среда, которая несоразмерна человеку, отрицательно воздействует и на его внутренний мир, подавляет и опустошает его. Архитектор Кристиан Дэй в своей книге «Место, где обитает душа» пишет: «Не вглядываясь в окружение специально, мы впитываем его всеми чувствами. Есть места, где внешний, коммунальный мир угнетает и опустошает нас чрезвычайно» [4. С. 8].

В истории мы находим такие отрицательные примеры, когда внешнее пространство становилось инструментом для навязывания идеологии. С помощью обезличенных вещей воспитывали обезличенных людей, готовые решения по устройству внешнего пространства проектировали жизнь по стандарту мышления. «Окружение способно питать, поддерживать и уравнивать душу человека, равно как обрекать ее на голодание, подавлять и извращать. Однако окружение способно на большее. Наше окружение есть часть нашей биографии. Оно – элемент потока событий и ситуаций, в которых мы становимся тем, чем мы есть. Словами Черчилля, “мы формируем наше окружение, а оно формирует нас”» [Там же. С. 26–27].

Дом понимается не только как ближайшая среда. «Дом» – гораздо более широкое понятие, это пространство, обжитое человеком, наполненное смыслами, сконструированное как материальными артефактами, так и символикой. «Здания; парки и сады; вещи, нормы отношений, запечатленные в этикете – обряде; одежда людей и манера носить ее; предпочтение цветовой гаммы в убранстве; произведения искусства; вписанность городов, сел в ландшафт и т. д. – вся архитектура человеческого мира – продукт человека и его предмет, запечатленное время его жизни» [7. С. 49]. Внешнее пространство входит в человека, отливая его по своему образу и подобию. Внутренняя архитектура отражает внешнюю. Диапазон взаимосвязи внутреннего – внешнего пространства может колебаться «от родного и близкого, моего дома, до чуждого и враждебного, угрожающего человеку “помещения”» [Там же].

В эпоху индустриального общества разрыв между красотой и пользой становился все больше и больше. Для разрешения этой проблемы создается дизайн как средство упорядочивания и гармонизации предметного мира. Дизайнер выступает посредником между потребителем и внешней средой. Для того чтобы достигнуть гармонии между человеком и внешней средой, необходимо, чтобы внешнее пространство было отражением внутреннего, чтобы оно было соразмерно человеку. Мера человека в современном мире измеряется индивидуальными запросами потребителя. Но в этом процессе большую роль играет и позиция дизайнера, который должен понимать ту ответственность, которая лежит на нем как на создателе внешней среды. «Дизайнер должен сознавать свою общественную и нравственную ответственность. Ведь дизайн – самое совершенное орудие, которое на сего-

дняшний день есть у человека для придания формы его продукции, окружающей его среде и в более широком смысле – ему самому. Дизайнер должен анализировать прошлое, а также предсказуемые будущие последствия своих действий» [8. С. 75].

В современном мире слишком много пустых и безжизненных пространств, где человек чувствует усталость и незащищенность. Понимание внутреннего мира человека, знание потребности его души – вот что так необходимо для тех, кто проектирует среду человека. Отечественный дизайнер Вячеслав Глазычев в своей книге «Дизайн как он есть» приводит слово Джона Хенча: «Мы создаем Места – регулируемые переживания, осуществляемые в тщательно структурированных средах, давая нашим гостям видеть, слышать, даже обонять, касаться и испытывать ощущение вкуса неким иным образом... Мы усиливаем воображение гостей, выводя их за рамки повседневной рутины» [3. С. 264]. Речь идет о создании развлекательных аттракционов в Диснейленде. Но в настоящее время все проектирование пространственной среды отдано в руки дизайнеров. В искусственной среде современный человек проводит большую часть своей жизни. Насколько же эта среда соответствует его внутренним потребностям, несет ли она гармонию в его душу или, напротив, опустошает ее?

Для того чтобы внешнее пространство наиболее соответствовало внутреннему, «необходимо создавать условия для проявления всей полноты жизни человека как существа природного, социального, индивидуального, телесного, духовного, конечного и бесконечного в нем <...> Для этого необходимо организовывать не столько среду, сколько создавать соразмерный человеку мир...» [6. С. 1]. Это необходимо помнить и архитекторам, которые проектируют будущие жилища, и дизайнерам, которые занимаются «наполнением» этих жилищ.

«...Нам остро необходимы качества среды, отвечающие душевному состоянию. То нам нужны возбуждающие, стимулирующие места, то, напротив, – успокаивающие, не насыщенные цветом, купающиеся в цветном свете, проходящем сквозь листву, лепестки цветов или отраженном от лессирующей структуры колера стены. Наше окружение являет собой каркас, который незаметно моделирует, организует и окрашивает самое повседневность. Гармоничность окружения дает опору и внешней, общественной, и внутренней, или личностной, гармонии» [4. С. 72].

Жизненная среда человека – это тот вид современного искусства, который оказывает наиболее сильное воздействие на человека, поскольку отрешиться от материального мира он не может. Но только лишь та среда, которая соответствует внутреннему миру человека, способна наполнить его душу гармонией, которая так необходима в современном мире.

Литература

1. Азаренко С. Сообщество тела. Философские технологии. – М. : Академический Проект, 2007.
2. Быстрова Т. Ю. Вещь. Форма. Стиль : Введение в философию дизайна. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.
3. Глазычев В. Л. Дизайн как он есть. – М. : Европа, 2006.
4. Дэй К. Места, где обитает душа : Архитектура и среда как лечебное средство / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М. : Ладья, 2000.
5. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. – СПб. : Алетейя, 2009.
6. Митяшина Н. А. Концепция динамики архитектурного пространства в условиях современного общества // Архитектон: известия вузов. – 2007. – № 18. – Июль. – Приложение : Материалы студенческой научной конференции «Актуальные проблемы архитектуры и дизайна – 2007».
7. Мясникова Л. А. Тайна и смысл индивидуального бытия. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1993.

8. Папанек В. Дизайн для реального мира. – М. : Изд-во «Д. Аронов», 2008.
9. Пеллегрини П. Смысл пространства // Семиотика пространства : сб. научных трудов Международной ассоциации семиотики пространства / под ред. А. А. Барабанова. – Екатеринбург : Архитектон, 1999.
10. Розенсон И. А. Основы теории дизайна : учеб. для вузов. – СПб. : Питер. 2006.

УДК 008

Кныш Евгений Викторович

аспирант НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: gratamor@gmail.com

Knysh Yevgeniy Viktorovich

Postgraduate Student,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ПОНЯТИЯ СЕКУЛЯРНОЙ
И ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

**THE NOTIONS OF SECULAR
AND POSTSECULAR CULTURE:
HISTORICAL
TRANSFORMATIONS**

Аннотация

В статье рассматриваются понятия секулярной и постсекулярной культуры, анализируются процессы, вызвавшие их к жизни, различия в понимании этих понятий разными группами ученых, существующие точки зрения относительно серьезности постсекулярных тенденций, причинно-следственные связи секуляризации и постсекулярности, взаимосвязь культуры постмодерна и постсекулярности.

Ключевые слова: секуляризация; постсекулярная культура; культурные трансформации; вера; религия; церковь; постмодернизм.

Abstract

The article considers the notions of secular and postsecular culture, analyzes the process that brings them to life, looks upon the differences in the understanding of these concepts by different groups of scientists, deals with the existing points of view on the seriousness of postsecular tendencies, discusses causes and effects of secularization and post-secularization as well as interconnection of postmodern culture and postsecularization.

Key words: secularization; post-secular culture; cultural transformations; belief; religion; post-modernism.

В номинации на лучший иностранный фильм «Оскара» в этом году получила картина британского режиссера (поляка по происхождению) Павла Павликовского «Ида». Сюжет повествует о том, как юная послушница католического монастыря уходит от узких церковных ограничений, в которых выросла, не зная иного, и пробует на вкус все искушения современной насыщенной светской жизни, а затем осознанно движется навстречу переосмысленной «старой» жизни, будущее которой неизвестно, но это уже выбор более ответственный, предполагающий высокую степень личного участия, на которую она прежде не могла решиться. Это может служить метафорой исторического пути секуляризации в Европе, которая, подобно героине, пройдя искушение рациональностью, раскрепощенной свободой взглядов, поступков, отрицанием религиозных норм, морали, снова осмысливает ценность традиционной религии. А ведь в гуманитарной науке еще несколько десятилетий назад существовала, казалось бы, непоколебимая точка зрения, предполагавшая полное «умирание» или «угасание» религии. И вот сегодня целый ряд исследователей говорит всерьез о совсем других тенденциях в Европе в сфере религиозного, определяя их как начало, ни много ни мало, новой эпохи – эпохи «постсекулярной культуры».

Для объяснения явлений, свидетельствующих о ее начале, предлагается в рамках данной статьи рассмотреть историю становления понятий секулярной и постсекулярной культуры. Статус последнего понятия в гуманитарной науке еще не определен, оно не только еще окончательно не оформилось, но под вопрос ставит-

ся сама правомерность его существования. Поэтому интересно проследить, какие культурные процессы вызвали его к жизни и рассмотреть разные точки зрения на природу этих процессов.

Секуляризация неразрывно связана с характером христианизации Западной Европы и, собственно, является ее плодом. Это сложный, нелинейный во времени процесс, в силу постоянного изменения степени влияния религии на жизнь общества и умы людей, напоминает, по замечанию современного социолога религии Сергея Лебедева, движение маятника [1]. По этой причине любые попытки обобщить развитие секуляризации как явления, схематично обозначить трансформации ее как понятия будут возможны только с некоторой долей условности.

Первоначально понятие секуляризации обозначало, во-первых, государственную политику европейских стран по отторжению или передаче церковного имущества и земель в светское владение, т. е. их «обмирщение» с целью ограничения политического и экономического влияния Церкви, проводимое в Средние века и позже. Хотя сам термин впервые был использован только в 1646 г. французским послом Лонгвилем во время переговоров по Вестфальскому миру для дипломатического описания с его помощью процесса изъятия ряда церковных земель в пользу победителей [2. С. 199]. Во-вторых, этим термином обозначалась внутрицерковная практика перехода лица, обладающего духовным саном, в светский статус с согласия церкви [3]. Само значение слова «светский, мирской» восходит к латинскому «*saeculum*» (мир). При этом имели место инициативы и самой церкви по освобождению себя «от общественных функций, не относящихся к ее служению»: социальных, политических административных, бюрократических, отражающих противопоставление характера Церкви как принципиально «неотмирной» организации, имеющей целью приобщение людей к трансцендентному Абсолюту, и обычного светского института, в частности, одного из самых крупных субъектов землевладения в период Средневековья. Яркими сторонниками такого рода секуляризации были, например, святые Франциск Ассизский и Нил Сорский [4].

Наиболее масштабные культурные трансформации в жизни западноевропейского общества, ассоциируемые с секуляризацией, как известно, были запущены в результате развития идей мыслителей эпохи Просвещения. Термин «секуляризация» стал отражать требования рационализации, освобождения общественного сознания от церковного влияния, формирование моделей идеального, светского общества, автономизацию искусства, науки, политики и т. д. от религиозного [5]. Это находило воплощение в отделении церкви от государства, школы от церкви, уравнивании в правах верующих доминантной религии с представителями других религий и с неверующими, утверждению науки как альтернативы религиозной гносеологии, передачи части социальных функций, ранее закрепленных за Церковью, другим социальным институтам. Более того, как известно, Просвещение инициировало целенаправленную борьбу с религиозным началом. Исследователи называют эти процессы «секулярным проектом», рассчитанным на «естественное» «умирание» религии, результатом которого должно было стать появление «секулярного человека», призванного постоянно открывать тайны природы, быть свободным от суеверий и догм, устремленным к счастью «здесь и сейчас» и к светлomu будущему человечества.

И крупнейшие мыслители – К. Маркс, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, З. Фрейд и другие – считали, что идет «естественный процесс старения или умирания религии, как следствие необратимого развития человеческого духа “от мифа к логосу”, его десакрализация» [6. С. 54; 7]. Религию постепенно и все более успешно замещают наука, светская этика (мораль), светская система образования.

Неудивительно, что трансформации подвергается и само понимание культуры: она берет на себя вакантную религиозную функцию формирования ценностных ориентиров, предлагая обществу новую систему приоритетов с обязательным в качестве нормы «культурным» заполнением досуга: чтением книги, газеты, посещением театра, концертов. Практика участия в воскресных богослужениях больше сюда не вписывается. Некоторые исследователи называют это явление квазирелигиозной, или «чистой», культурой [8]. Таким образом, европейская культура стала развиваться, прежде всего, как светская, секулярная.

Макс Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» расширяет понятие секуляризации, употребляя его как, прежде всего, социологический термин [9. С. 19, 143], обозначающий линейный исторический процесс «расколдовывания мира»: ухода от «магического восприятия» в сторону «все большей и большей рационализации». Этим термином он описывает реалии американской и европейской жизни того времени, где религия уже была вытеснена из всех прежде занятых ею сфер. Он показывает, как постепенно она лишается своей силы и в контексте экономического поведения людей. У Вебера секулярное общество, жизнь и поведение людей – это уже данность. В капиталистическом хозяйстве идеальная модель поведения индивида рациональная, экономическая, и ближе к ней, а значит, более адаптированы к новым экономическим условиям оказываются именно протестантские культуры с более секуляризованным вариантом религиозных норм по сравнению с классическим католицизмом [9].

Современные трактовки секуляризации, как правило, продолжают традиции известных мыслителей прошлого, определяя ее, подобно Ж. Казанове, в широком смысле как «уменьшение социальной значимости религии, связанное с длительным историческим процессом социальной дифференциации и эмансипации секулярной сферы в Европе», и в узком – как «упадок веры и религиозной практики людей» [10. С. 114]. В самом деле, очевидна четкая автономность политики, образования, всех социальных сфер от религиозной, религия стала «чистой», не имеющей права влиять на процессы, не относящиеся непосредственно к ее сфере, она вытеснена из различных общественных институтов и потеряла свое место в общественном сознании. Ни Церкви, ни Богу в человеческой жизни теперь ничего не принадлежит, Бог «оказывается иллюзией, созданной ради сакральной легитимизации человеческих ценностей» [4], любой аспект человеческой деятельности имеет земное происхождение и не рассматривается в связи с Богом. Напротив, священное легко поддается описанию на символическом языке профанного: религиозные вопросы в публичной сфере должны быть пропущены через своеобразный фильтр и переведены в светскую терминологию – на «секулярный язык» для рассмотрения исключительно в светском дискурсе без приписывания действию Бога того, что, «вполне возможно, является результатом бессознательных человеческих усилий». Так, повестка дня государственных институтов формируется только на таком языке. Общественная мораль, государственная власть, историческая традиция, социальные, политические задачи в результате образуют круг, своего рода, понятий-посредников, секуляризованных от прежде неотъемлемой связи с сакральным [4. С. 16–17; 11].

Таким образом, содержание понятия секуляризации исторически менялось, пройдя путь от обозначения внутрицерковной практики до всеохватывающих культурных трансформаций. И на сегодняшний день употребление этого термина в различных предметных областях имеет свои оттенки: так, в христианской теологии это процесс обмирщения, изъятия из культуры «потусторонних измерений бытия», а в философии – освобождение всех сфер общественной и личной жизни из-под контроля религии», десакрализация различных сторон жизни [12].

При этом, однако, стоит вслед за Ю. Хабермасом признать, что в географическом отношении само явление, обозначаемое понятием секуляризации, было достаточно локальным, характерным только для стран-пионеров христианизации в Европе и Америке [11], что обуславливает и неповторимость соответствующего итога этих процессов – сформированной целостной западноевропейской культуры. Она прочно утвердилась на своей «канонической» территории, но, в глазах Ю. Хабермаса, в сравнении с гораздо более заметной ролью религии в других культурах является скорее исключением, чем правилом, т. е., ни много ни мало, «девиантным маршрутом» [Там же].

Но так или иначе, а главным для нас является то, что в самом европейском обществе уже не одно десятилетие возникают явления, которые востребуют оформление другого понятия – «постсекулярная культура». Как было уже отмечено, оно еще не находит единодушного признания среди исследователей, правомерность использования его остается под вопросом, но в поле научной дискуссии оно уже присутствует.

Часть исследователей – Ю. Хабермас, Дж. Милбанк, П. Бьюкенен, Р. Старк, Р. Финке, Э. Тоффлер и другие – говорит о крахе научного обоснования секуляризации, ссылаясь, в том числе, на очевидно неудавшуюся верификацию идей того ряда мыслителей первой величины, о которых уже шла речь: О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, З. Фрейда и других, предполагавших постепенное «умирание» религии, десакрализацию человеческого духа. Более того, Дж. Милбанк склонен к мысли о восстановлении религией давно утраченных позиций в жизни общества. Ю. Хабермас, напротив, отмечает, что стержень секуляризации еще не тронут и религия пока только обнаруживает свое место в публичном пространстве.

А такие авторы, как П. Бергер, Ф. Фукуяма, К. Доббелер, М. Кинг и другие, считают, что секуляризация продолжается и что нельзя говорить о возникновении «постсекулярной эпохи» или десекуляризации. Так, К. Доббелер выделяет три уровня секуляризации: макроуровень (секуляризация на уровне структуры общества), мезоуровень (секуляризация на уровне религиозных организаций), микроуровень (секуляризация на уровне индивида) [13. С. 11–12]. При этом основополагающим и определяющим является именно макроуровень. И поскольку, считает он, никаких серьезных трансформаций на этом уровне не происходит и все процессы, происходящие в западных обществах, «касаются мезоуровня или даже микроуровня», то говорить о начале полноценной постсекулярной эпохи и десекуляризации не приходится.

Есть еще третья группа исследователей, которые не используют понятие постсекулярной культуры при анализе современной религиозной ситуации, – Р. Белла, Т. Парсонс, Т. Лукман, Э. Гидденс. Здесь важно указать на то, что сам процесс трансформации религии ими также понимается нетипично. В секуляризации они увидели, причем задолго до первых проявлений постсекулярной эпохи, лишь видоизменение социально-культурных функций религии, ее уход из общества «в область индивидуального, персонального бытия человека», замену институциональной религиозности – личностной [14. С. 139–154]. При таком подходе отсутствие изменений на макроуровне не дает основания отрицать правомерность серьезных постсекулярных тенденций, поскольку в данном случае понятие постсекулярной культуры отражает, прежде всего, те внутриличностные процессы человеческой духовности, которые не прекращались, не исчезали или, по крайней мере, актуализировались в современности. Тем удивительнее, что при исследовании секулярной культуры XX века им удается «схватить» то понимание секуляризации, которое начинает проявляться только в последние десятилетия, выстраивая

тем самым новое понимание развития религиозности, которое и помогает выявить формирование постсекулярной культуры.

Нам видится уместным использование этого термина применительно к точке зрения третьей группы исследователей по следующим причинам:

Во-первых, современное западноевропейское общество переживает эпоху мультикультурализма в силу присутствия, помимо носителей традиционных христианских ценностей, «чужих» религиозных сообществ, поддерживающих свою религиозную идентичность. Многие общественные конфликты осмысливаются как имеющие религиозную почву, что подогревает интерес европейцев к собственным христианским традициям и косвенно формирует потребность хотя бы в символической маркировке принадлежности к своей религиозной общности [15. С. 604–605].

Во-вторых, в секуляризованных западноевропейских странах, даже при низких показателях регулярного участия в церковных практиках населения, обнаруживается феномен формирования и поддержания в социуме общих ценностей, которые проистекают из религиозной традиции и культуры. Более того, люди, которые вообще никогда не посещали церковных собраний, тем не менее воспринимают эти ценности. При доминирующем протестантизме (страны Северной Европы) это будет, соответственно, протестантская система ценностей. Особенно интересно, что в их сохранении и передаче участвуют не только религиозные, но и чисто светские, секулярные институты: средства массовой информации, система образования [10. С. 59]. Таким образом, постсекулярная культура как бы инкорпорирована в культуру этих стран изначально и не возникает ниоткуда, а обозначает собою новое осмысление обществом отношения к религиозной сфере, о чем пойдет речь дальше.

В-третьих, это понятие фиксирует процессы последних десятилетий, когда стал очевиден экзистенциальный запрос современных людей в опоре на трансцендентные начала или, по крайней мере, в каких-то твердых ценностных основаниях. Религия открывается и как значимый социально-культурный феномен, который помогает охранять и сохранять традиции, важные для общества опыт, смыслы, ценности [16], и как источник высших смыслов, востребованность которых, оказывается, никуда не исчезала. И особенно отчетливо это происходит именно в сфере культуры. Яркий пример из современного киноискусства: метафорический путь послушницы Иды из одноименного фильма с уже описанным нами в начале несекулярным завершением.

Впрочем, весь XX век в Европе подготавливал такой поворот сюжета, будучи отмечен ростом интереса к «новой религиозности» [Там же]: внеинституционализованной, размытой квазирелигиозности, религиозному синкретизму, оккультизму, появлением новых религиозных движений, например типа Нью Эйдж, оказывающих серьезную конкуренцию традиционным религиям

В-четвертых, сама приставка «пост» ставит нас в современный исследовательский контекст, позволяя рассматривать, что происходит сегодня с верой, религией, церковью в эпоху постсовременности, учитывая, каким образом на эти процессы влияет постмодернизм, в условиях которого они и протекают. Для постсовременности не соприродны упомянутая опора на трансцендентное, вера в абсолютные истины, следование традициям. Постмодернизм отрицает предельные истины, но выполняет очень важную работу: он реагирует на монополизм идей Просвещения, является как бы духовной контрреволюцией, выступая против тоталитаризма в широком смысле слова, а потому освобождая, в том числе, и религию от плоского, примитивного восприятия ее как однородной идеологической институции с жесткой системой требований. Отметим, что и квазирелигиозная культура, рассмотренная нами выше, также подверглась своеобразной секуляри-

зации, потеряв свою ценностную привлекательность в связи с триумфом массовой культуры, «которая не оставляет камня на камне не только от храмов, но и от консерваторий» [17]. С одной стороны, постмодерн приводит к размытости верований, идей, самих понятий религии, веры, церкви, создает ситуацию общедоступности информации о любых религиозных идеях и практиках (например, через Интернет), что таит угрозу для традиционных религий [8], но, с другой стороны, постмодерн как бы «перезагружает» все смыслы, saniрует общественное сознание от стереотипов, клише, мертвых форм, давая возможность религии выйти за пределы навязанного ей узкого поля действия, избавиться от засилья идеологий. Религия и религиозность освобождаются, начинается «постсекулярная эпоха». Это дает новые возможности для обновления веры как сферы глубокого личного переживания и, соответственно, нового понимания церковных практик. Вследствие этого, во-первых, традиционные религии стали активнее обращаться «к своим истокам», к существу учения для современной интерпретации при сохранении верности изначальному смыслу» [Там же]. Во-вторых, и у самого человека постмодерна возникает потребность в действительной живой вере, в конкретных смыслах вместо абстрактной размытости понятий, формальных ритуалов и жестко фиксированных норм. Получается, что европейский человек, отбросив все религиозные опоры, привязки к Абсолюту, вдруг ощутил их незримое присутствие, и не под воздействием различных внешних институциональных сфер, а как раз из своего внутреннего, личного запроса. Поэтому без очистительной работы постмодернизма было бы невозможно и формирование постсекулярной культуры. Он, можно сказать, подготовил почву для «новой религиозности».

Другое дело, что не всё, что сегодня происходит в религиозной сфере, мы можем отнести к постсекулярной культуре. Много, особенно в России, остается в сфере охранительного, скажем *досекулярного*, богословия. Однако живые ростки новой религиозности, веры, церковности активно заявляют о себе. Но об этом стоит говорить отдельно.

Литература

1. Лебедев С. Д. «Религиозное возрождение» как социальная реальность: опыт теоретического анализа [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.socionavtika.narod.ru/printed/diegesis/lebedewl.htm>
2. Гараджа В. И. Религиоведение. – 2-е изд., доп. – М. : Аспект Пресс, 1995.
3. Кареев Н. Секуляризация [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Sekularizacija-16060.html>
4. Гутнер Г. Б. Предисловие // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии : пер. с нем. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – (Серия «Современное богословие»).
5. Гусейнов А. А. Секуляризация этической мысли [Электронный ресурс] // Гусейнов А. А. История этических учений. – Разд. 8 : Россия. – Гл. II : Нравоучительная философия просвещения (сер. XVIII – первая треть XIX вв.). – URL: http://society.polbu.ru/guseinov_ethichistory/ch112_i.html
6. Степанова Е.А. Теории секуляризации в «проекте модерна»: возможности и границы // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2009. – Вып. 9.
7. Безнюк Д. К. Секуляризация [Электронный ресурс] // Энциклопедия культуры и общества. – URL: <http://glossword.info/index.php/term/37-entsiklopediya-kul-tury-i-obschestva,2912-sekulyarizatsiya.xhtml>
8. Кырлежев А. Постсекулярная эпоха [Электронный ресурс] // Континент : литературный, публицистический и религиозный журнал. – 2004. – № 120. – URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/kyr16.html>
9. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Экономическая социология // Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. (Социологич. мысль Запада).

10. Степанова Е. А. Религия в США и Западной Европе: исключение или правило? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12.
11. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? – Ч. 1 // Российская философская газета. – 2008. – № 4 (18).
12. Гараджа В. Секуляризация [Электронный ресурс] // Философский словарь. – URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Sekularizacija-2099/>
13. Dobbelaere K. Secularization: a Multi-Dimensional Concept // Current sociology. – 1981. – V. 29. – P. 10–24.
14. Лукман Т. Дополнение к третьему немецкому изданию «Невидимой религии» // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13, № 1. – С. 139–154.
15. История политических учений : учебник для вузов / под общ. ред. О. В. Мартышина. – М. : НОРМА, 2002.
16. Журавский А. Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма. [Электронный ресурс] // Континент : литературный, публицистический и религиозный журнал. – 2004. – № 120. – URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/120/zh17.html>
17. Вевюрко И. С. Пострелигиоведение и реальная политика. К дискуссии о «постсекулярности» [Электронный ресурс] // Богослов.Ru : портал. – 2009. – 1 октября. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/477051.html>

УДК 008

Калужникова Екатерина Аркадьевна

канд. культурологии, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: ekarkad@mail.ru

Kaluzhnikova Yekaterina Arkad'evna

Candidate of Culturology, Senior Lecturer, Hospitality Management and Tourism Chair, Social Psychology Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Николаева Елена Юрьевна

старший преподаватель кафедры социальной психологии факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Nikolaeva Elena Yurevna

Senior Lecturer, Social Psychology Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**РИТУАЛЬНО-ИГРОВЫЕ ФОРМЫ
В СОВРЕМЕННОМ
ЭКСКУРСИОННО-
ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ТУРИЗМЕ**

**RITUAL PLAY ACTIVITIES
IN CONTEMPORARY
EDUCATIONAL AND EXCURSION
TOURISM**

Аннотация

В статье исследуется феномен «туристских ритуалов» – действий, совершаемых туристами во время познавательных экскурсий (загадывание желаний, завязывание ленточек «на счастье», прикосания к скульптурам и т. д.) Авторы предлагают собственную классификацию подобных ритуалов, определяют их функции, выявляют ключевые мотивы туристов, побуждающие совершать ритуально-игровые действия во время экскурсий.

Ключевые слова: туризм; ритуалы; современная мифология; психология; культурология; ритуалы в туризме.

Abstract

The paper explores the “tourist rituals” phenomenon, i.e. acts performed by tourists during educational tours or excursions (making wishes, tying ribbons “for luck”, touching sculptures, etc.) Authors propose their own classification of these rituals, define their functions, and distinguish tourists’ motivation for ritual play actions in the course of the tour.

Key words: tourism; rituals; modern mythology; psychology; culturology; rituals in tourism.

Сегодня популярность культурно-познавательного (экскурсионного) туризма необычайно широка. Путешествуя, люди расширяют свой кругозор, приобщаются к мировым культурным ценностям, обогащают свои познания в различных сферах – интеллектуальной, эмоциональной, творческой. Популярности туризма такого рода способствует и возрастающее влияние на повседневную жизнь современных людей ритуальной поведенческой модели. Массовый характер описываемого явления, как и неисследованность явления в культурологическом аспекте, позволяют говорить об **актуальности** избранной в статье темы.

При этом необходимо учитывать, что сам культурно-познавательный туризм является социальной деятельностью человека, следовательно, на нее распространяют свое влияние и социальные регуляторы. В их число входят и ритуалы, которые мы будем рассматривать как регулятор поведения туристов.

Мы живем в эпоху переизбытка информации, что отражается и в практике путешествий. Массовый характер познавательного туризма ослабляет глубинно-познавательную функцию путешествий. Поэтому, даже непосредственно погружаясь в культурную и бытовую среду той или иной страны, человек упускает из внимания многие детали окружающей среды.

Отчасти это связано и с тем, что расширение кругозора при современном уровне развития коммуникаций и информационных ресурсов сейчас не считается ключевым смыслом путешествия. Для современного человека зачастую недостаточно просто получить впечатление от посещения того или иного места. По Зигмунду Бауману, турист – это потребитель. «За свои деньги» туристы нередко хотят получить нечто большее – обрести уверенность в себе, исцелиться от недугов, осуществить самоидентификацию и даже обрести смысл жизни. Можно сказать, что турист, погружаясь в иную культурную среду, погружается и в свой внутренний мир, постоянно сопоставляя, но при этом чаще всего турист находится в достаточно тесном общении с другими туристами, часто незнакомыми. Таким образом, туристу приходится решать ряд психологических, социальных, аксиологических задач: приобщение к той или иной культуре, погружение в свой внутренний мир и выстраивание отношений с малознакомыми людьми.

Для облегчения решения этих задач требуются различные регуляторы, которые позволят повысить эффективность данной деятельности, позволяя туристу оставаться в зоне психологического комфорта.

Таковыми регуляторами могут стать ритуалы и ритуально-игровые формы, широко распространенные в туристической сфере. Подобные формы и являются **объектом данного исследования.**

Однако, используя понятие «ритуал», необходимо выявить его содержание и отграничить от терминов, близких по значению. Так, согласно общепринятым взглядам, традиции – это исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение формы деятельности и поведения. Обряды – это традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни и деятельности человека (обряды посвящения, брачные обряды, сельскохозяйственные, календарные и др. Например, первосентябрьскую линейку в школе уже вполне можно отнести к обряду). Обычаи – это стереотипный способ поведения, который воспринимается в определенном обществе или социальной группе как привычный для членов этой группы (обычай деревенских жителей ложиться рано спать или весьма распространенный обычай «обмывать» значимые события в жизни, будь то рождение ребенка или начало отпуска). Привычка – это сложившийся способ поведения, осуществление которого в определенной ситуации приобретает для индивида характер потребности (например, привычка принимать душ по утрам).

Ритуалы исследуются в философии, социологии, культурологии, религиоведении, различных направлениях психологии. И в каждом случае существуют особенности определения ритуала. Так, Левит приводит следующее определение ритуала: исторически сложившаяся форма неинстинктивного предсказуемого, социально санкционированного упорядоченного символического поведения, в которой способ и порядок исполнения действий строго канонизированы и не поддаются рациональному объяснению в терминах средств и целей. Согласно теории Э. Эриксона, ритуалы – это повторяющиеся действия, имеющие значение для всех участников взаимодействия. Ритуалы – это формализованные, стереотипизированные, индивидуализированные формы взаимодействия между людьми, их значение не выступает в качестве объекта рефлексии участников взаимодействия. Жмуров приводит следующее определение ритуала: культурно или социально стандартизированный набор действий, определяемый традицией и почти или совсем не обнаруживающий никаких изменений от раза к разу. Для ритуалов характерны следующие особенности:

- общее значение для всех участников взаимодействия при сохранении различий между индивидами;
- игровой характер ритуала. Ритуальные действия способны сохранять новизну даже при многократных повторениях. Ритуал представляет собой разыгры-

вание на уровне жестов, образов, позволяющее участникам уйти от обыденности. При этом в ритуале вполне возможно нарушение обычных логических связей, к чему участники ритуала относятся снисходительно. Действия участников ритуала, по мнению В. Н. Нечипуренко, определяются не убежденностью в истинности тех или иных представлений, а уверенностью в их неоспоримой значимости.

На наш взгляд, необходимо кратко рассмотреть значение ритуалов. Можно говорить о том, что ритуалы способствуют объединению группы, участие в ритуале – это сигнал «Я здесь свой». Участие в ритуальных действиях демонстрирует знание социальных норм и готовность их выполнять, что, в свою очередь, способствует формированию атмосферы психологической безопасности. При этом участники ритуалов ведут себя строго в соответствии с ролью, личностные особенности при выполнении ритуалов значения не имеют. Кроме того, важно понимать, что ритуал может служить не только средством сплочения группы, но и средством давления группы на своего члена.

В фокусе нашего внимания – ритуально-игровые действия, совершаемые туристами во время городских экскурсий или самостоятельного осмотра культурных достопримечательностей. Некоторые из них уже изучались ранее. Таковы фотографирование на фоне популярнейших туристских объектов, приобретение сувениров и т. п.

Однако, как показывает практика, зачастую для запоминания и упорядочения полученных во время путешествия впечатлений фотографирования недостаточно. Обычно через несколько месяцев большинство топонимов и посещаемых объектов, если они не были зафиксированы в письменном виде (например, в виде отчета, размещенного в личном блоге, соцсетях или инстаграмме), стираются из памяти туриста.

Более действенными оказываются механизмы получения и запоминания информации, требующие от туриста физической активности. Именно такие механизмы содержатся в рассматриваемых нами ритуально-игровых акциях.

Эмпирическими материалами исследования послужили результаты анкетирования, проведенного в 2012–2013 гг. автором работы при участии студентов кафедры социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета Ю. П. Кутуковой (активный туризм) и А. В. Гамзиковой (экскурсионно-познавательный туризм). Учтены также наблюдения автора, полученные в процессе работы гидом-экскурсоводом на объектах Екатеринбурга и Свердловской области с 2000-го по 2014 г. Наконец, в работе использованы материалы книги «100 мест, где исполняются желания» [1], в которой приводятся примеры псевдомифов современных туристов.

В опросе приняли участие 27 человек, в том числе 4 профессиональных гида (из Екатеринбурга, Санкт-Петербурга (Россия) и Иерусалима (Израиль)). Это были респонденты в возрасте от 33 до 48 лет, с высшим образованием. Ни один из респондентов не причислил себя к глубоко верующим или религиозным людям, хотя несколько респондентов идентифицировали себя с определенной религиозной культурой (православие, иудаизм).

Во время экскурсий туристы нередко совершают действия, совсем не связанные с информационной частью экскурсии. Эти действия, которые сопровождаются обязательным загадываем желанием, носят очевидно ритуально-игровой характер, когда туристы:

- а) бросают монетки в фонтаны и водоемы;
- б) завязывают ленточки «на счастье»;
- в) прикасаются к той или иной части скульптурного или архитектурного сооружения;
- г) обходят объект по кругу.

Отметим, что подобные действия носят массовый характер и нередко сознательно включаются в экскурсионные программы. Следует подчеркнуть: в данном случае речь идет о действиях, совершаемых туристами по собственной инициативе. Такие ритуалы не закреплены ни одной религиозной или национальной традицией. Они, казалось бы, не обязательны для исполнения, но рекомендации по совершению тех или иных действий, часто в виде шутки, содержатся на туристских информационных порталах, в путеводителях. Иногда инициаторами совершения туристских ритуалов выступают гиды или руководители групп. Но основным каналом распространения информации о необходимости совершения того или иного действия у туристского объекта являются сами туристы.

С какой целью совершаются эти действия? Какие формы ритуальных действий можно встретить среди туристов?

Глубинный смысл совершаемых действий зачастую не осознается самими туристами. Но, по всеобщему признанию, такие действия позволяют им более осмысленно, глубоко пережить ключевые моменты своего путешествия, лучше запомнить увиденное.

Подобные действия ритуально-игрового характера, которые добровольно совершают туристы во время экскурсионно-познавательных программ – по собственной инициативе или инициативе гидов, мы предлагаем обозначить термином **туристский ритуал**.

Особенностью туристского ритуала является его кратковременность, игровой характер, эмоциональная позитивность. При этом практически все участники понимают туристский ритуал как некую игру, тем не менее большинство туристов тщательно выполняет ритуальные действия.

Как правило, все туристские ритуалы осуществляются в популярных туристских локациях (это элементы *пространственного кода ритуала*). Ключевым структурным элементом туристского ритуала является объект, выполняющий функцию *предметного кода ритуала* [2. С. 253]. Сам ритуал – это взаимодействие туриста с той или иной достопримечательностью (акциональный код ритуала).

Отметим, что далеко не все туристские достопримечательности становятся объектами туристских ритуалов. Таковы только «общедоступные» памятники, по отношению к которым нет никаких ограничений и запретов относительно прикосновений и манипуляций с ними. Поэтому среди туристских «магических» объектов нет ни одного музейного экспоната. Как правило, в список «ритуальных» не попадают и особо охраняемые природные объекты. Если и встречаются исключения (бросание монетки в подземные озера Кунгурской пещеры, например), то они являются нарушением правил поведения в природоохранной зоне и могут быть пресечены на законных основаниях.

Итак, основными объектами (предметный код), с которыми совершаются различные ритуально-игровые действия, являются:

- а) городские скульптуры;
- б) искусственные инженерные сооружения и отдельные их элементы (фонтаны, мосты, бассейны);
- в) архитектурные сооружения и элементы декора зданий, оград, мостовых;
- г) святыни традиционных религий, посещаемые туристами как с религиозными, так и с познавательными, нерелигиозными целями;
- д) природные объекты.

Объекты религиозного паломнического туризма (иконы, святые источники, мощи святых, храмы, ступы, святилища, могилы святых и т. д.) – это прообразы, прототипы современных туристских объектов. Через поклонение святыням человек укрепляет свои религиозные чувства, восстанавливает связь с Абсолютом,

можно сказать, в буквальном смысле соприкасается с миром святых, духов, с собственной божественной сущью.

Так, городские скульптуры традиционно выступают объектами для загадывания желаний. По традиции, восходящей к практикам религиозных паломников, для исполнения желания необходимо прикоснуться к какой-либо части скульптуры (потереть нос, подержаться за ладонь, попасть монеткой и даже «посидеть на коленях» – например, на коленях статуи Петра Первого в Петропавловской крепости т. д.).

Мы предлагаем следующую типологию туристских ритуалов в культурно-познавательном туризме:

- а) ритуалы присвоения (приобретение сувениров);
- б) ритуалы жертвоприношения (бросание монетки, закапывание личных вещей в могилу кумиров, ритуалы «отдавания»);
- в) ритуалы маркирования автопрезентации – «здесь был Я» (начертание граффити и автографов на стенах, в книгах отзывов, фотографирование на фоне памятника и т. п.);
- г) мемориальные ритуалы – ритуалы во время посещения древних захоронений, кладбищ и т. д.

Можно выделить несколько общих целевых установок и ключевых функций, которые выполняют подобные ритуальные действия.

К числу *целевых установок* туристских ритуалов можно отнести установки на достижение желаемого результата; предсказание, прогноз; защиту от возможных бед [7. С. 92–98]. Цель любого путешествия – это получение впечатлений от него и сохранение воспоминаний. В путешествии особую значимость приобретает все, что помогает сблечь эти впечатления, – фотографии, сувениры, а также особые действия, которые не принято выполнять в обычной среде. (Вероятно, мало кому придет в голову в родном городе семь раз обходить вокруг памятника Ленину и загадывать при этом желание. Однако точно такой же объект в другой стране, в другом городе, под влиянием интересного рассказа гида может вызвать желание (пусть в шутку) совершить этот достаточно простой и нелепый обряд.)

Можно выделить несколько ключевых функций, которые выполняют подобные ритуальные действия. Таковы:

- а) познание (ознакомление);
- б) запоминание (фиксирование достопримечательностей в памяти, на фото- и видеоносителях);
- в) управление поведением туристов;
- г) экзистенциальная или смыслообразующая;
- д) в паломническом туризме – поклонение сакральному объекту [6. С. 187].

Использование обозначенных действий в среде гидов считается неприемлемым, свидетельствует о непрофессиональном подходе к проведению экскурсий, так как само по себе противоречит научно-объективному принципу изложения и трактовке информации о туристских объектах. Большинство экскурсоводов, участвовавших в опросе, отрицали использование в своей практике туристских ритуалов или предпочитали не афишировать эти моменты.

Однако далеко не всегда люди, выбирающие культурно-познавательный тур, оказываются готовы к восприятию огромного количества информации, которая на них обрушивается в виде рассказов экскурсоводов, путеводителей, событий, визуальных, звуковых, вкусовых впечатлений. Некоторые гиды исходят из факта, что серьезная научная информация сложна для восприятия туристами, которые «едут отдыхать»: *«Зачем их перегружать лишними цифрами и фактами? Пусть развлекаются»*. В таких случаях позиционируется развлекательная, а не информаци-

онная функция экскурсии, и тогда туристские ритуалы включаются в экскурсионные программы.

Да и сами туристы считают, что такие ритуальные действия, с одной стороны, организуют группу, с другой – способствуют лучшему запоминанию информации. Вот что по этому поводу говорит один из путешественников: *«В Брюсселе, на площади Гранд Пляс, есть памятник “погибшему профсоюзнику”. Никто толком не знает, кому он установлен, но все гладят. Говорят, приносит удачу. Мы с мужем тоже погладили. Рассказала про него гид, объяснила, зачем его гладят, но не настаивала, чтобы делали именно так. Надо сказать, она нам на самом деле объяснила, кому установлен памятник, но мы быстро забыли»* (Юлия С., 35 лет).

В классических экскурсиях экскурсантам всегда предоставляется время на приобретение сувениров, фотографирование, самостоятельный осмотр достопримечательностей. Иногда способом сделать в экскурсии акциональную паузу, эмоционально разгрузить туристов по принципу смены вида деятельности служат «ритуальные» действия. Например, экскурсовод выделяет время на «загадывание желаний». Ничего общего с религиозными действиями это не имеет, скорее это игра либо способ релаксации: *«Сама я считаю, что ритуалы такие придуманы по двум соображениям: 1. Сторителлинг в действии – не зря же человек тащился за тридевять земель. И для того, чтобы желание сбылось 2. Я наблюдала, как в момент свершения туристического ритуала довольные гиды собираются в кучку и отдыхают»* (Юлия Г., 43 года).

Нередко инициаторами совершения таких действий выступают гиды или другие туристы, остальные им подражают. Многие туристы постфактум признают, что здесь играет роль эффект толпы – «все делают, и мы делаем»: *«Это “предложенные ритуалы”. Чаще всего мы их совершали по инерции, из-за стадного чувства (или рядом был экскурсовод, или мы видели группу прилежных туристов с экскурсоводом и делали, как они)»* (Анастасия В., 42 года).

О массовом характере изучаемого явления свидетельствуют не только отзывы респондентов, но прежде всего то, что данная практика поощряется в специализированной литературе (путеводителях и иллюстрированных изданиях, например, «100 мест, где исполняются желания»).

Спрос рождает предложение. Трендом последних десятилетий стало создание специальных туристских объектов для «загадывания желаний», фотографирования. Можно предположить, что первоначально данные туристские объекты создавались, чтобы отвлечь внимание от ценных исторических памятников и тем самым защитить их от вандализма и порчи.

Обычного эстетического впечатления или познавательного результата от общения к арт-объекту туристу-потребителю недостаточно (тем более что художественные достоинства тех или иных современных произведений искусства вызывают ожесточенные дискуссии). Турист требует практической пользы. В этом, по его мнению, заключается целесообразность посещения достопримечательностей.

В конечном итоге турист, даже в развлекательном формате, пытается обрести и познать смысл своего бытия или, как минимум, ощутить целесообразность предпринятого путешествия. И конечно, с помощью этих действий люди пытаются управлять реальностью, настолько, насколько могут.

Литература

1. 100 мест, где исполняются желания / авт.-сост. И. А. Муртазина, С. О. Ермакова. – М. : ЗАО «БММ», 2012.
2. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Код(ы) и обряд(ы) // Кодови словенских култура. – Број. 3. – Београд, 1998. – С. 239–257.

3. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133–154.
4. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии [Электронный ресурс]. – 2-е изд. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978>
5. Калужникова Е. А., Кутукова Ю. П. Ритуалы в активном туризме // Мультикультурная современность: Урал – Россия – Мир : материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гуманитарного университета, 2–3 апреля 2009 года : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный университет. – Т. 1. – С. 733–738.
6. Калужникова Е. А. Паломничество в системе современной городской культуры: типы и функции // Феномен «город» в картине мира человека : сб. науч. статей / под общ. ред. Л. М. Нелюбиной. – Смоленск : Изд-во Смоленского гос. ун-та, 2006. – С. 185–192.
7. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2007.
8. Левит С. Культурология. XX век : энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://terme.ru/dictionary/182>
9. Нечипуренко В. Н. Эсхатологические мифы и учения как социальный феномен : дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 1997.
10. Мясникова Л. А., Калужникова Е. А., Андреева Е. В. Религиозное и светское паломничество: ритуал и практика : монография / под общ. ред. д. ф. н. проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008.

|| Проблемы образования

УДК. 330.332

Павлов Константин Викторович

доктор экономических наук, профессор,
завкафедрой экономики и управления,
НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных
и инженерных технологий» (г. Ижевск)
E-mail: kvp_ruk@mail.ru

Pavlov Konstantin Viktorovich

Doctor of Economics, Full Professor,
Head of Chair of Economics and Management
at Kamsky Institute of Humanitarian
and Engineering Technology (Izhevsk)

**ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОЛОГИЯ
КАК НОВАЯ НАУЧНО-УЧЕБНАЯ
ДИСЦИПЛИНА**

**INNOVATIVE ECOLOGY AS NEW
SCIENTIFIC SUBJECT MATTER**

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты формирования и развития нового и перспективного направления экологии, названного автором «Инновационная экология». Особое внимание в статье уделяется анализу влияния процесса усиления интенсивного характера использования природных ресурсов на уровень экологического загрязнения и уровень эффективного развития природно-антропогенных систем.

Ключевые слова: инновационная экономика; инновационная экология; новое направление экологической науки; теоретические и практические аспекты.

Abstract

The article examines theoretical and practical aspects of a new and promising direction of ecology, called by the author «Innovation Ecology». The particular attention is paid to the analysis of the impact of natural resources intensive use on the level of environmental pollution and on the level of effective natural and human systems development.

Keywords: innovation economy; innovative environment; a new trend of environmental science; theoretical and practical aspects.

Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что в последнее время инновации стали основой повышения конкурентоспособности этих стран, а также базовым элементом их общественной структуры. По оценкам, доля инновационно-информационного сектора за последние годы многократно возросла и составляет в развитых государствах 45–65 % [1]. Кроме того, данный сектор стал важнейшей основой, генерирующей современное социально-экономическое развитие, ключевым фактором динамики и роста экономики развитых стран.

Именно наличие развитого инновационно-информационного сектора во многом определяет важнейшее отличие передовых государств от стран третьего мира. Возросшая роль инноваций в жизнедеятельности современного общества способствовала становлению неэкономической, экономики знаний, инновационной экономики как нового направления современной экономической науки.

Основы теории инновации были заложены в XX веке такими крупными учеными, как Й. Шумпетер, Ф. Бродель, Г. Менш, С. Кузнец, Н. Кондратьев, П. Сорокин и др. В научный оборот понятие «инновация» как новую экономическую категорию ввел Й. Шумпетер, который под инновациями понимал изменения с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности [2]. Очевидно, что в настоящее время знания, информация стали важнейшим элементом производительных сил, производительным ресурсом, по масштабам

сопоставимым или даже превосходящим традиционные ресурсы: природные, трудовые, материальные и даже капитальные.

Инновационный процесс представляет собой совокупность научно-технических, технологических и организационных изменений, происходящих в процессе создания и реализации нововведений, при этом критериальной характеристикой инновационного процесса выступает внедрение новшества в качестве получения конечного результата, реализованного в производстве [3]. Таким образом, инновация – это продукт научно-технического прогресса. Она венчает творческую деятельность коллектива, направленную на совершенствование существующей системы.

Для инноваций характерны следующие обязательные свойства: научно-техническая новизна, производственная применимость и коммерческая реализуемость. Объектами инноваций могут быть материалы, продукты, технологии, средства производства, люди и межличностные отношения, социальная среда, а также организация и ее подразделения. При возросшей роли инноваций в жизни современного общества, в последнее время стала интенсивно развиваться теория инновационной экономики.

В рамках научно-учебной дисциплины «Инновационная экономика» содержится описание теоретических основ инновационной экономики и практических подходов к организации инновационной деятельности в рыночных условиях. К наиболее важным аспектам исследования инвестиционной деятельности следует отнести разработку методологических и методических основ анализа инновационной деятельности и определение специфических характеристик инновационного процесса, эффективное применение механизмов государственной социально-экономической политики, в том числе в отношении процессов формирования национальной и региональных инновационных систем, а также разработку методов продвижения различных инноваций на всевозможных рынках.

Большие возможности и перспективы, на наш взгляд, также имеет разработка теоретико-методологических основ научно-учебной дисциплины «Инновационная экология». В рамках этой дисциплины целесообразно рассмотреть вопросы использования инноваций в природоохранной деятельности и в процессе создания условий равновесия с окружающей средой, определения эффективности инновационной деятельности в экологической сфере.

«Инновационная экология» как научно-учебная дисциплина самым тесным образом связана с инновационной экономикой. Более того, в национальной и региональных инновационных системах обязательно должны присутствовать экологические подсистемы. Кроме этого, финансово-экономические методы и механизмы широко используются в системе государственного и муниципального регулирования экологических процессов.

В современных условиях инновационный процесс имеет особое значение, так как традиционные формы использования хозяйственных ресурсов весьма ограничены, в связи с чем обеспечение роста экономики уже в обозримом будущем в прежнем режиме весьма проблематично. Расширенное воспроизводство на основе использования инновационных факторов требует решения сложнейших социально-экономических проблем, как то:

- использование интенсивных методов хозяйствования в системе национальной экономики;
- серийное и массовое использование достижений НТП, в том числе в сфере nanoиндустрии;
- повышение социально-экономической эффективности системы общественного воспроизводства на основе интенсификации инновационных процессов;

- реализация рыночных методов и принципов хозяйствования на основе действия законов спроса и предложения во всех сферах народно-хозяйственного комплекса;

- обострение экологических проблем и усложнение осуществления природоохранной деятельности.

Важнейшей задачей инновационной экологии в обозримом будущем должна стать разработка технологий, позволяющих сделать антропогенный круговорот веществ как можно более замкнутым, тем самым приблизив его в идеале к природному круговороту веществ. Достижение полной безотходности нереально, так как противоречит второму началу термодинамики, и поэтому речь идет, в основном, о создании и использовании малоотходных технологий, под которыми понимается такой способ производства, который обеспечивает максимально эффективное использование сырья и энергии, с минимумом отходов и потерь энергии [4]. При этом одним из важнейших условий малоотходной технологии является рециркуляция, сущность которой заключается в повторном использовании материальных ресурсов, что позволит экономить сырье и энергию и тем самым уменьшить образование отходов.

Малоотходная технология основывается на использовании комплекса мероприятий по сокращению до минимума количества вредных отходов и уменьшения их воздействия на окружающую среду. К этим мероприятиям относятся следующие:

- создание принципиально новых производственных процессов, позволяющих исключить или сократить технологические стадии, на которых происходит образование отходов;

- разработка бессточных технологических систем и водооборотных циклов на основе очистки сточных вод;

- создание и выпуск новых видов продукции с учетом требований повторного ее использования;

- разработка систем переработки отходов производства во вторичные материальные ресурсы.

Разработка малоотходных технологий должна осуществляться с учетом региональных особенностей. В связи с тем, что около 70 % территории России относится к зоне Севера, исключительно актуальна проблема разработки малоотходных технологий в разных сферах горной промышленности (например, в процессе добычи апатито-нефелинового концентрата), в которых бы учитывались социально-экономические и экологические особенности северных регионов страны [5]. Еще одним важнейшим аспектом развития инновационной экологии является разработка и использование интенсивных методов ведения хозяйственной деятельности.

Развитие российской экономики (так же как и экономики стран СНГ в целом) до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недозагруженными мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие, не может основываться на весьма ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и дальнейшая интенсификация производства.

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. В настоящее время, когда возникли бла-

гоприятные предпосылки развития, интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и все более рациональное его использование.

Процесс интенсификации является материальной основой роста эффективности общественного производства. Низкий уровень и незначительные темпы интенсификации производства являются одними из важнейших причин глубокого кризиса, в котором сравнительно недавно оказалась российская экономика. Если вспомнить начало перестройки советского общества, то необходимость реформ тогда обуславливалась потребностью резкого увеличения эффективности общественного производства на основе внедрения наиболее прогрессивных форм научно-технического прогресса (НТП), являющегося, как известно, важнейшим фактором интенсификации, тогда как в действительности темпы НТП были весьма низкими и не соответствовали потребностям практики. Однако при переходе к рыночным отношениям темпы интенсификации значительно снизились. Иначе говоря, результат получился прямо противоположный: в последнее время, в условиях переходного периода, не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства, но и без того невысокий уровень интенсификации существенно снизился. Это обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует об увеличении отставания технического уровня предприятий российской экономики от технооснащенности аналогичных предприятий в развитых капиталистических странах, т. е. об увеличении отставания технолого-технического уровня российских предприятий от мирового уровня.

Как известно, в последнее время всё больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, так как это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока еще нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Таким образом, в целом мировой опыт действительно свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию народно-хозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Однако это только в целом, а в каждом конкретном случае вложение инвестиций в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов – так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока еще не дают ожидаемого результата. В этой связи совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации.

Однако, на наш взгляд, в современных условиях этого недостаточно, и, кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций, необходимо осуществлять оценку последствий внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на процессы интенсификации общественного воспроизводства. В этой связи нами предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения, соответственно, интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации. Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно

возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего это связано с демографическим кризисом последних лет. В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным.

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в центрально-азиатских странах СНГ – Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии исключительно важным является водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления.

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т. е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала – в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области – крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В Белгородской области, где на высоком уровне развиты металлургическая и горнодобывающая отрасли промышленности, очень эффективно осуществление мероприятий материалосберегающего направления. Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации – трудо-, фондо-, материалосберегающему и т. д. в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики той или иной страны. Напомним, что, когда речь идет о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Поэтому целесообразно определять интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например живой труд. Таким образом, предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия.

Подобно тому как интенсификация общественного воспроизводства выражается в различных формах и направлениях, инновационная экология как отдельная научная дисциплина также проявляется в разных аспектах и отношениях. Возможные направления дифференциации инновационной экологии, на наш взгляд, прежде всего связаны с важнейшими составляющими биосферы: атмосферой, гидросферой, почвой, растительным и животным мирами. Так, антропогенные воздействия на гидросферу, как известно, проявляются в истощении вод и их загрязнении, под которым понимается привнесение или возникновение в них новых, обычно не характерных для них вредных химических, физических, биологических агентов. Загрязнение вод может быть естественным, природным и антропогенным, техногенным, причем в структуре антропогенного загрязнения наиболее распространено химическое и биологическое загрязнение, в меньшей степени радиоактивное, механическое и тепловое.

К основным источникам антропогенного загрязнения поверхностных вод относятся такие, как сброс в водоемы неочищенных сточных вод, оказывающий наибольшее негативное воздействие на гидросферу, смыв пестицидов, минеральных и органических удобрений, газодымовые выбросы, утечка нефтепродуктов. Так, промышленные сточные воды в зависимости от отраслевой специфики содержат тяжелые металлы, цианиды, сульфаты, фториды, фенолы, нефтепродукты и т. д. Загрязнение вод органическими веществами и биогенными элементами приводит к эвтрофикации и цветению вод. Кроме того, поступление в водоемы пестицидов ведет к болезням и даже гибели гидробионтов. Газодымовые выбросы содержат углеводороды, альдегиды, оксиды серы и азота, тяжелые металлы и попадают в водные объекты в процессе механического оседания или с осадками, к тому же взаимодействуя с атмосферной влагой, и образуются кислоты, выпадающие в виде кислотных дождей. При авариях нефтеналивных судов миллионы тонн нефти ежегодно загрязняют морские и пресноводные экосистемы.

Природные круговороты веществ являются практически замкнутыми. В естественных экосистемах вещество и энергия расходуются экономно и отходы одних организмов служат важным условием существования других. Антропогенный круговорот веществ значительно разомкнут, сопровождается большим расходом природных ресурсов и большим количеством отходов, вызывающих загрязнение окружающей среды. Создание даже самых совершенных очистных сооружений не решает проблему, так как это борьба со следствием, а не с причиной. Поэтому основной задачей является разработка технологий, позволяющих сделать антропогенный круговорот как можно более замкнутым, с использованием так называемых малоотходных и безотходных технологий.

Большие перспективы в области охраны окружающей среды и рационального природопользования имеют достижения биотехнологии.

Биотехнология – методы и приемы получения полезных для человека продуктов, явлений и эффектов с помощью живых организмов (в первую очередь микроорганизмов). Например, достижения биотехнологии позволяют разрабатывать и создавать микробные препараты для регуляции круговорота веществ в экосистемах, что позволяет провести ряд мероприятий прикладного характера:

- биологическую очистку природных и сточных вод от органических и неорганических загрязняющих веществ;
- утилизацию твердой фазы сточных вод и твердых бытовых отходов путем их сбраживания;
- микробное восстановление почв, загрязненных, в первую очередь, органическими веществами;
- использование микроорганизмов для нейтрализации тяжелых металлов в осадках сточных вод и загрязненных почвах;
- компостирование (биологическое окисление) отходов растительности (опад листьев, соломы и др.);
- создание биологически активного сорбирующего материала для очистки загрязненного воздуха.

Нами выделены лишь некоторые направления развития инновационной экологии. Дальнейшее проведение исследований в этой области позволит выявить иные перспективные направления развития этой сферы научной мысли, а также более глубоко понять механизмы и факторы действия современных процессов и тенденций эколого-экономического характера.

Литература

1. Теория инновационной экономики / под ред. О. С. Белокрыловой. – Ростов н/Д : Феникс, 2009.
2. Кацура С. Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. – Донецк : Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011.
3. Ляшенко В. И., Павлов К. В., Шишкин М. И. Наноэкономика в славянских странах СНГ. – Ижевск : Книгоград, 2011. – (Серия : Экономическое славяноведение).
4. Колесников С. И. Экономические основы природопользования : учебник. – М. : Дашков и К^о, 2011.
5. Экономический механизм и особенности инновационной политики на Севере / под науч. ред. д. э. н. В. С. Селина, к. т. н. В. А. Цукермана. – Апатиты : Изд-во Кольского НЦ РАН, 2012.

УДК 378

Росновская Людмила Валентиновна

канд. пед. наук, завкафедрой конструирования и дизайна одежды, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Rosnovskaya Lyudmila Valentinovna

Candidate of Education, Head of Clothes Design Chair, Fashion Design Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ
В СФЕРЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИЗДЕЛИЙ ЛЕГКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

**ETHNOCULTURAL DIMENSION
OF BACHELOR'S DEGREE
PROGRAMS IN APPAREL
ENGINEERING AND DESIGN**

Аннотация

В статье рассматривается проблема освоения этнокультурного содержания в системе профессиональной подготовки конструкторов-бакалавров: раскрыта значимость этнокультурного наследия как творческого источника, средства эффективного межэтнического взаимопонимания и взаимодействия; определены условия для реализации этнокультурного содержания в учебном процессе; выделены блоки визуальной информации и формы организации деятельности студентов по освоению этнокультурного наследия Уральского региона.

Ключевые слова: этническая культура; этнохудожественный код; элементы этнохудожественной информации; этноориентированные педагогические технологии; полиэтническая культура Урала.

Abstract

The article deals with the problem of ethnocultural knowledge acquisition to provide bachelor-constructor professional training. It reveals the importance of ethnic-cultural heritage as a source of creative inspiration and a means of efficient inter-ethnic understanding and interaction. The author determines conditions of ethnocultural content implementation in learning process, distinguishes visual information fields and the organization of students' learning activities concerning the use of ethnocultural inheritance of the Urals.

Key words: ethnic culture; ethnic art culture code; elements of ethnic art information; ethnic-based educational technologies; multi-ethnic culture of the Urals.

Проблема современного профессионального образования ставит задачу подготовки творческих кадров, способных к участию в разработке и реализации проектов взаимодействия культурных пространств российских полиэтнических регионов. Возвращение к этничности, определенная переоценка роли и значения отдельных национальных культур и влияния этих процессов на самосознание людей является общей закономерностью для системы образования. Особую актуальность данная тенденция приобретает для подготовки студентов творческих направлений, в частности бакалавров в сфере конструирования изделий легкой промышленности, где одним из основных видов профессиональной деятельности является дизайнерская (проектная) деятельность. В этой связи системе профессиональной подготовки конструкторов-бакалавров необходимо максимально внимательно строить отношения с той накопленной в соответствующей культуре традицией, которая определяется этническим и национальным контекстом.

Знания о той или иной этнической культуре, понимание специфики, закономерностей сохранения и развития этнокультур, интерес к мировому и региональному этнокультурному наследию стимулируют и, в конечном итоге, обеспечивают

поиск путей вариативности конструктивного формообразования и художественной образности в одежде. Ведь осмысление настоящего и его дальнейшее развитие в разнообразных формах костюма, как, впрочем, и в любой другой сфере деятельности, невозможно без обращения к пройденным цивилизационным ступеням. Надо отметить, что использование этнокультурного наследия как источника идей не является новацией. Этническая культура – наиболее древний слой мировой культуры. Ей свойственны некоторый консерватизм, уходящая в далекое прошлое преемственность, ориентация на сохранение «корней». Отдельные ее элементы становятся символами самобытности народа, привязанности к историческому прошлому. Этнокультура – хранилище особого народного языка. Из нее заимствуют сюжеты и образы, музыкальные мелодии, стили и приемы оформления. Почти каждый проектировщик одежды на определенном витке своей деятельности ищет вдохновение в исторических и народных традициях, обращаясь к этническим мотивам.

Тема культурных реминисценций, доминирующая на современном этапе развития, обязывает по-новому осмыслить культуры того или иного национального региона, понять его особый стиль, сформированный на основе генетического этнохудожественного кода, отразить эту информацию в содержании образования.

Осмысление и понимание этнохудожественной мозаики наследия значительно расширяет возможности не только профессионального, но и личностного развития будущих конструкторов одежды, позволяет правильно оценивать специфику и условия взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия, осуществлять деятельность в межкультурном контексте. Данное качество приобретает особое значение в условиях интенсификации миграционных и демографических процессов, значительного расширения границ межэтнических взаимодействий. Формирование таких свойств личности будущего профессионала в условиях образовательной среды требует: во-первых, ориентации на достаточно глубокую этнокультурную специальную подготовку студентов для успешной деятельности в сфере индустрии одежды по созданию интеллектуально-художественных моделей, интерпретирующих мировое этнокультурное наследие и наследие народов многонациональной России; во-вторых, ориентации на приобретение студентами необходимого социального опыта, способностей и готовности к повседневной практической деятельности среди различных национально-этнических общностей.

Географическое расположение Урала обусловило проживание на его территории представителей различных этнических общностей (русские, татары, башкиры, марийцы и др.), различающихся по физическому типу, религии, языку, бытовым обычаям, культурно-хозяйственным признакам. Поистине велик ценностно-познавательный потенциал культурного наследия этого исключительно полиэтнического региона.

Произведенные в культурных рамках региона артефакты переходят в статус предметов-символов, становясь атрибутами современной региональной культуры Урала. Так, камнерезное искусство по праву считается «визитной карточкой» Урала. А оригинальный и самобытный характер произведений уральского декоративно-прикладного творчества (художественные изделия из меди, художественная роспись металлических изделий, художественная обработка камня, уральский фарфор и фаянс, бисероплетение, ручное ткачество и др.) позволил многим из них стать ценнейшими памятниками культуры всего человечества.

Традиционный костюм народов, населяющих Урал, отличается богатством форм, насыщенностью цветовой гаммы, своеобразием техник кроя и декоративной отделки, приемов обработки материалов. Конструктивные и технологические

приемы изготовления традиционного костюма – это, прежде всего, этнохудожественно-технологическая информация. С точки зрения социального артефакта она обуславливает воспитание профессиональной этики в использовании отдельных фрагментов при проектировании современного костюма.

Аккумулируя и передавая социально-культурный опыт, сложившийся на территории региона, образовательные учреждения Урала призваны воспитывать ценностное отношение к родной культуре и к культуре других народов, формировать чувство причастности к ней.

Проблема этнокультурного контекста в учебном процессе на уровне общего образования отражена во многих педагогических исследованиях (Л. В. Кузнецова, Д. И. Латыпов, В. К. Шаповалов и др.). Известны пять моделей введения национально-регионального и этнокультурного компонентов в содержание общего образования: межпредметная, модульная, монопредметная, комплексная и дополняющая. Т. В. Поштарева дополняет данную типологию специальной и практико-ориентированной моделью. Заслуживают внимания разработанные ею этноориентированные педагогические технологии, которые создают условия и позволяют:

- формировать восприятие многообразия культур как норму жизнедеятельности;
- развивать устойчивые представления об образе жизни других этносов;
- формировать представления о взаимовлиянии этнокультур;
- вырабатывать умение эффективно функционировать в условиях поликультурной среды [2].

Но этот методический материал нуждается в адаптации к условиям высшей профессиональной школы, и непосредственно к специфике подготовки бакалавров в сфере конструирования изделий легкой промышленности.

К сожалению, специальная литература и научные исследования по данному вопросу в большинстве своем не предлагают конкретных методологий и подходов к непосредственному изучению региональной традиции, ограничиваясь общими рекомендациями и замечаниями. Следует отметить крайне скромное освещение и проработку проблемы этнокультурных особенностей региональной дизайн-практикой.

Конструктивный материал по вопросам разработки и практического использования этнокультурных образовательных технологий в процессе подготовки специалистов художественно-творческого профиля отчасти содержится в работах Ю. П. Азарова, А. Д. Жаркова, А. С. Каргина, Т. Г. Киселевой и др.

Что же касается непосредственно сферы подготовки проектировщиков одежды, то следует отметить исследования С. К. Ткалич [3], посвященные специфике проектирования региональной художественной константы в дизайн-образовании. Автор предпринял попытку сопряжения знаний о культурном наследии полиэтнического региона с исследованиями Е. В. Жердева [1] (концепция художественной информативности объекта). В результате были определены научно-методологические подходы к организации изучения региональной специфики и разработана педагогическая технология, позволяющая выявлять знаково-символические особенности наследия народов многонациональной России. Следуя концепции С. К. Ткалич, мы выделяем четыре блока визуальной информации для изучения этнокультурного наследия Уральского региона:

- художественно-графическую культуру;
- технические приемы декорирования изделий;
- традиционный крой одежды;
- предметы-символы современной региональной культуры.

Среди элементов художественно-графической культуры Урала наибольший интерес для конструктора-дизайнера одежды могут представлять Тагильская роспись по металлу (цветочная, ягодная, пейзажная), трафаретные орнаменты, роспись по дереву и др. К техническим приемам декорирования изделий можно отнести бисероплетение, лозоплетение, лоскутное шитье, ручную вышивку, ручное ткачество. Традиционный крой мы рассматриваем в соответствии с четырьмя комплексами традиционной одежды народов Урала. Предметы-символы кодируют специфику уральских школ. К ним мы относим каслинское литье, произведения камнерезного и ювелирного искусства, златоустовскую гравюру на стали.

Введение в дидактические единицы профессиональных дисциплин практических заданий по освоению и интерпретации артефактов этнической культуры региона открывает перед студентами новые возможности самовыражения и творческой самореализации. В системе подготовки конструкторов-бакалавров такая практика реализуется в рамках дисциплин «Декоративно-прикладное искусство», «Композиция костюма», «Методика дизайнерского творчества», «Проектно-конструкторский практикум» и др.

Для освоения студентами этнокультурного содержания с точки зрения глубины познания и степени осмысления наиболее эффективна самостоятельная исследовательская деятельность, направленная на сбор, изучение, анализ и использование в учебном и внеучебном процессе материалов, раскрывающих особенности культуры, истории, традиций, быта, образа жизни, психологии народов, проживающих в регионе. Исследовательские проекты, выполняемые студентами на старших курсах, представляют собой самостоятельный творческий поиск, который мотивирует и актуализирует познание, желание проникнуть в богатство культуры. Необходимой составляющей проектов является обоснование авторской интерпретации регионального наследия, но визуальными атрибутами при любой интерпретации выступают художественно-графические, конструкторские и технологические аспекты проектируемых моделей. Данный подход позволяет создавать формы одежды с уникальной художественно-смысловой образностью. Несомненно, это обогащает методологический базис дизайн-образования в целом и Уральской школы в частности.

Разумеется, изложенные позиции допускают другие точки зрения, нуждаются в активном обсуждении как в педагогической, так и в профессиональной среде. Бесспорной остается необходимость этнокультурной компоненты в подготовке бакалавров в области конструирования изделий легкой промышленности, которая будет способствовать:

- приобщению студентов к культуре региона;
- усвоению знаний о культурах других этнических групп;
- осмыслению общего, особенного и единичного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов;
- восприятию этнохудожественной информации для поиска новых конструктивно-технологических решений и художественно-смысловой образности одежды;
- воспитанию профессиональной этики в интерпретации этнокультурного наследия;
- формированию готовности и умения жить в полиэтнической среде.

Литература

1. Жердев Е. В. Особенности взаимодействия композиции и метафорической образности в контексте семиотики дизайна // Вестник ОГУ. – 2005. – № 1. – С. 73–82.

2. Поштарева Т. В. Этнокультурная компетентность как социально-педагогическое явление // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии : материалы Международной научной конференции : в 2 т. / отв. ред. В. В. Гриценко. – Смоленск : Универсум, 2008. – Т. 2.

3. Ткалич С. К. Универсальная модель профессиональной подготовки творческих кадров на основе национально-культурного компонента : монография. – М. : Изд-во МГОУ, 2011.

УДК 378

Степанченко Людмила Васильевна

канд. техн. наук, доцент кафедры моделирования и дизайна одежды НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: stepanchenko-lv@yandex.ru

Stepanchenko Lyudmila Vasyľ'evna

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor at Clothes Design Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ВИРТУАЛИЗАЦИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ
СПЕЦИАЛИСТА
КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА
СОВРЕМЕННОЙ ИНДУСТРИИ
МОДЫ**

**THE VIRTUALIZATION
OF THE SPECIALIST'S
INFORMATION ENVIRONMENT
AS THE MODERN FASHION
INDUSTRY PROBLEM**

Аннотация

Проблема совершенствования процесса профессиональной подготовки квалифицированных специалистов, способных к саморазвитию, самообучению, готовых к наращиванию своих конкурентных преимуществ обуславливает необходимость поиска новых подходов к организации учебного процесса. Один из них – это повышение уровня информатизации образовательного процесса. Основой информатизации образования является создание и применение электронных образовательных ресурсов, обеспечивающих дифференциацию и индивидуализацию обучения студентов.

Ключевые слова: информация; информационная среда; профессиональный опыт; электронные образовательные ресурсы; электронный учебник; электронный образовательный ресурс; электронный лабораторный практикум.

Abstract

The problem of qualified specialists' training to promote their self-development, self-learning, willingness to strengthen their competitive advantages underlines the need to find new approaches to the educational framework conditions. One of them is the increasing informatization of educational process. The basis for informatization of education is provided by electronic educational resources for differentiation and individualization of teaching.

Key words: professional experience; e-learning; e-book; electronic educational resource; an electronic laboratory workshop.

Профессионализм может быть определен как способности личности решать проблемы, возникающие в рамках конкретного вида профессиональной деятельности. Таким образом, процесс возникновения и решения всех вопросов, связанных со спецификой профессиональной деятельности, приобретает форму профессиональной коммуникации, т. е. информационной обеспеченности множества профессиональных позиций, и реализуется через передачу профессиональной информации по различным каналам.

Глобальным явлением современности стала информатизация всех сфер общественного производства, а одним из необходимых условий информатизации общества является компьютеризация всех его сфер.

Одним из следствий информатизации общества стала виртуализация коммуникаций – возможность вступать в глобальную коммуникацию не от своего имени. Информатизация общества требует повышения индивидуальной творческой активности от специалиста, а это в свою очередь требует еще большей степени взаимодействия и, следовательно, развития интерактивных массовых коммуникаций.

Если раньше профессиональный информационный обмен представлял собой передачу знаний от локальных источников только ограниченным группам специалистов, то появление огромного числа печатных изданий профессиональной подготовки позволило наладить информационный поток в новом объеме. А с появлением компьютерной техники выросли и новые возможности профессионального общения. К новым способам можно отнести: электронную почту, телеконференции, презентации. Новые средства информационного обмена позволяют обеспечить процесс роста профессионального пространства личности.

Вследствие этого уровень профессионализации специалистов в настоящее время связан со степенью компьютеризации взаимодействия профессионалов, причем не только на индивидуальном уровне, но и на уровне предприятий.

В полной мере все вышесказанное относится и к современной индустрии моды. Благодаря современным средствам массовой информации весь мир практически мгновенно узнает о новых тенденциях в мире моды, о новых предложениях известных домов моды.

Благодаря специализированным изданиям (печатным и публикуемым в сети Интернет) широко распространяется информация профессионального характера – о новых материалах, технологиях, оборудовании швейного производства.

У специалистов появилась возможность для профессионального общения с помощью сети Интернет (форумы, конференции, электронная почта), что значительно расширяет круг общения и переводит его на качественно другой уровень.

На предприятиях швейной промышленности внедряются различные системы автоматического проектирования, системы электронного документооборота.

В современных условиях информация и знания становятся все более динамичными. Современная жизнь и ускорение научно-технического прогресса требует от профессионала постоянного обновления знаний. Информация меняется и обновляется мгновенно, поэтому новые знания и навыки обычный человек и профессионал должны получать быстро и качественно. Эта потребность поддерживается технологиями для коллективной работы и соединением с всемирной паутиной World Wide Web, которая дает возможность создавать и распространять информацию в цифровом виде, увеличивать возможности обучения, обучать с использованием новых технологий, коллективно работать в Сети, а также повысить потенциал работы в коллективах, разбросанных территориально. Все это создает условия для обучения специалистов, их переподготовки и приобретения профессиональных навыков в режиме реального времени.

Соединение Интернета и нового поколения программного обеспечения дает новую модель обучения, которая обеспечивает более высокое качество и гибкость получения знаний. Эту модель представляет собой «распределенное обучение», которое использует множество технологий, техник обучения, совместную работу в режиме «онлайн», увеличивает возможности преподавателей для достижения результатов обучения.

Развитие дистанционных форм образования является на первых этапах ресурсоемкой технологией. Наиболее доступным в реализации и применении является такой элемент виртуального образования, как электронный учебник.

Для подготовки специалистов швейной промышленности электронные учебники, лабораторные практикумы могут быть очень полезны при изучении таких дисциплин, как конструкторская подготовка производства, технология изготовления одежды, конструирование одежды. Учебное пособие может быть составлено в соответствии с программой курса, учитывать все особенности преподавания дисциплины. В него может быть включена различная информация справочного характера, опыт, накопленный преподавателями, элементы тестирования, контроля знаний.

Особенно актуальны такие учебные пособия для студентов, обучающихся заочно, для которых доступ к необходимой литературе часто бывает затруднен.

С помощью Интернета, который является средством научной коммуникации, решаются задачи транслирования образовательной информации на расстояния, формирования профессиональных умений, разработаны и широко используются автоматизированные системы контроля знаний.

В настоящее время существует огромное количество автоматизированных обучающих систем и средств их создания: электронные учебники, виртуальные лабораторные практикумы, компьютерные тренажеры. По виду представления учебного материала их можно разделить на три основных вида – в виде простого, мультимедийного или гипертекстового документов.

Для того чтобы электронный учебник можно было эффективно применять в учебном процессе, при его разработке следует учесть, что он имеет некоторые отличительные особенности по сравнению с обычным учебником.

Электронная учебная литература создается с целью расширения представления, развития и углубления имеющихся знаний, обеспечивает доступ к дополнительной информации и предназначена для обеспечения углубленного изучения дисциплины.

Примером комплексного использования электронных образовательных ресурсов при подготовке специалистов швейной промышленности может служить разработанный лабораторный практикум по дисциплине «Конструкторско-технологическая подготовка производства».

Оптимальным вариантом для создания предлагаемого лабораторного практикума представляется реализация его в виде гипертекстовой системы.

В структуре гипертекстовой системы существует гипертекстовая база данных и система управления гипертекстом.

Гипертекстовая база включает два типа объектов, представляющих информацию: узлы («информационные единицы») и ссылки. Эти объекты устанавливают явные смысловые и структурные связи. Использование термина «информационная единица» (ИЕ) подчеркивает возможность предельно обширного толкования материала, составляющего содержание узла. Это может быть книга, отчет, раздел документа, абзац, рисунок или фрагмент рисунка, анимация, график, таблица и т. п., представляющие интерес для пользователя.

Система управления гипертекстом включает два инструментальных комплекса. Один используется в качестве инструмента интерактивного управления процессами броузинга (просмотра документа), а второй – в процессах создания и ведения гипертекста.

Навигация является центральным понятием концепции гипертекста и означает управление процессом перемещения в гиперпространстве из произвольного узла отправления в узел прибытия. Навигацией называется интерактивно управляемый пользователем процесс перемещения из одних узлов в другие, технически осуществляемый нажатием мышью на графически выделенные на экране компьютера объекты – «электронные» кнопки, – идентифицирующие исходные точки ссылок гипертекста.

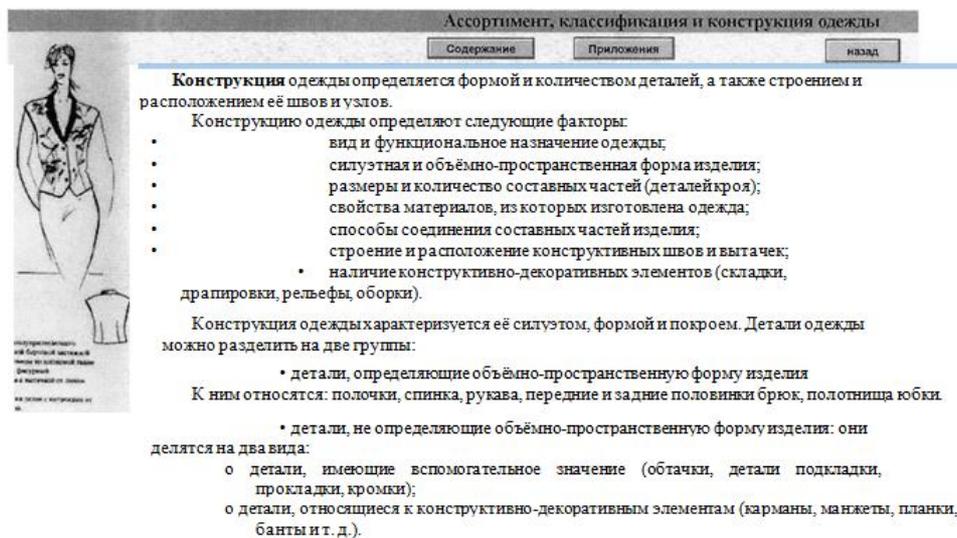

Рис. 1. Пример «электронных» кнопок, позволяющих перемещаться между отдельными узлами гипертекста

На рис. 1 приведен пример страницы, содержащей такие «электронные» кнопки. При нажатии клавиши мыши на надписи «Содержание» на экран будет выведена страница содержания учебника. Соответственно кнопка «Приложения» осуществляет переход к разделу приложений для данной лабораторной работы. Выделенный в тексте фрагмент (слово «Конструкция») служит для перехода к приложению, в котором подробно изложена информация о конструкции одежды.

Специфической составляющей навигации является броузинг. В гипертекстовой литературе термин «броузинг» используется как многоплановое понятие, обозначающее:

- процесс беглого просматривания гипертекстовых документов или гипертекстовой базы данных с целью поиска определенных сведений или просто чего-нибудь любопытного; в общем смысле – действий, целью которых является изучение информации, но не ее изменение;

- способность человека воспринимать информацию в процессе такого беглого просматривания.

Броузинг осуществляется в процессе прохождения документа по предустановленным связям. Объем и значимость установленной системы связей зависят от знаний, которыми обладает автор (разработчик) гипертекста, и от его способности создать гипертекст, который ориентирован на различные категории пользователей и на решение различных задач, ради которых создается гипертекстовая информационная среда. Это трудоемкая творческая работа, решающее значение для выполнения которой имеет инструментальный комплекс авторизации.

Традиционные методы поиска информации по ключевым словам связаны со значительным информационным шумом, когда полезность информации уменьшается прямо пропорционально ее количеству. Величина информационной перегрузки в наибольшей степени зависит от удачного построения поискового запроса. В результате поиска может быть получено большое количество информации, которую придется перерабатывать, чтобы найти результат, соответствующий по смыслу запросу. Если результаты поиска неудовлетворительны, то необходимо переформулировать запрос и повторять процедуру поиска. В отличие от этого, процесс броузинга шаг за шагом ведется пользователем по направлению к искомой информации.

Но и в этом случае процесс броузинга может оказаться продолжительным и породить явление, называемое дезориентацией в гиперпространстве: пользователь перестает понимать, как он попал в данный узел и как выбрать направление дальнейшего движения. Система должна предусматривать различные способы предотвращения подобных явлений. Так, может быть предусмотрена возможность возврата из любого места документа на главную страницу. Например, каждая страница документа может иметь кнопку «Содержание», как на рис. 1.

Разработка электронного лабораторного практикума по дисциплине «Конструкторско-технологическая подготовка производства» реализована в формате Portable Document Format (PDF) фирмы Adobe. Данный формат позволяет создавать и просматривать гипертекстовые документы, включать в них элементы мультимедиа (звук, анимацию), элементы управления и навигации.

Лабораторный практикум содержит материалы трех видов: методические указания по выполнению лабораторных работ, приложения, содержащие необходимую справочную и нормативную информацию, список рекомендуемой литературы.

Весь материал скомпонован в виде сетевой структуры, что обеспечивает пользователю перемещение по разделам учебника в той последовательности, которую он определяет сам. Структура документа представлена на рис. 2.

Для быстрого перемещения по документу предусмотрены различные средства навигации:

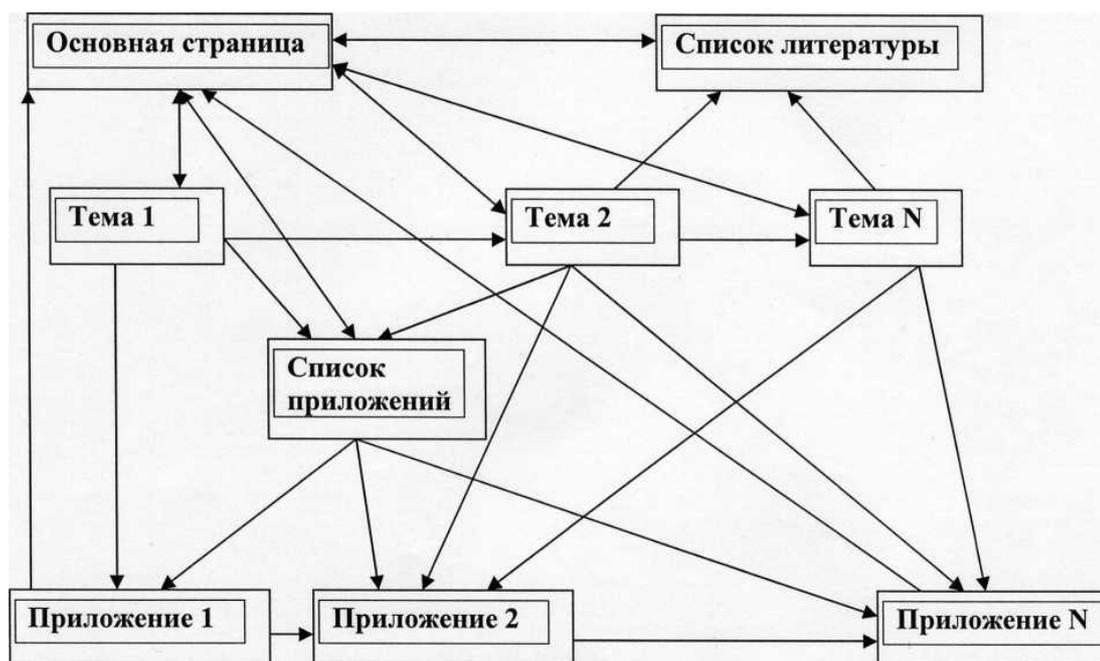

Рис. 2. Структура учебного пособия (схема перемещения между ИЕ)

1. Перемещение с помощью гиперссылок – выделенных в тексте областей, щелчком клавишей мыши, по которому осуществляется переход к соответствующему разделу. На рис. 3 изображена страница оглавления. Для того чтобы перейти к изучению методических указаний к выбранной лабораторной работе, достаточно щелкнуть по соответствующей строке оглавления. Таким же образом можно просмотреть список рекомендуемой литературы или перейти к приложениям, содержащим справочную информацию.

С последней страницы каждой лабораторной работы можно перейти к просмотру приложений для этой лабораторной работы, к списку рекомендованной литературы или к методическим указаниям для следующей лабораторной работы.

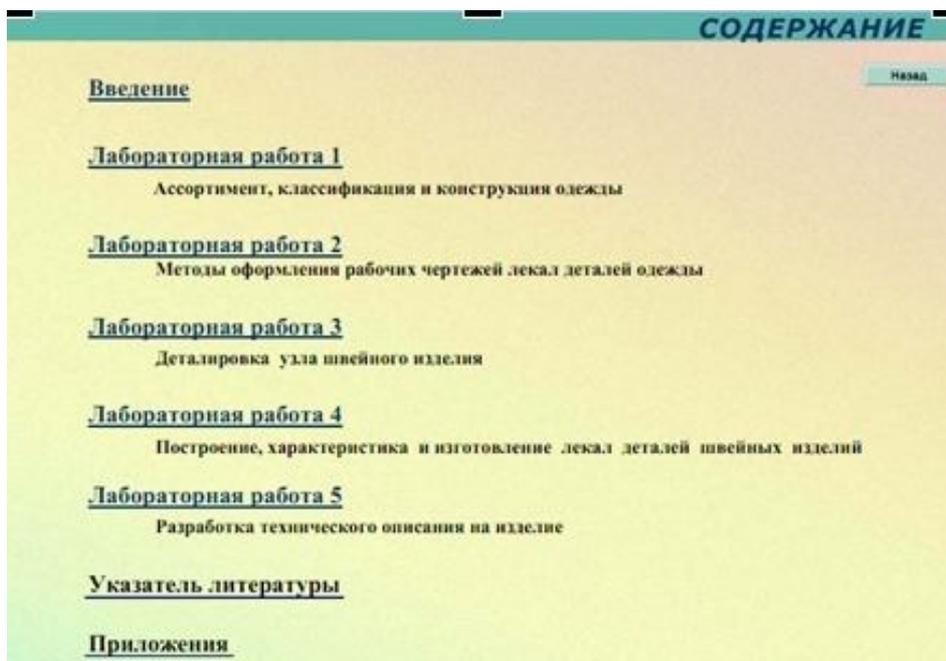

Рис. 3. Основная страница документа – «Содержание»

2. Навигация с помощью «электронных» кнопок. На каждой странице имеется кнопка «Назад», используемая для перехода к предыдущему просмотренному фрагменту. Она позволяет пройти весь проделанный ранее «путь» в обратном порядке и вернуться к исходному пункту. Кнопка «Содержание» позволяет вернуться с любой страницы к странице содержания. Это помогает пользователю легче ориентироваться при перемещении по разделам практикума.

Кроме того, на каждой странице методических указаний имеется кнопка для перехода к общему списку приложений. Пример страницы практикума с «электронными» кнопками приведен на рис. 3.

В данной системе не реализована возможность поиска по ключевым словам. Имеющиеся средства просмотра и перемещения достаточны для удобной работы с лабораторным практикумом.

В данное учебное пособие не были включены возможности контроля знаний. Лабораторный практикум предполагает выполнение студентами практических заданий, которые выбираются индивидуально. По результатам выполнения лабораторной работы оформляется отчет.

Контроль выполнения практической работы в рамках электронного практикума осуществлять достаточно сложно. Возможно включение элемента самоконтроля в виде теста, в котором студентам будет предложено ответить на вопросы, представленные в методических указаниях к лабораторной работе.

Структура лабораторного практикума разработана таким образом, чтобы можно было легко дополнять его новыми материалами, обновлять имеющиеся разделы. В дальнейшем практикум может быть дополнен новыми лабораторными работами, справочной информацией.

В учебное пособие в большом количестве включены чертежи, рисунки, позволяющие наглядно и доступно представить учебный материал.

Разработанное электронное учебное пособие может стать эффективным дополнением к курсу конструкторско-технологической подготовки производства,

успешно использоваться для проведения лабораторных работ, выполнения курсового и дипломного проектирования, а также для подготовки специалистов данной отрасли на курсах повышения квалификации.

Индустрия моды представляет собой сложный процесс и предполагает четкое взаимопонимание и взаимодействие разных специалистов (дизайнера, конструктора-модельера, конфекциониста, технолога). При этом тесное взаимодействие смежных специальностей ведет к стиранию границ между их функциями. Участники процесса разработки и реализации современных моделей одежды стремятся расширять свой профессиональный кругозор, овладевая знаниями смежных специальностей. Уровень квалификации специалиста индустрии моды, как отрасли, играющей одну из ключевых ролей в жизни общества, зависит от доступности и достоверности информации. Информация является одним из главных факторов в конкурентоспособности современного предприятия.

В условиях информатизации теряют ключевые позиции типовые задачи проектирования и деятельности, уступая место автоматизированным системам обработки информации. Использование компьютерной техники и технологий формирует и повышает специфические требования к профессиональной компетенции специалистов нового поколения в условиях информатизации индустрии моды.

УДК 378

Филатова Екатерина Александровна

помощник ректора по воспитательной работе,
преподаватель, НОУВПО Гуманитарный уни-
верситет (г. Екатеринбург)

Filatova Ekaterina Aleksandrovna

Candidate of Philosophy, LAU Rector's Assistant
on Educational Work, Lecturer, Liberal Arts University
– University for Humanities (Ekaterinburg)

**ТЕХНОЛОГИЯ ИГРОВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАТОРСКИХ
СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ
В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ
ЗАВЕДЕНИИ**

**GAME INTERACTION TECHNIQUES
AS A WAY TO BUILD
HIGH SCHOOL STUDENTS'
SUPERVISORY SKILLS**

Аннотация

Статья рассматривает технологию игрового взаимодействия как способ формирования организаторских способностей, становления активной жизненной и социальной позиции, возможности раскрыть свой внутренний потенциал.

Ключевые слова: технология; игровая технология; игровое взаимодействие; технология игрового взаимодействия; организаторские способности.

Abstract

The article considers game interaction techniques as a way to build personal supervisory skills, to adopt an active civic stance, to reach a person's fullest potential.

Key words: techniques; game techniques; game interaction; game interaction techniques; supervisory skills.

Сегодня в перечне профессиональных требований, предъявляемых будущим специалистам, есть и такие, как лидерство, активная жизненная позиция, организаторские способности и т. д. И это не зависит от того, какую профессию осваивают молодые специалисты. Поэтому высшие учебные заведения, ориентируясь на потребности общества, находятся в постоянном поиске технологий, которые могут не только передать высокий уровень знаний профессиональной сферы, но и сформировать те способности, которыми сегодня должен обладать молодой специалист, получивший высшее образование.

Игра достаточно активно используется педагогическими, образовательными, воспитательными технологиями.

Слово «технология» происходит от греческого слова: «*techne*» – искусство, мастерство, умение и «*logos*» – наука, закон. Дословно «технология» – наука о мастерстве [1. С. 7].

Ключевым звеном любой технологии является детальное определение конечного результата и контроль его достижения. Процесс только тогда получает статус технологии, когда он заранее спрогнозирован, определены конечные свойства продукта и средства для его получения, сформированы условия для проведения процесса.

К разряду существенных признаков понятия «технология» могут быть отнесены [3. С. 206]:

- 1) целенаправленное разграничение процесса деятельности на отдельные этапы и последовательно сменяющие друг друга операции;
- 2) фиксация способов выполнения каждой фазы и операции;
- 3) специализация деятельности в конкретных фазах процесса;

4) интеграция разнородных в прошлом видов деятельности в систему внутренне связанных процедур и операций;

5) интегративность процесса деятельности.

Независимо от того, какой является технология – воспитательной, образовательной или педагогической, когда в ее основе лежит игра, она автоматически становится игровой технологией.

Понятие «игровые технологии» включает достаточно обширную группу приемов организации образовательного процесса в форме разных игр [2. С. 141].

В отличие от игр вообще, игровые технологии обладают существенным признаком – четко поставленной целью обучения и соответствующим ей результатом, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-воспитательной направленностью. Деятельность студентов в высшем учебном заведении должна быть построена на творческом использовании игры и игровых действий в учебно-воспитательном процессе, наиболее удовлетворяющем их возрастные, личностные и образовательные потребности.

Критериями игровой технологии, когда она относится к образовательному процессу, являются: результативность (обеспечение поставленной цели), воспроизводимость (возможность использования в измененных условиях), транслируемость (возможность передачи опыта ее использования в виде знаний).

В основе игровых технологий лежит игровая форма взаимодействия преподавателя и студента через реализацию определенного игрового сюжета. При этом образовательные и воспитательные задачи включаются в содержание игры [2. С. 143].

Игровые технологии имеют огромный потенциал с точки зрения приоритетной образовательной, воспитательной задачи – формирования субъектной позиции студента в отношении собственной деятельности, общения и самого себя.

Современный исследователь игровых технологий И. И. Фришман [6; 7] выделяет такое понятие, как «игровое взаимодействие». По ее мнению, это понятие оформляется в последней четверти XX века и связано с социально-педагогическими функциями детских общественных организаций и объединений, т. е. непосредственно со сферой дополнительного образования детей и подростков. Она это объясняет рядом обстоятельств, связанных как с развитием новой парадигмы воспитания и образования подрастающего поколения, так и с ежедневными трудностями практиков, непосредственно организующих деятельность групп детей и подростков во внеурочное время. По ее мнению, игровое взаимодействие – это узкоспециализированная игровая технология, используемая, как уже было отмечено, в сфере дополнительного образования детей и подростков [7. С. 258].

Тем не менее сегодня технологии игрового взаимодействия используются не только в сфере дополнительного образования, но и в сфере начального, среднего и высшего образования.

Игровое взаимодействие и общение на равных преподавателя и студента помогают определить социально-гражданскую позицию, развить лидерские и сформировать организаторские способности. Важно отметить, что на взрослых лидерах (преподавателях) лежит ответственность за создание условий, в которых эти процессы пойдут более эффективно.

Взаимодействие – одно из определяющих условий эффективности функционирования образовательно-воспитательной системы высшего учебного заведения, которое связано с изменениями в содержании их деятельности и влиянием на социальное становление студента.

Характерная особенность игрового взаимодействия заключается в том, что оно может создаваться целенаправленно, достигаться специально, становясь результатом сознательной деятельности преподавателя и студента.

Благодаря игровому взаимодействию студенты учатся общаться друг с другом и другими людьми (что имеет особое значение в период развитой виртуальной жизни общества) независимо от их возраста, продолжают наиболее непосредственно познавать окружающий мир, уважать других и т. д. Потенциал – это степень мощности, совокупность средств и возможностей. В процессе игрового взаимодействия студенты развивают интеллектуальные, психологические, эмоциональные, организаторские, физические, творческие и многие другие способности, а также учатся воспринимать и отбирать информацию во время игры.

Стоит отметить, что в основе игрового взаимодействия, исходя из названия, всегда лежит та или иная игровая деятельность.

Немаловажный смысл несет в себе игровое взаимодействие, в основе которого лежат игры с активной деятельностью. Их значение очень велико: они не только развивают внимательность, реакцию, активность, лидерские качества, интеллект человека, но и улучшают его физическое состояние и здоровье. Обычно в таких играх студенты вновь учатся взаимопомощи, взаимовыручке, общению в коллективе (так как это делают дети), а также умению управлять своими мыслями, чувствами, эмоциями, самоорганизовываться и организовывать других участников игрового процесса.

Игровое взаимодействие способствует созданию психологического климата в коллективе, преодолению личностных комплексов, формированию самостоятельности, инициативности, общительности, создает равные условия деятельности, осуществляет вербальное партнерство, разрушает барьер между преподавателем и студентом [5. С. 24].

Именно равенство, а не панибратство позволяет достичь наиболее высоких результатов.

Например, организаторские способности, которые, в том числе, проявляются и в процессе игрового взаимодействия, представляют собой сплав многих качеств. Некоторые психологи связывают способности к организаторской и творческой деятельности, прежде всего, с особенностями мышления. В творческом мышлении, которое находится в основе любого игрового взаимодействия, лежит дивергентный способ мышления, характеризующийся умением [4. С. 55]:

- высказывать в процессе игры максимальное количество идей (быстрота и гибкость мышления). В данном случае важно их количество, а не качество;

- порождать новые нестандартные идеи. Это может проявляться в ответах, решениях, не совпадающих с общепринятыми стандартами (оригинальность мышления);

- совершенствовать и придавать игре творческий вид;

- видеть проблему там, где ее не видят другие;

- применять организаторские способности для решения игровых задач;

- воспринимать действительность целиком, не дробя ее на части;

- легко ассоциировать отдаленные понятия и выдавать нужную информацию в нужную минуту.

Накопленный опыт и знания в процессе игрового взаимодействия являются необходимой предпосылкой для будущей активности во всех сферах человеческой деятельности.

Несмотря на огромное количество классификаций игр, существуют игры с наибольшим социальным запасом. С. А. Шмаков называет их социальными [8. С. 240]. Такие игры позволяют развивать организаторские способности человека, опираясь на реальные социальные ситуации.

Социально ориентированная игра – это большой импровизированный спектакль, в котором участвуют все. В этих играх создаются ситуации выбора, когда человек выбирает не только направление своего участия в игре, но и способ дос-

тижения цели. Он может идти к цели один, или со своим другом, или с коллективом [8. С. 240].

Главный педагогический смысл этих игр – создание ситуаций выбора, в которых студент должен найти способ решения той или иной социальной проблемы на основе сформированных у него ценностей, нравственных установок и своего социального опыта. Социально ориентированная игра имеет свои особенности. Так, в ней, помимо взаимоотношений, которые разыгрываются студентами в соответствии с принятым сюжетом и взятой на себя ролью, возникают другого рода отношения – уже не изображаемые, а действительные, реальные. Эти виды отношений тесно взаимосвязаны, но не тождественны и могут расходиться друг с другом.

Выделяются три группы закономерностей воздействия игрового взаимодействия на личность [6. С. 161]:

- изменение позиции личности в коллективе;
- корректировка взаимоотношений в совместной деятельности;
- влияние на характер участия студентов в деятельности.

Одной из особенностей игрового взаимодействия, в основе которого лежит социально ориентированная игра, является двупланность поведения.

С одной стороны, играющий всегда остается самим собой, с другой – выполняет функции и обязанности того человека, роль которого принимает на себя. Играя роль, он занимает как бы новую позицию, объединяющую существующее в коллективе положение с тем положением, которое отводится образу-роли. Наибольшее значение это имеет, когда студент выступает в роли организатора игрового процесса.

При разработке преподавателем игрового взаимодействия на основе конкретной социально-ориентированной игры необходимо учитывать следующие принципы [Там же. С. 120–121]:

- принцип индивидуальной избирательности игры с учетом возрастных, творческих и организаторских особенностей конкретных студентов;
- принцип адекватности игры системе социальных отношений в обществе и конкретном высшем учебном заведении;
- принцип рефлексивного последействия;
- ориентацию на гуманистический характер игр;
- соотношение в игре управления и самоуправления (что сегодня имеет особое значение в сфере высшего образования).

В игровом взаимодействии возможен переход от внешних требований преподавателя к внутренним требованиям самого студента. Механизм такого перехода основывается на общих закономерностях игры. Участвуя в игре, студент выступает в увлекательной для него позиции. Игровую роль он выполняет без какого-либо внешнего воздействия. Она становится для играющего внутренней необходимостью, а правила игры – внутренними правилами для самого себя. Наблюдается стремление и желание самого играющего к максимальному проявлению личных качеств, организаторских способностей и возможностей для выполнения требований роли. Именно такую воспитательную задачу ставит перед собой преподаватель. Игровое взаимодействие создает предпосылки к совместному стремлению студента и преподавателя достигнуть единой цели.

Педагогическая ценность использования игрового взаимодействия в работе со студентами заключается в том, что оно способствует [7. С. 260]:

- выявлению мотивации, особенностей эмоционального реагирования студентов и созданию условий для их положительного проявления;
- достижению понимания особенностей и целесообразности коллективных отношений при решении сложных комплексных проблем с учетом вклада каждого;

- комплексному использованию знаний, опоре на их жизненный опыт;
- развитию системных представлений о способах и приемах деятельности (как умственной, так и практической).

Таким образом, технология игрового взаимодействия формирует и развивает организаторские способности, лидерские качества, позволяет выработать у студентов активную жизненную и социальную позицию, позволяет им раскрыть свой внутренний потенциал, стать конкурентоспособными на профессиональном рынке современного общества.

Литература

1. Дыбина О. В. Игровые технологии ознакомления дошкольников с предметным миром. – М. : Педагогическое общество России, 2008.
2. Михайленко Т. М. Игровые технологии как вид педагогических технологий // Педагогика: традиции и инновации : материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – Т. I. – С. 140–146.
3. Пономарев В. Д. Игровая культура праздника: от феномена к профессии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 17-2. – С. 204–209.
4. Приезжева Е. М. Организация и методы игровой деятельности в туризме : учеб.-метод. пособие. – М. : Советский спорт, 2005.
5. Русанова В. С. Возрастные дифференциальные технологии социально-культурной сферы : программа и метод. рекомендации. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2005. – Ч. 1.
6. Фришман И. И. Игровое взаимодействие в детских объединениях : монография. – Ярославль : ИД «Медиум-пресс», 2000.
7. Фришман И. И. Развитие идеи игрового взаимодействия в условиях детских общественных объединений последних десятилетий XX века // Развитие личности. – 2002. – № 1. – С. 255–265.
8. Шамаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры. – М. : Новая школа, 1994.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Мясникова Людмила Анатольевна

д-р филос. наук, профессор,
проректор по научной работе НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Myasnikova Lyudmila Anatol'evna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
LAU Vice-Rector on Research and Development,
Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

**О КОНФЕРЕНЦИИ
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА «УНИВЕРСИТЕТ
XXI ВЕКА: СТАРЫЕ ПАРАДИГМЫ
И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ»**

**ON THE LAU CONFERENCE
“UNIVERSITY
OF THE 21ST CENTURY:
OLD PARADIGMS AND
CONTEMPORARY CHALLENGES”**

7–8 апреля 2015 года в Гуманитарном университете прошла XVIII Всероссийская научно-практическая конференция **«Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы»**. Выбор тематики конференции обусловлен тем, что современный университет переживает системный кризис. Прежние задачи и функции высшей школы утрачивают значение для общества. Сами фундаментальные основы образования – «что?», «как?» и «зачем?» – нуждаются в существенном переосмыслении. От выбора, который должно сделать университетское сообщество перед этими радикальными беспрецедентными вызовами, во многом зависит будущее не только собственно университета, но и общества, репродуктивной частью и силой которого он является.

В качестве основной цели конференции была заявлена коллективная рефлексия педагогов, ученых, менеджеров, историков и футурологов о состоянии университета сегодня. Необходимость проанализировать состояние разных аспектов, сфер и структур реальной университетской жизни, понять и сформулировать, в каких направлениях должны вестись поиски способов преодоления разрыва между социальными вызовами времени и смыслом образования, его содержанием, технологией преподавания, институциональной структурой, менеджерскими задачами, организацией пространства университета, факультета кафедры, аудитории и т. д.

В рамках конференции состоялось пленарное заседание, на котором после приветственного слова ректора гуманитарного университета доктора философских наук, профессора **Льва Абрамовича Закса**, обозначившего также цели и задачи конференции, было заслушано и обсуждено четыре доклада.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральского государственного экономического университета Сергей Леонидович Кропотков в докладе **«Современный университет: между государственной гиперрегуляцией и вызовами времени»** напомнил, что существуют четыре «идеологии» использования университетского образования:

- 1) технологическая, требующая от образования обеспечения потребностей экономического и технического развития (с приоритетом военно-промышленного комплекса);
- 2) социально-инженерная, рассматривающая университеты как средство преодоления границ между социальными группами и классами (наличие университета меняет социум);
- 3) гуманитарная, признающая ценность образования как такового и его роль в культуре и рассматривающая потребность в образовании как сущностную для личности;

4) презентационная, делающая акцент на престижности образования, на том, что образование – своеобразный «социальный лифт», влияющий на карьерный рост человека.

Современное общество – это не капитализм фордистского типа, это постфордистское общество, «текущая современность», заставляющая изменяться и изменять социальные институты. Университет же не хочет меняться, точнее, делает видимость, что меняется. Эта видимость, имитация изменений задается и государством. Фактически, образование находится в ситуации, когда воспитание творческой личности, субъекта, способного принимать ответственные решения, жить в меняющемся мире, пытаются осуществить с помощью жесточайшей бюрократической регуляции и давления. Образование находится, по существу, в собственности «государства-благодетеля». Неолиберальная риторика модернизации осуществляется консервативными методами и ужесточением надзора. Вместе с тем ситуация не безнадежна. Докладчик полагает, что связи внутри университетского, образовательного сообщества, объединение усилий и опыта лучших вузов и преподавателей, межуниверситетские, межпредметные взаимодействия могут стать основой для развития университетского образования в соответствии с вызовами времени. Доклад вызвал вопросы и дискуссию.

Галина Ивановна Зверева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и теории культуры Российского государственного университета (г. Москва) в докладе «**Современное гуманитарное образование в университете: вызовы и ответы**» обратила внимание на то, что университет выполняет три основные функции: образовательную, научную, социальную. В отличие от других образовательных учреждений, университет не только дает профессию, квалификацию, но дает именно образование, формирует образ человека. Г. И. Зверева считает, что выполнить главную задачу – дать образование можно через взаимодействие гуманитарного академического знания с неспециализированным гуманитарным знанием, через «гибридное» знание. Специалисты-гуманитарии должны выходить в публичную медиасреду. Нужно использовать возможности, которые дает современная медиасфера. «Быстрое», «готовое», «актуальное» знание Интернета надо использовать, но надо учесть рефлексии над ним (как читать? как слушать? как писать? как видеть? как говорить? как общаться? и т. п.). Надо различать «информацию» и «знание». Университет должен создавать среду, для того чтобы у студентов формировалась способность к самостоятельному, творческому преобразованию. Сетевые технологии позволяют работать с большим объемом ресурсов и информации, надо учить работать с ними и рефлексировать. Доклад также вызвал живой отклик, вопросы, дополнения, возражения.

В докладе «**О смене культурных кодов в современном университетском сообществе**» доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета Галина Андреевна Брандт, первоначально обратившись к небольшому видеосюжету по отбору журналистов на вакантную должность на телеканале, с горечью констатировала: «Мы живем в ситуации тектонического сдвига: то, что раньше было анекдотом, сейчас – почти норма» (претенденты на вакантную должность не смогли правильно ответить, например, на вопрос: «Куда впадает Волга?»). Что делать, чтобы университет не оказался в руинах? Если раньше на высшее образование претендовала узкая прослойка с высоким интеллектуальным уровнем, с мотивацией на образование как труд, то сейчас образование носит массовый характер. Сегодня образование воспринимается как пребывание в вузе, за которое можно получить «корочки», т. е. диплом. Студенту интересно там, где он сам участвует, а не где его учат. Главный субъект учебного процесса – студент, а не преподаватель, точнее, преподаватель должен быть организатором среды. Нужна «перезагрузка»

преподавателя, преподаватель должен измениться, отказаться от властной функции «феодалного владения оценкой», старых, отживших парадигм, старого педагогического дискурса. Если преподаватель не готов создать ситуацию, чтобы его хотели слушать и слышать, – лучше не говорить. Прежние методы, эффективные в классическом университете, сейчас неэффективны.

Вопросы к докладчику касались того, что кризис университета обусловлен не только (и не столько) внутренней средой, сколько внешней: падением престижа образования, нефеодалными методами управления образованием и т. п.

В докладе кандидата экономических наук, проректора по учебной работе «Университета управления ТИСБИ» (г. Казань) Дмитрия Владимировича Полякова **«Консорциум негосударственных вузов «Евразийский сетевой университет»: концепция, задачи, перспективы развития»** предлагается проект (уже реализуемый) объединения усилий и возможностей различных негосударственных вузов для повышения качества образования студентов. Объединение ресурсов через новую форму сетевого университета поможет привлечь абитуриентов, дать им возможность, учась в одном вузе, получить еще дополнительную профессию и диплом, обеспечивает мобильность и т. п., то есть такая форма как раз способна решать те задачи объединения лучших сил, о которых говорилось в докладе профессора С. Л. Кропотова. Задача – через совместное взаимодействие (в консорциум Евразийский сетевой университет) уже вошли 18 вузов, от Смоленска до Красноярска), через взаимодействие с Министерством образования разработать нормативную базу объединения.

Вопросы и обсуждение доклада касались нормативно-правовых основ реализации проекта.

Конференция продолжила свою работу в формате обсуждения проблем на подиумных дискуссиях. Всего их было четыре.

7 апреля состоялись две подиумные дискуссии, а также заседание рабочей группы Евразийского консорциума «Сетевой университет».

Подиумная дискуссия **«Концептуальные парадигмы высшей школы: определение перспектив»**. Модератор доктор философских наук, профессор Л. А. Закс выделил главные вопросы: чему учить студентов в изменившихся условиях современной жизни? какова миссия университета? должен ли университет давать знания или нечто большее?

Кандидат философских наук, доцент Геннадий Васильевич Болдыгин говорил о специфике университета, его истории, изменении смыслов, вкладываемых в понятие «университет». Модернизация университета происходит в условиях омасовления культуры. Главную задачу университета он видит в воспроизводстве культуры.

Доктор философских наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Павел Леонидович Зайцев обратил внимание на «потребителей» университетского образования, полагая, что потребителями выступают не только абитуриенты, но прежде всего их родители. Родители надеются, что их дети, став студентами, попадут в благоприятную среду, которая не позволит им скатиться на нижние социальные уровни. Абитуриенты же ждут популярных лекторов, игры, общения, веселой студенческой жизни. Задача университета – совмещение академического образовательного дискурса с популярным.

С. Л. Кропотков солидарен с Г. В. Болдыгиным в том, что университет как форма образования пришел из средневековья и нужно в новых условиях вернуться к истокам – к междисциплинарности. Сейчас университету приходится, выполняя образовательную функцию, восполнять недостатки культуры, т. е. выполнять и компенсаторную функцию.

Доктор юридических наук, декан юридического факультета Алексей Павлович Семитко в своем выступлении обратил внимание на разрыв жизненных ценностей поколений, основной массы преподавателей и современной молодежи: «Мы не нужны нынешней молодежи». Важно обратиться к мотивации студентов, учитывать ее. Задача университета – усиливать элитарную прослойку общества. Для решения подобной задачи у нас (негосударственного вуза) есть возможность корректировки модели гуманитарного образования, воплощенной в учебные планы.

Кандидат культурологии Дмитрий Владимирович Суворов также сосредоточил внимание на коррекционной функции университета в современном обществе. Многие вопросы и выступления касались именно мотивации студентов, учета их жизненных ценностей, дискурса, межпредметного обучения, преодоления ситуации «университет в руинах».

Лев Абрамович Закс, подводя итоги, попытался ответить на вопрос: «Что может служить закономерно-необходимым основанием для сегодняшнего формулирования и практического внедрения (легитимации) адекватного потребностям современности “всеобщего университетского тезауруса”?» Университет должен не только давать профессиональное, узкопрагматическое образование, его задача – приобщить к неким общим знаниям и компетенциям, составляющим «мир» человека, элементами которого выступают знания о природе, обществе, культуре и самом человеке.

Подиумная дискуссия «**Университетская экономика и менеджмент в процессе модернизации**» (модератор – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Сергей Александрович Мицек) касалась анализа экономических моделей университета в условиях модернизации, развития рынка образования, направлений развития университетского менеджмента, маркетинговых стратегий современных университетов, новых форматов образовательных услуг. Обсуждались также конкретные проблемы преподавания экономики в вузах, роль экономических знаний в социуме, социокультурные коммуникации в российском обществе.

8 апреля состоялись две подиумные дискуссии и продолжилась работа группы «Евразийский сетевой университет». Подиумная дискуссия «**Новые стратегии и практики преподавания: поиски, опыты, технологии**» (модератор – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета Г. А. Брандт) сосредоточила свое внимание на вопросе: как «подключить студента к культурным компонентам», т. е. на практике и технологиях гуманитарного образования? Доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии Уральского государственного педагогического университета Ирина Яковлевна Мурзина поставила проблему так: «Мы учим студентов “жить вчера”, а не “жить завтра”». С учетом позиции «научить жить завтра» Ирина Яковлевна осмысляла место культурологии и преподавателя культурологии в учебно-образовательном процессе. Педагогический университет готовит учителей для общеобразовательной школы. В школе узкоспециализированный учитель культурологии не нужен, но нужен учитель культурологии, который соединяет, интегрирует разные знания. В основе всех образовательных стандартов заложены две основные идеи: 1) осуществить образование как присоединение к культурному полю; 2) научить критически мыслить, рефлексировать. Для решения этих задач и нужен культуролог. Культурология не может быть вписана одной строчкой, одной дисциплиной в учебный процесс. Культурология и философия – предметы, постигая которые студенты могут говорить о жизни, но если философия поднимает предельные вопросы, то культурология – конкретные.

Г. В. Болдыгин напомнил о том, что в модель Гуманитарного университета изначально закладывалась идея культурологии как синтетического знания, как соединение истории культуры, религии, политического, социального, языкового знания. Но под влиянием образовательных стандартов эту модель пришлось изменить. Российскому человеку не хватает знания культуры. Действительно, культурологию следует строить как интегральное знание.

Кандидат социологических наук, доцент, декан факультета социологии Татьяна Дмитриевна Агеносова говорила о проблемах и опыте преподавания социологии как того вида знания, которое может ответить на сложнейшие вопросы общественной жизни и научить самостоятельно мыслить.

Доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе Зинаида Александровна Незнамова подчеркнула, что университетское образование мыслится как «высшее», а не «высшее профессиональное». Модель подготовки бакалавра предполагает общее образование. Европейская модель бакалавриата предполагает преимущественно специализированное профессиональное знание.

Университет готовит бакалавров, а общество ждет специалистов. Сокращение срока образования на один год привело к тому, что «обрезали» гуманитарную составляющую, оставив в качестве основных дисциплин историю и философию, остальное – дело выбора вуза. Вымывание гуманитарной составляющей мало что оставляет от гуманитарного университета. Говорят, что знания быстро устаревают, но устаревает информация. Знания и информация не одно и то же. Вуз должен не в готовом виде информацию выдавать, а научить извлекать знания, работая с информацией. Образно говоря, надо не рыбку за студента выловить, а дать удочку, чтобы он сам рыбу ловил.

В выступлениях и вопросах студента 3-го курса социологического факультета Станислава Мельниченко, доктора философских наук, профессора кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВПО Южноуральского государственного университета (г. Миасс, Челябинская область) Валентины Яковлевны Нагевичене, кандидата социологических наук, доцента Гуманитарного университета Ирины Константиновны Кошечевой поднимались острые проблемы подготовки гуманитариев в университетах, сохранения фундаментальной подготовки в условиях резкого сокращения часов; необходимости тюнинга образовательных программ.

Кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института (г. Москва) Александр Михайлович Копировский говорил о том, что «урезание» часов на гуманитарные дисциплины не должно нас загонять в тупик, во всякой стене есть прорехи. Нужно ориентироваться на своего рода категорический императив для преподавателя в университетах:

- не врать;
- не обрушивать на голову студента всё и сразу, а выделять что-то самое главное;
- не «приобщать» студента к культуре, а «помазать по губам, чтобы сладко было», и студент сам бы захотел познавать;
- не заставлять, а воспитать благоговение перед культурой, соединяющей науку, искусство, религию. У студента должен быть выбор, чему учиться.

Особый интерес вызвало очередное выступление Г. И. Зверевой. Она тоже остановилась на том, что слово «профессиональный» ушло из образовательных стандартов, но суть профессиональной подготовки не ушла. У вузов появилось больше самостоятельности в формировании учебных планов, они должны быть более гибкими и вариативными. У нас сейчас образование не укладывается ни в Болонскую модель, ни в американскую, ни в советскую, это некий микс. В этом

есть не только недостатки, но и преимущества. Основных дисциплин в учебном плане должно быть не много, остальные – по выбору вуза и студента. Студент должен учиться не отвлеченно, он должен понимать, зачем ему это нужно. Любая дисциплина состоит на 1/3 из теории и на 2/3 – из практики. Отмеченная 1/3 должна дать методологию, с которой студент будет работать.

На подиумной дискуссии **«Университет как социум и субкультура: роли – отношения – порядки – ценности. Автономия университета и университетские свободы»** (модераторы: кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета Светлана Дашиевна Балмаева и кандидат философских наук, доцент, завкафедрой рекламы и связей с общественностью Гуманитарного университета Алла Владимировна Дроздова) были подняты такие вопросы и проблемы:

- вызовы и риски вузовского образования в России и в мире;
- социализация как задача университета;
- представляют ли угрозу университету открытые онлайн-образовательные проекты?
- в чем ценность университетской культуры?
- студенты – преподаватели – работодатели: как найти общие ценности?

Директор PR-агентства «Ньютон» Алексей Владимирович Глазырин полагает, что российские университеты не осознают всей глубины кризиса высшего образования. Университеты конкурируют в борьбе за человеческий капитал: кто придет учиться и кто придет преподавать? Лучшие абитуриенты идут в ведущие российские и зарубежные вузы. Конкуренцию составляют и современные формы обучения (в частности, онлайн-площадки, которые позволяют получить элементарные знания, а также послушать лекции лучших преподавателей страны). Многие университеты стремятся в условиях конкуренции перестроить парадигму преподавания. Беспредельная бюрократизация образования заставляет «оживлять» процесс образования связью с практиками, приглашая их в качестве преподавателей. Студенты от приходящих практиков ждут «баек», думая, что в реальной жизни и работе всё к этому сводится. Но серьезной работы не может быть без системного знания, без хорошей теории. Ориентация преимущественно на практиков резко снижает планку образования. Хотелось бы, чтобы выпускники университета гораздо лучше знали базовые основы (в частности, в сфере PR и рекламы: речь идет о логике, русском языке, менеджменте...). У выпускников есть «солянка» из поверхностных знаний, но нет хорошей основы. Многие родители стремятся отправить детей учиться за рубеж.

А. П. Семитко в своем выступлении заметил, что в Европе такой же кризис образования, как и в России. Хорошее образование можно получить лишь в немногих лучших университетах, куда российским абитуриентам крайне сложно поступить. Большинство родителей посылают детей за рубеж не за образованием, а для того, чтобы они затем могли там остаться жить, исходя из представления: в России жить тяжело, и человека здесь не ценят.

Вера Владимировна Тарасова, директор журнала «Бизнес и жизнь» (Издательский дом «АБАКПРЕСС»), опираясь на собственный опыт, считает, что университет, прежде всего, – квинтэссенция личностей, формирующих картину мира. Главное – не чему учили, а кто учил, главное – живое общение с преподавателями, причем не только на лекциях, но и в библиотеке, дома у профессора, в неформальной обстановке. Никакие онлайн-площадки этого дать не могут. Выбирая профессора, студент выбирает свое будущее. Онлайн-площадки эффективны для пополнения знания человеком со зрелыми ценностями и целями. Молодому человеку необходима личность, и через интерактивное взаимодействие с профессором он как личность формируется.

В бурной дискуссии о том, кому нужно университетское образование, какова роль преподавателя, кого и как он формирует, надо ли вообще формировать студента, какой смысл вкладывается в понятия «формирование», «воспитание», идет ли студент в университет за знаниями или ищет себя будущего и др., приняли участие кандидат философских наук, доцент Геннадий Васильевич Болдыгин, кандидат философских наук, доцент Алла Владимировна Дроздова, кандидат культурологии Наталья Леонидовна Шайгарданова, кандидат философских наук Екатерина Анатольевна Батюта, кандидат социологических наук, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма Снежана Александровна Рамзина, доктор философских наук, доцент Павел Леонидович Зайцев (г. Омск), старший преподаватель факультета социальной психологии Инна Александровна Оплетина, старший преподаватель юридического факультета Владимир Михайлович Танаев, кандидат социологических наук Ирина Константиновна Кошечева, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии, биоэтики медицинского университета Елена Валентиновна Белоусова, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета Людмила Анатольевна Мясникова, доктор философских наук, доцент Галина Андреевна Брандт, студенты факультета телерадиожурналистики.

В заключение работы ректор Гуманитарного университета подвел итоги конференции, поблагодарил участников, всех, кто обеспечил четкую работу конференции.

Проректор по научной работе доктор философских наук, проф. Л. А. Мясникова огласила статистические данные по итогам конференции: в XVIII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета «Университет XXI века: старые парадигмы и современные вызовы» приняли участие 129 человек, из них 79 % – преподаватели, 9,7 % – студенты и магистранты, 10,5 % – аспиранты. Ученую степень имеют 87 человек (67,4 %), докторов наук – более 20 %. Из общего числа участников 55 человек – представители Гуманитарного университета, 35 – иногородние участники, 3 – иностранные. Опубликован сборник материалов конференции, куда включены тезисы 103 докладов 124 авторов. Личное участие в пленарном заседании и в подиумных дискуссиях приняли 112 человек. В заседании рабочей группы консорциума «Евразийский сетевой университет» участвовали проректоры по научной работе пяти негосударственных вузов.

Материалы конференции будут размещены в базе РИНЦ. Все участники отметили высокий уровень конференции в целом, пленарных докладов и многих выступлений. Получила поддержку и междисциплинарная форма обсуждения – подиумные дискуссии. Отмечалась высокая степень вовлеченности, личностная заинтересованность участников обсуждения. Предложено наиболее интересные идеи обобщить и по возможности реализовать.

Редакционная коллегия

- Закс Лев Абрамович** – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.
- Мясникова Людмила Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.
- Агеносов Александр Васильевич** – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.
- Балмаева Светлана Дашиевна** – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.
- Борисова Ирина Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.
- Брандт Галина Андреевна** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.
- Глушкова Светлана Игоревна** – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).
- Дроздова Алла Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета социальной психологии, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зотова Ольга Юрьевна** – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зубков Константин Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Гуманитарного университета.
- Крутько Инна Сергеевна** – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.
- Мицек Сергей Александрович** – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Мицек Елена Борисовна** – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Перельгина Елена Борисовна** – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.
- Рамзина Снежана Александровна** – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.
- Росновская Людмила Валентиновна** – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.
- Семитко Алексей Павлович** – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).
- Семякин Михаил Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.
- Хмелькова Наталья Владимировна** – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Гольнец Сергей Васильевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, академик Российской Академии художеств, профессор Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языкознание, философские науки, искусствоведение и культурология)
- **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)
- **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)
- **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Максимальный объем статьи 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2. С. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность,
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (5–10 строк);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Обязательна рецензия на статью специалиста по данной отрасли знания, **для магистрантов, аспирантов** – отзыв научного руководителя и внешняя рецензия.

Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (апрель) – до 15 марта

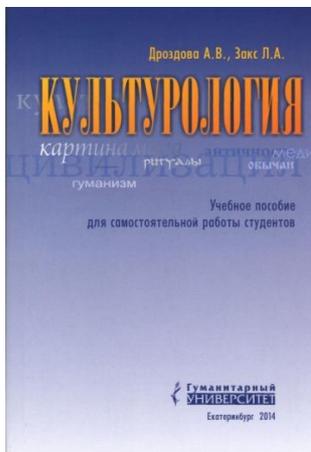
№ 2 (июль) – до 15 мая

№ 3 (октябрь) – до 15 сентября

№ 4 (декабрь) – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207, тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Дроздова А. В., Закс Л. А.

Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Ямалетдинова Г. А.

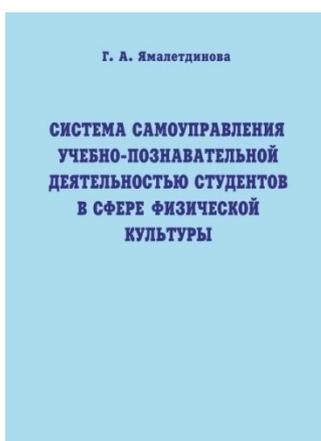
Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 278 с.

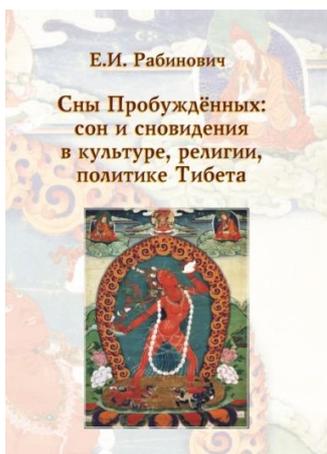
ISBN 978-5-7741-0218-1

В монографии раскрывается сущность и специфика самоуправления учебно-познавательной деятельностью студента вуза с использованием средств физической культуры и возможностей модульно-проектных технологий.

Рассмотрены структура и содержание комплекса условий (организационно-функциональных, процессуально-содержательных, управленческих и информационных) повышения эффективности процессов самоуправления учебно-познавательной деятельностью для проектирования личностных программ здорового стиля жизни и управление ими.

Монография носит теоретико-методологический и эмпирический характер и предназначена для специалистов сферы физической культуры, преподавателей вузов, аспирантов и студентов вузов.

Рабинович Е. И.

Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

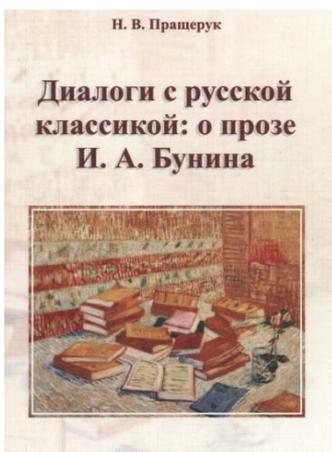
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

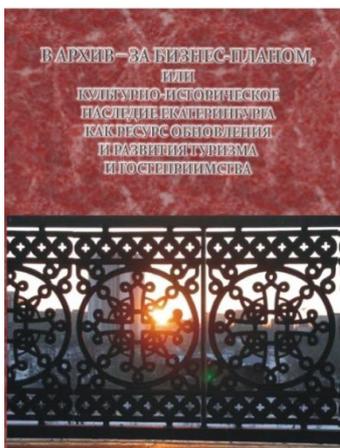
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

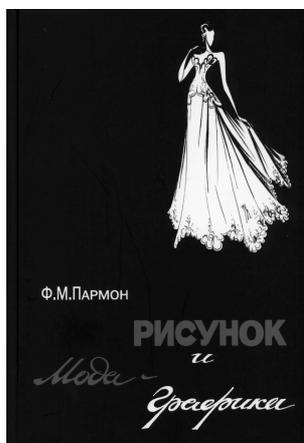
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиаекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиаекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Языкознание и литературоведение (45.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:
• прием документов: с 1 июня по 25 августа;
• вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2015. № 1 (8)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 24.04.2015.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 7,32
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3